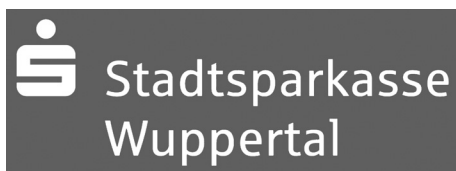

Альманах

№ 17

Благодарим за поддержку:

важаемые читатели, взрослые и маленькие!

В предыдущем номере я обещал дать в этом выпуске материалы о штутгартском поэте Ольге Бешенковской, ушедшей от нас 10 лет назад, материалы о Чернобыле в связи с тридцатилетней годовщиной этой страшной трагедии, шлейф от которой тянется до сих пор. Обещание сдержал. А вот вступающие друг с другом в заочный спор произведения о войне в Донбассе снова оставил в портфеле до лучших времён, когда там в конфликте перестанут наконец гибнуть с обеих сторон люди. Даст Бог, это в ближайшее время всё-таки произойдёт.

В разделе «СТИХИ И ПРОЗА» вас ждут не только стихотворения и рассказы известных вам по прежним публикациям авторов, но и встреча с нашими талантливыми дебютантами. В рубрике «Литкафе» вы познакомитесь с творчеством наших гостей из Екатеринбурга, с которыми мы обменялись страницами: в 21 номере журнала «Воскресенье» опубликованы авторы «Семейки» Ольга Бешенковская, Татьяна Ивлева, Елена Ханн и составитель этого альманаха.

Некоторые материалы номера перекликаются, «рифмуются» между собой: тема «особенных детей» (А. Крамер, С. Куралех) и тема Чернобыля (Н. Фоминская и М. Розумов).

Не обошлось в номере и без поощряемой нами семейственности – в хорошем смысле слова. В альманахе представлено творчество семьи Куралех: Светлана – рассказ о кукольных фестивалях и заметки о внучке, а сама Ксюша (6 лет) – рисунки и мысли о жизни.

Многоплановым и, на мой взгляд, очень интересным получился раздел для детей «ОНИ СОПЛИСЬ».

Как всегда, разнообразна география участников нашего международного альманаха: Германия, Австралия, Латвия, Россия, Украина.

В заключение – мой вам стишок-пожелание на предстоящий 2017 Год Петуха:

Восславим мы в который раз
Нам Богом год подаренный.
Пусть никакой не клонет нас
Петух, тем паче – жареный!

Всех благ!

Составитель В.А.

Стихи

и проза

Даниил ЧКОНΙΑ

Кёльн

Главное – притронуться к струне

Наш автор, Даниил Чкония, в 2016 году отметил свой 70-летний юбилей. Уроженец Порт-Артура, он жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве, с 1996 года – в Кёльне. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей с 1976 года, ныне – член СП Москвы и Русского ПЕН-центра. Печатается в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир», «Интерпоэзия» (Нью-Йорк) и многих других. Автор одиннадцати книг стихов. Главный редактор журнала «Зарубежные записки» (2005-2009). Сегодня – зам главного редактора и ведущий раздела зарубежной русской поэзии журнала «Эмигрантская лира». Даниил Чкония – председатель жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий» (Рим, 2008-2012), за что в 2012 году награждён дипломом Мэрии города Рима, председатель жюри Международного поэтического конкурса «Дорога к храму» (Израиль, 2014-2016), член жюри Международного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (Бельгия, 2008-2016). Отмечен специальным дипломом Фестиваля зарубежного русского искусства имени Чехова (Афины, 2007). В 2011 году за редактирование журнала «Зарубежные записки» награждён специальным дипломом жюри и оргкомитета Русской премии. Лауреат поэтического марафона «Сокровенные свифели» («45-я параллель», 2014). В 2015 году поэту присуждена премия имени В. Сирина (Набокова), а в нынешнем году – за поэтическую книгу «Стихия и пловец» Даниил Чкония стал лауреатом Русской премии в номинации «Поэзия».

* * *

неловок стих и проще в прозе
хотя цветок раскрылся ал
поговорить об этой розе
наркоз катарсис карнавал

придёт пора когда припёрло
и время обгорать свечам

и розы тоненькое горло
колышет ветер по ночам

так и тебе сгоревшей в страсти
как будто заключённой в клеть
не избежать такой напасти
мучительно и долго тлеть

* * *

вот облаков небесных рать
безвестная доныне
намерилась меня карать
за мелкий грех унынья

сiju над тихою строкой
над медленным строеньем
строки

над тихою рекой
и вод её струеньем

и в этих близких небесах
отсвечивает пойма
там взвешивают на весах
там я раскрыт и пойман

живя на быстрых скоростях
меняю обстановку
пусть облака меня простят
за эту остановку

* * *

я ж не музыкант а дурачок
ничего про музыку не знаю
главное что струны и смычок
вот уже и музыка сквозная

главное притронуться к струне
так чтобы дыхание коснулось
нот и фраз созвучных только мне
чтобы это и в тебе проснулось

главное скольжение смычка
чтобы сердце вздрагивало нежно
чтоб уверенной была рука
приникая к сердцу безмятежно

листья стелят осени постель
вейся же музыка тихо вейся
я владеть тобой виолончель
научусь
ты только мне доверься

* * *

это грустно и непонятно
снова время кричит пестро
и толпятся слова невнятно
как набитый вагон метро

лишь одно словцо-неотложка
спит у сердца оно пока
не распахнуто нам окошко
уж ли участь его горька

и стеною непреодолимой
подступает тоска к нему
молчаливой печальной длинной
той которую не пойму

от которой не жду привета
от которой не жду обид

демон тьмы или ангел света
днём и ночью в трубу трубит

* **

я не думаю не думаю
нет ни имени ни отчества
и не ведаю беду мою
и отраду одиночества
был и неслухом и послухом
сам себя же не обидел бы
я постукиваю посохом
никому пока невидимым

сколько раз себя измучивал
под седыми небесами
жил от случая до случая
как придумываем сами

пусть пройду я незамеченный
всё одно уйду не сломан
и живу неонемеченный
не расставшись с русским словом

* * *

говоря совсем простыми
и привычными взывать
облака совсем простыми
став дождями проливать

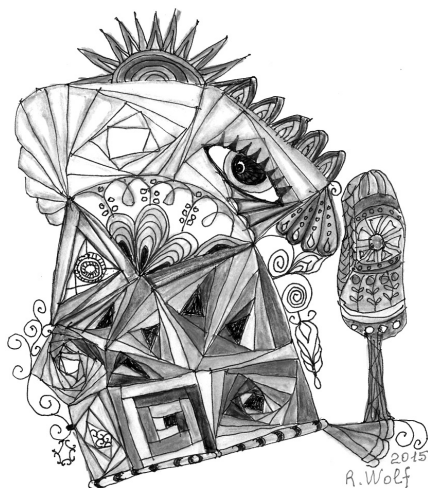
серебрясь струной в полёте
за которым мы следим
что дождинки вы поёте
чей мотив непобедим

а над облаком пылая
пробиваются лучи
и проходит жизнь былая
лентой памяти в ночи

голоса не отвечают
на твою простую речь
или слов не отличают
не умея их сберечь

но покуда не сломали
страсть которой обуян
облака идут слоями
и сгущается туман

и не надо бить на жалость
мол бессонная тоска
лишь бы это продолжалось
продолжается пока

Александр ХРАМЕР

Любек

Родился в Харькове (Украина). Окончил политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. В Харькове появились первые поэтические публикации. В 1998 году переехал в Германию, где начал писать прозу и публиковаться в литературных изданиях Германии, России, Украины, Канады и США. В 2010 году несколько рассказов вошло в московскую «Антологию русских писателей Европы».

Из цикла «Другие»

КИКИ

Его зовут Кики. Нет, Кики – это не настоящее имя. Так попугайчика звали, который жил в его комнате, ещё когда он был маленький, ещё когда родители были живы. Попугайчик умел говорить и по сто раз на дню произносил свое имя, вот он его и запомнил. Никаких других слов, к сожалению, больше так и не выучил.

Когда не стало родителей и он вынужден был переселиться в дом для инвалидов, то по всякому поводу произносил, да и произносит любимое слово – так оно к нему вместо имени и прилепилось.

Кики маленький, кругленький и почти как две капли воды похож на своих сородичей из племени даунов. Впрочем, мы японцев с китайцами тоже друг от друга не очень-то отличаем, но это я так...

Кики добрый. Улыбается целыми днями и готов всегда выполнить все, что бы ни попросили.

Кики трудолюбивый. Он работает в маленьком цеху, где собирает коробочки из картонных заготовок. Сто коробочек,

двести коробочек в смену, а то и все триста. Неделями, месяцами, годами... Просто уму непостижимо, сколько это коробочек наберется за все эти годы, но его привели однажды сюда, посадили, показали, что надо делать – и он собирает.

Кики прилежный и аккуратный. Всё, что нужно ему для работы, стоит у него на столе в строго определенном порядке; стоит хоть чуточку этот порядок нарушить, он тут же это заметит, тщательно всё поправит и лишь после этого продолжит работать.

Кики собирает коробочки и почти никогда не отвлекается. Разве что на пару минут, когда, например, бабочка в цех залетит или зайдет незнакомый кто, или... Впрочем, всё достаточно однообразно, поводов для отвлечения не слишком-то много, а так иногда бывает приятно на что-нибудь переключиться, когда ты день за днем собираешь и собираешь одни и те же коробочки.

Периодически, раз, а то и два раза за день, коробочки эти Кики осточертевают, достают до печенок прямо. Тогда он внезапно срывает с себя очки, швыряет их на пол (благо, пол с мягким покрытием и стекла из пластика не разбиваются), затем что есть силы швыряет в пространство очередную коробочку и начинает вопить на одной единственной ноте: «Ай-ай-ай-ай-ааай...». Замолкнет на секунду – и снова: «Ай-ай-ай-ай-ааай...». И снова... И кулаками размахивает. И слезы текут по щекам.

Так кричит, бедолага, пока не устанет ужасно или пока, с ухищреньями всякими, на него снова не наденут очки. Тогда Кики стихает, сникает, голова опускается, и он задремывает на считанные минуты. Очнется и вновь, как ни в чём не бывало, начинает очередную коробочку складывать.

Мне однажды захотелось понять, что же это такое с ним происходит. Я нашел себе стол, принес ящики с заготовками и стал, как и Кики, из заготовок коробочки складывать. Какое-то время было мне даже интересно: я старался работать как можно быстрее, точнее, даже соревнование сам с собою устроил.

Но развлечением это оставалось недолго. Стало надоедать. И чем дальше, тем больше. И когда через неделю Кики заверещал в конце смены свое «ай-ай-ай», мне вдруг непреодолимо захотелось швырнуть всё к чертовой матери и заорать вместе с ним – что есть силы. Больше я после этого на себе эксперименты не ставил.

До чего же хорошая штука – свобода выбора. Жаль, что Кики об этом никогда не узнает.

ТИНА

Видели ли вы когда-нибудь, как Тина здоровается? Ах, не видели! Тогда вам непременно нужно это увидеть, непременно.

Комната, где складывают инструкции для берушей, довольно большая. В ней сидит человек двадцать, каждый за своим столиком. У Тины тоже есть такой столик, он стоит у окна, прямо возле входа, но она никогда не сядет за него сразу, а сначала остановится в дверях и надменным, всевидящим взором оглядит помещение – всё ли на месте. Затем не спеша, с достоинством высокородной дамы подойдет к каждому, небрежно, снисходительно даже, протянет крошечную полную ручку и голосом еле слышным, расслабленным, с интонацией высокомерной, даже презрительной несколько... нет, не произносит, выдавливает: «Тина. Здравствуйте».

Да и как еще можно с вами здороваться и к вам относиться, если вы даже не помните, что ели на завтрак первого мая прошлого года. И вообще, что вы помните?! Пять дней рождений, десять праздников? А дни рождения всех, кто с вами знакомился когда-либо? А все поездки за город в мелочах и подробностях? А где вы находились... Да что с вами, слабопамятными, без толку разговаривать.

В столовой у Тины своё персональное место. Другие могут сидеть, где хотят, но она – Тина – должна сидеть только здесь и ни за что не потерпит, чтобы ее права ущемлялись; и если

кто ненароком займёт её место, мгновенно превращается в фурию. Её полное, надменно-робкое личико багровеет, она вопит что-то нечленораздельное, щёки прыгают, губы дергаются, руки грозно молотят воздух, даже может ударить.

Здесь к такому поведению не привыкли, поэтому Тина всегда одна-одинёшенька, с ней даже не разговаривают, а вот напугать могут запросто, чтобы хоть как-то отомстить за противный характер. Напугать её очень просто. Достаточно крикнуть: «собака», как Тина приходит в ужас, забивается в дальний угол, и там дрожит и плачет. А уж вида живой собаки совсем не выносит и на прогулке её нужно крепко-прекрепко держать за руку, потому что если любую, даже карликовую собачку случайно увидит – убежит – не догоните.

Зато работает Тина превосходно. Ни у кого нет такого рабочего места! Все разложено наилучшим, наирациональнейшим образом, в строгом порядке – неукоснительно соблюдаемом. Потому получается все замечательно, с максимальной скоростью, чисто и аккуратно. Мало того, она ещё успевает в окно поглядывать и всё, что там происходит, запоминать до мельчайших, невероятных подробностей: кто, когда приехал, что делал, с кем разговаривал, во что был одет... Проверять бесполезно: всё будто вгравировано в память.

Если вы как-нибудь попадете в комнату, где складывают инструкции для берушей, Тина обязательно поднимется с места, подойдет, в своей единственной и неповторимой манере протянет вам руку, назовётся и непременно спросит, как зовут вас и когда у вас день рождения. Если вы ей это расскажете, можете быть абсолютно уверены – теперь, в этом эгоистичном и беспамятном мире, есть кто-то, кто будет вас помнить всегда.

Андрей ХОРОВИН

Подольск

Родился в п. Первомайский г. Щёкино Тульской области (1971). Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Журналист, работает в сфере СМИ. Автор восьми поэтических книг. Стихи публикуются в поэтических антологиях, журналах «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь» и других изданиях, переведены на десять языков мира, в том числе на английский, немецкий, польский, армянский, грузинский и другие языки. Руководитель Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь», литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва) и других культурных проектов. Лауреат премий литературных журналов, Кавалер Золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина» (2010). Живёт в Подмосковье.

Слуцкий в Туле

В июне 1941 года молодой поэт Борис Слуцкий ушёл на фронт рядовым. Войну закончил в звании гвардии майора. Семьей обзавёлся уже в зрелые годы. Его жена, Татьяна Дашковская, тяжело болела и в 1977 году умерла. Для Слуцкого это стало настоящим ударом судьбы, от которого он так и не оправился. После смерти жены поэт впал в тяжёлую депрессию, перестал писать стихи и был вынужден переехать в Тулу, к семье брата. Его сердце остановилось 23 февраля 1986 года, в День Советской Армии.

1

он просыпался рано
смотрел в окно
там за окном всё тот же двадцатый век

пусто на сердце холодно и темно
никто никому не нужен
как сказал имярек

вот же она единственная
ушла
туда куда все уходят
и он уйдёт
боль понемногу стихла
любовь прошла
но тоска не проходит
нет
не пройдёт

он лежал на диване
да
смотрел в потолок
смотрел через крышу в небо
в её глаза
потом выходил из дома
бывший пророк
который на свете всё уже предсказал

– Здравствуйте, – говорил ему доктор, –
как нас зовут?
– Слуцкий, поэт, – сухо он отвечал.
«Знавали и наполеонов, все теперь тут», –
думал про себя доктор,
но вслух молчал.

– Есть у вас документы?
– Да, – протягивал документ
– Слуцкий Борис Абрамович... вот так так...
– Что привело на рельсы?

ответа нет

он писал стихи
больше не знает
как

2

когда поэт превращается в человека
ему становится всё равно
какое утро какого века
какое крутят в кинe кино

сгорели в танках его читатели
остыл недобрый двадцатый век
нет больше смысла в стихослагателях
он в стылoй Туле теперь навек

и он ложится и он спокоен
и двадцать третьего февраля
он понимает что путь свободен
что дальше медлить уже нельзя

ну что же Слуцкий
ну что же гений
ну что же бывший
ну что пророк
три тома изданных сочинений
солдатской жизни его итог

найдутся люди
стихи найдутся
из чрева письменного стола
душа не смеющая прогнуться
из них конечно произросла

Детство на Оке

я помню этот лес: грибы, деревья,
маслята, ельник, вот отец, а вот я,
июль в зените, месяц в рукаве.
отец кричит:

– ну что?

– опять маслёнок!

маслёнок тоже, в сущности, ребёнок.
а кто это там прячется в траве?

но очень скоро выйдем мы из леса.
а там – пруда таинственная пьеса,
блестят на солнце рыбы караси,
и мы – на этом зеркале пейзажа,
где темпера, и глушь, и тишь, и сажа,
и деревенька, Господи спаси.

и дальше мы идём с отцом куда-то,
в руке отцовской удочка зажата,
в затонах окских ждёт подкормку лещ.
скажи-скажи: ты жив ещё, ворюга?
узнаемся ль, увидевши друг друга?
жизнь движется стремительней, чем речь.

ах, лечь бы в речь, отдав себя течению,
когда вся даль небес открыта зрению,
и ты плывёшь, всевидящ, как река,
в твоих руках уже играют рыбы,
и вот за это, Господи, спасибо,
что в звёздном небе движется Ока.

История жука

для жука
перевернулось небо

лежит небо на жуке
а жук лежит
не жужжит
лапками шебуршит
то ли отталкивает
то ли поддерживает
то ли щекочет
небо

а небо такое
круглое
голубое
тяжееёлое

дайте кто-нибудь
руку жуку

помогите же
мужику

Снебапад

Ольге Подъёмщиковой

кто был из нас кто не был виноват
теперь не важно небо стало выше
и яблоневый нынче снебапад

чердак скрипит
и дождь стучит по крыше

вся жизнь твоя артхаусный обман
богема революция и ссылка
как я мальчишкой был тобою пьян

стучат иди
тебе с небес посылка

спасибо за свободу через край
за неуют семейного уюта
за обитаемый а не лубочный рай

за жизнь и за
любовь без парашюта

все спорили с тобой о небесах
в статьях стихах и музыке неспетой
речь облетает как листва в лесах

мороз уже
не стой в дверях раздетой

Ахматова в Царском Селе

тихо
время расставаний
пятница
среда
нет и не было
свиданий
больше никогда

летний день
или осенний
сумрак
поздний час
нет и не было
спасенья
никому из нас

день проходит
жизнь проходит
больше не хочу
нет и не было
наркоза
от шестого
чу

Елена ХАНН
Хайнсберг

ДНЕВНИК ДЕВЫ МАРИИ

6 июня 2157 года

Они мне опять отказали... Нет, не насовсем – сказали, через полгода можно ещё раз пройти тест. Дали талончик на 6 декабря. Через полгода мне, скорее всего, станет ещё хуже. Слабею с каждым днем. Сегодня еле на третий этаж поднялась. А мне всего 29.

Пришла моя Кошка. Бабушка рассказывала, что у неё была настоящая кошка и её звали... нет, сегодня фон совсем тяжёлый. Надо лечь. Спать. Скорее бы научились...

7 июня

А может быть, они всё же научились заслонять город от лучей? Сегодня я почти не слышу этого мучительного шелеста в голове. И почти не тошнит. Зря я вчера раскисла. Ведь не отказали же совсем, а только сказали, что в таком слабом теле не приживётся. Перевод добра. В банке и так мало семенного материала осталось – дают только здоровым.

Моя Кошка опять кричит. Какой у неё противный голос последнее время. Вот та, настоящая кошка моей бабушки, умела петь «мяу».

12 июня

На работе дали шесть дней отпуска. Сегодня долго спала. Разбудила Ирка, моя соседка. Я ей так завидую – она сильная. Вот бы мне такое тело – давно бы уже получила ордер из банка на оплодотворение.

Ирка рожать не хочет и говорит, что я дура. Всему наступает конец, и не надо его оттягивать, рожая новых детей. Опять принесла мне какую-то потрёпанную книгу по буддизму.

Отнесла Кошку в ремонт. Девочки посмотрели и сказали, что модель устаревшая, проще выбросить, чем детали искать. Принесла домой, отключила звук.

7 июля

В лаборатории, как всегда, аврал – привезли с фронта свежие пробы крови больных женщин. Неужели и для нас уже вирус сварганили?! Конца этим идиотам нет! И войне этой тоже... Из-за хаоса непонятно, сколько людей осталось в живых. Я начинаю думать, что власти это просто скрывают. Потому и интернет отрубили. Бабушка рассказывала, что раньше в интернете тоже много врал, но всё-таки можно было хоть что-то узнать. Например, сколько нас теперь на Земле... Хотя зачем мне это? Мне бы только тест пройти. Еще пять месяцев ждать.

22 июля

Ночь. Не могу уснуть. Сегодня со мной приключилось такое... Не знаю, как это назвать... Пришла с работы и сразу легла. Сил нет даже чай заварить. Ирка заявила и говорит: «Знаешь, всё это брехня про лучевые атаки и про вирусы для баб. Лапша на уши. Они там совсем изоврались. Не от лучей и вирусов мы болеем». Я спросила: «От чего же?» А Ирка шёпотом: «Гармония мира исчезла. Потому что мужское начало – тью-тю! А нет гармонии – и нам скоро хана!» «Но ведь живём же как-то и без этого начала», – сказала я. «Вот именно – как-то!», – хмыкнула Ирка. И достаёт какой-то диск, в проигрыватель старенький вставляет. «Ща, – говорит, – я тебя лечить буду, народными средствами. Глаза закрой!»

Лежу, глаза закрыла. Музыка тихая полилась, словно морские волны шумят. А потом голос... мужской... ах, до чего приятен! Слов не понимаю. Вроде французский... Голос низкий и нежный, неспешный, властный. Меня, будто в колыбели, качает легонько, а он поёт, поёт... Ирка вклинивается: тут русский перевод есть: «Если б не было тебя, ответь мне, для чего мне жить? Без надежд, без потерь, без тебя, без любви во тьме бродить...»

И тут вдруг ясно вижу: стою на берегу моря, рядом некто – высокий, лицо незнакомое, но такое родное, и смотрит будто бы не в глаза, а куда-то внутрь меня. И тепло от него идёт, странное такое тепло, и боли нет, а только нега и блаженство неопишуемые. Сердце защемило, руку протянула, дотронуться... А он отдаляется, отдаляется... Слёзы полились, шепчу: останься, не исчезай...

Спала, не спала – не пойму... Но не болит ничего! Ирку спрашиваю: «Кто это пел?» Что увидела его, молчу. Ирка брови сдвинула: «Какая разница, кто пел? Нету его... Никого их нет. Никого».

Четыре с половиной месяца ждать...

10 августа

Светка родила дочь. Завидую. Красивая девочка.
А мне – четыре месяца до теста.

20 августа

Ирка новый диск притащила, слушали вместе. Лечились. Этот тоже хорошо поёт, по-английски. Леди ин рэд... вил дансинг виз ми... Но француз лучше. Слушаем иногда его с Иркой и плачем обе. Боль уходит. Но потом возвращается, сильнее прежней... Надо эти концерты прекращать.

Четыре месяца. Дожить бы...

5 сентября

Сегодня в лабораторию принесли газетку. Про ситуацию с хранилищем спермы. Лариса прочитала вслух. Ничего нового. Опять про то, каким разумным было решение Комитета о создании этих хранилищ и как мудро поступили учёные, когда разделили весь материал на «мужской» и «женский». Одно и то же, одно и то же! Сколько можно?! А что-то на этот раз про их разлюбимого профессора Рэдкомпа – ни гу-гу. Того самого, что сварганил этот клятый вирус, который мужчин убивает, а женщин не трогает. Сначала на малярийных комарах тренировался, получилось, малярию победил. Ну и обрадовался, за мужиков взялся. Мол, если самцов противника истребить, то и войне конец – воевать будет некому! Радости было... Профессор аж две нобелевки отхватил: за научное достижение и Премию Мира. Премию Мира за то, что угробил полмира... Завал! Вирусу-то по барабану, кто с кем воюет. Загубил всё живое мужского пола – на корню!.. Включая миротворца. Злые языки говорят, что вдова профессора обе премии на его похороны и на памятник потратила. А война так и не прекратилась – воюют женщины...

Тридцать лет прошло, как умер последний представитель мужского пола, но запасы спермы, что от ещё здоровых мужчин успели взять, позволяют продолжать род человеческий. Правда, исключительно женский. Зачем плодить мальчиков, если они обречены? Чтобы не терять новорожденных сыновей, рожают только девочек.

А ещё в статье призывают не верить паникёрам, распространяющим «грязные слухи» о том, будто хранилище, или, как его в последнее время называют, «банк», скоро закроют. Нечего там будет хранить. Но я верю слухам – они всё чаще сбываются. Моя мама одной из первых без проблем получила «материал». А у меня, боюсь, мало шансов. Не зря меня назвали Марией – как ту, которая была девой... Я так и останусь, наверное... Страшно. Хоть бы Кошку отремонтировать.

Осталось три месяца.

6 октября

Осталось два месяца. Я придумала имя. Назову её Александрой – так звали мою бабушку. Я чувствую себя здоровой. Ирка вчера жаловалась на шелест в голове. А у меня всё в порядке. Немая Кошка сидит рядом.

6 ноября

Страшная новость.

Закрыли банк. Он пуст.

Выбросила талончик в мусорное ведро. Зачем он мне?

8 ноября

Потрясающая новость: объявили о прекращении войны!

9 ноября

Нашу лабораторию закрыли на месяц для перепрофилирования. Ничего не хочется. Буду отсыпаться... Не получилось. Заявилась Ирка. Взглянула на меня и сказала: переселяюсь к тебе, будем девушку лечить... И так на меня посмотрела, что мне стало не по себе. Переехала в мою квартиру со своими книгами, гитарой и запасом табака. Весь день наводила в доме порядок. Вынесла на помойку огромный пакет с мусором. Хотела и мою Кошку выбросить. Я не дала.

Валяемся в постели. Читаем потрёпанную книжку по буддизму.

5 декабря

Мой день рождения. Ирка утром уходила куда-то. Сказала, что у неё есть для меня сюрприз. Вернулась с корзинкой и, хмыкая, протянула её мне. Я не сразу сообразила, что там.

– Новая модель, что ли?

– Какая ещё модель! Настоящий! – воскликнула Ирка. – Трофейный. Наши девочки привезли!

– Кошка... – прошептала я.

– Кот! Самец! – гаркнула Ирка. – Смотри!

Она бесцеремонно потрясла котёнком прямо у меня перед носом.

– Господи Боже... – непроизвольно вырвалось у меня.

Котенок мяукнул. Ах, какой красивый голос!

Мы посадили котенка на кресло и долго на него смотрели.

– Ты не забыла, что тебе завтра в банк? – вдруг строго спросила Ирка.

– Не забыла. Это ты забыла, что они закрылись, – с обидой и злостью ответила я.

Ей, конечно, все равно. Она ведь никогда не хотела родить. Даже не знает, что уже месяц как банк пуст.

– Закрылись. А вчера открылись. Расконсервировали мужской материал, – пожала плечами Ирка. Потом покивала головой и добавила: – Есть данные, что за тридцать лет вирус окончательно сдох... Так что давай – завтра утречком! Там сейчас баб – не протолкнуться. Но с талоном – без очереди!

Я ахнула и задохнулась от плача:

– Я же его выбросила-а-а!

– О-о-о-о! – завопила Ирка, закатив глаза к потолку и раздув ноздри. – Вот только давай без соплей, а?!

И бросила мятый талон на стол.

– В мусоре нашла, – сказала она уже спокойно и тоном, не терпящим возражений, добавила:

– Буду присутствовать при родах. С именем согласна. Александра – в честь бабушки. Только последнюю букву надо, конечно, убрать...

6 декабря

Покормила кота. Взяла талончик. Пора.

Катерина ГОРКОВЕЦ

Рига

Катерина Горковец родилась 12 октября 1983 года в маленьком городке Стаханов Луганской области. По образованию провизор. С 2008 по 2015 г. жила и работала в Донецке. В связи с войной уехала из Украины. Теперь живет и работает в Риге.

О жизни

Жизнь коротка. Мгновение. Дыханье.
О стёкла бабочки большое трепыханье.
Полёт кометы. Вспышка маяка.
А мы её торопим, гоним в шею:
«Скорей! Скорей! А вдруг я не успею
Пройти свой путь? – Ведь жизнь так коротка!»
Сквозь каждый день, сквозь вёсны и сквозь зимы
Мы всё бежим... А жизнь проходит мимо.
Что ей смешная наша суета?
Ей ни к чему погони, спешки, кроссы,
Она уйдёт в предутренние росы,
Чтобы наполнить тело мотылька.

За окном светает, а может, и вечереет.
Я в одеяло укутываюсь теплее.
Голова болит, ломит шею –
Да так, что с постели не встать.
Я давно не хочу ничего, как в детстве.
Я терплю надоедливое соседство
Кого-то рядом, чтобы согреться.
Но отчаянно мерзну опять.

Остывает внутри что-то живое.
Я прошу оставить меня в покое.
Оставляют... Время сейчас такое –
Просишь? – Получи. Распишись.
Оставайся один на один с миром,
Попытайся померяться с ним силой.
Девять... Десять... Нокаут. Опять победила
Распрекрасная эта жизнь.

Ночная философия

На седьмом этаже хоть немного, но ближе до звёзд
И до неба, что льётся черничным вареньем по крышам.
Ночь – свидетель немой днём успешно скрываемых слёз
И признаний, которых никто никогда б не услышал.

Я устала... Спокойно б уснуть, но опять не до сна.
Этот город мне тесен и хочется снять его очень...
На твоём континенте вот-вот и начнётся весна,
На моем же – прощаются с летом и празднуют осень.

Мы порою глупим. Это то, что в нас не превозмочь,
Хоть во всех начинаньях стараемся действовать мудро.
Там, где я, смотрит в окна бездомною кошкою ночь,
Там, где ты, ярким солнцем всю улыбаётся утро.

Если не усложнять, в жизни сложного, в принципе, нет,
Своё время и место всему, что задумано свыше.
«С добрым утром, тебя!» – засыпая, промолвлю чуть слышно.
«Сладких снов!» – открывая глаза, ты прошепчешь в ответ.

Ты знаешь, папа, я живу в столице.
Здесь дышится легко и сладко спится,
И, странно, ничего почти не снится,
В отличие от всех других столиц.
Здесь нет домов, царапающих небо,
Здесь уживаются бок-о-бок быль и небыль,
А в парках люди кормят уток хлебом
И всяких прочих бесполезных птиц.
Внезапно как-то наступила осень...
Уже темно, хотя ведь только восемь,
И ветер гнёт верхушки старых сосен
Да отбирает платья у берёз.
Ещё чуть-чуть и с неба будет капать...
Но ты ведь это видишь, правда, папа?
А дождь... Он просто помогает плакать,
Всем тем, кому так не хватает слез.

Черновик

Сбылось последнее пророчество
И в голове звучит одно:
Что впереди? Лишь одиночество.
Что позади? Да ничего.

Вся жизнь – ошибки, исправления –
Черновику, скорей, под стать.
Промчится, как одно мгновенье.
По новой не переписать.

И вдруг поймешь: а не напрасно ль?
Душа опять чего-то ждет...
Господь исправит красной пастой
И черновик за жизнь зачтет.

Илья ПОЛЯКОВ

Владимир

КУКЛА

Мир расплзался и дробился. Именно сейчас, в её комнате, он был больше и серьёзней, чем там, за стенкой, где заседали взрослые. К ним даже и не хотелось. Тем более что новая кукла была хороша, хотя и пахла картоном. Наверное, потому что новая. Ничего страшного. Скоро у неё будет другой запах. Кукла – она тоже человек. По крайней мере, здесь, в этом месте. И даже один взгляд сегодня много значил между ними. Только им сегодня не хочется разговаривать. И вот уже целый час, наверное, девочка просто любовалась этим тряпичным маленьким человечком. А он пучил свои фарфоровые глазёнки, мило кося в потолок. Этого достаточно. Это уже диалог.

Кто принёс куклу, девочка не заметила. Кукла просто появилась в её комнате. Она зашла – кукла сидела там. Девочка долго стояла, очарованная, потом ворвалась на минутку к взрослым и поблагодарила всех разом. Выяснять подробности девочка постеснялась. Взрослые прекратили свои важные разговоры и заулыбались. Девочка убежала, смущённая, но чрезвычайно довольная собой.

А за стенкой шумели. Взрослые праздники очень шумные.

– Ему матушка – моя свекровь – всё репейное масло покупает. Думает, что у него волосы на макушке расти начнут. Он морщится, но берёт. У нас в ванной уже штук семь пузырьков скопилось. Я ему: «Что, папик! Надеешься, лопушки полезут?» А он злится и рычит: «Уйди, карга! Кабы плешь не грызла – у меня бы грива, как у Анжелы Дэвис была!»

– Да ладно тебе! Одна баба – враньё. Больше двух – информационная катастрофа!

– Во-во-во! Я же говорила?! Нет, ну я вам говорила?!

Гул за стеной то разрастался, то затихал и становился неразборчивым. Часто хохотали.

– Ко мне подходит сосед по гаражу и заявляет: «Сеич! Налей! Я же знаю, что у тебя есть!» – а сам еле стоит! Я ему: «Ну куда тебе, болезный! Ты же упадёшь тогда!» А он моментально, совсем без пауз: «Да и хрен с ним! Лучше упасть, чем так мотаться!»

Мама говорила, что все они дружны со школы – учились в одном классе. Девочка умела считать. Пусть и не сильно далеко. Но она знала, сколько маме лет и когда она сама пойдет в школу учиться. Но всё равно по сравнению с её возрастом время дружбы получалось таким огромным, что захватывало дух. Получалось несколько жизней девочки. Сколько точно, она не знала. Но очень много. Потому что взрослые большие.

– Хватай крепче и держи! Нам Валюха с царского плеча пакет кубанских семечек отписала! Хоть телевизор вечером смотреть интересно будет!

– О! Я теперь семяносец!

– Какой ты, на фиг, семяносец? Ты семявержец! Пошли, горе ты моё луковое! Пока, Валюнчик!

Она еще немного послушала. Какие странные разговоры у взрослых. Неужели это может быть интересно? Ей нравился гул голосов за стеной. Ей нравился тембр материнского голоса, когда он вступал в общий хор. Но говорили они крайне непонятно. И скучно. Девочка задремала прямо так, сидя среди россыпи игрушек.

Ей снился песок. Много-много песка. Мелкого и ровного. Она такой видела в песочных часах. Только тут его было просто ну очень много. На весь мир. Прямо до горизонта. До самого неба. Лежал ровным ковром, точно рассыпанный на стекле. Песок пах летом и жарой. И почему-то немного кошками, как в дворовой песочнице. Было легко и весело. Как в праздник. Как в утро Нового года. Но вместе с тем где-то в глубине души затаился маленький островок тревоги. И, кажется, он рос. Девочка прислушалась к самой себе. Да. Не

ошиблась. Кажется, сейчас она начнет бояться. Чуть позже. Но пока ничуть не страшно. Беспокойно только. Внезапно вся эта ровная плешина песка стала морщиться, бугриться и покрываться складками, как старая кожа. Хотя ногами никакой вибрации не ощущалось. Одновременно росла тревога. Даже страх. Девочка ковырнула ногой песок в надежде увидеть твёрдое основание под ним. Нет. Ничего. Такой же песок. Становилось всё страшней. Она оглянулась. Есть кто рядом? Никого. Она захотела на всякий случай закричать и тут проснулась. Закричать она так и не успела. Только рот открыла. Сон был непонятный и неинтересный. А потому запоминать его не стоило.

В прихожей слышалась возня и звяканье. Девочка встала, постояла, похлопала глазёнками и вышла к гостям.

Гостей осталось всего трое. И они обувались у входной двери, мешая друг другу и толкаясь. Лица всех троих расплзались. Всё, что они делали, выходило шумно и неуклюже. Один из них – тот, что всегда таскал девочке гостинцы (жаль только, что приходил редко) и называл её то пипкой, то воробьём, – уже собрался и стоял, ожидая товарищей, упёршись локтем в косяк входной двери. Он посмеивался и прощался с её мамой. Мама тоже улыбалась.

– Валюнь! Пока! Следующий раз ты с пипкой к нам! Можно без звонка. Сама знаешь, что Ирка каждый вечер что-нибудь новое варганит. И всё мучное. Я, право, скоро стану колобком и буду наконец-то серьёзным начальником! Пузцо начальству не вредит – оно его благородит. Блин! Из-за этих охламонов сейчас такси уедет!

– А Ирка разрешит? Не надо. Не распускайся. Вообще любому мужику брюхо лишнее.

– Ой, да ладно! Главное, чтобы пазл сложился! Нонче мужик без пуза – как трактор без мотора! А на селе без техники – сама понимаешь. Только навоз вилами кидать!

– Иди уж, механизатор! Сроду в деревне не жил – а туда же. В народ потянуло! У самого все кролики на даче передохли.

– Не-не-не! Кролики – существа ранимые и хрупкие. От человеческих качеств они не зависят. На них другие эфиры влияют. Возможно, они председателя напугались шибко. Он перед тем к нам заходил. Кривой, как сабля. В повидло просто. Агитировал коровник в аренду взять и на детей жаловался.

– Ну и болтушка ты. Вали давай. Ирке привет!

– Пока, Валух. Вон и воробей выполз. Пока, мелкая! И слушайся маму!

– Давай. И ты это... Не забудь позвонить в пятницу. Я договорила с главным.

– Правда? Ну, тут вообще слов нет! Хорошая ты баба, Валушь!

Девочке вдруг стало обидно. Хотя дядька был весёлый и классный. Но она всё же решилась. Для порядка предварительно вздохнула. За своих надо стоять горой.

– Моя мама вовсе не баба! Совсем! Она женщина! Вы! Вы... Вы неправильно! Она женщина!

Дядя гость усмехнулся грустно и добро-добро:

– Эх... Молодо-зелено... Глупая ещё. Не понимаешь ничего. Запомни, пипка! Женщин – много. Баб хороших мало...

Все разъехались. На улице стало совсем темно. Глаза слипались. Мысли рассыпались, как пуговицы из коробки. На кухне молча, устало и долго курила мама. Девочка побоялась к ней подойти. Хотя очень хотелось. Она постояла у входа в комнату, тайком, через зеркало, наблюдая за её разбитой фигурой. Потом вздохнула как-то очень по-старушечьи и отправилась убирать игрушки перед сном.

А может, всё было вовсе не так? Может, ей это всё приснилось? Но сейчас надо было обязательно уложить спать куклу. Пока хозяйка не заснула сама.

Татьяна УВЛЕВА

Эссен

Брат меньшей

Роста я и сама небольшого,
Не обижу и брата меньшого.
Хвост приветлив, внимателен взгляд,
Рады оба – хозяйка и брат.

Брат – хороший едок и ходок –
Утром тащит мне свой поводок
И доверчиво смотрит в глаза...
Чист душой, как младенца слеза.

И, росточка сама небольшого,
Вывожу на прогулку меньшого.
Оба рады – и брат мой, и я –
Образцовая, в общем, семья.

Мы бы стали примером повсюду
Обозлённому, хмурому люду, –
Если б был человеческий люд
Не рычащ, не кусач и не лют.

Монолог антикварной штучки

Я была когда-то штучкой –
Ювелирной, не простой,
Но не массовой, а штучной,
И с головкой золотой.

В мир явилась по преданью
И по паспортной строке –

В прошлом веке, в Казахстане,
С карандашиком в руке.

В тех краях жилал на свете
Басурманский Чингисхан –
Был напорист, будто ветер,
Был джигит и хулиган.

Он давно сей мир покинул –
Захоронен – за горой...
Чингисхан любил акынов
С вечно плачущей домброй.

Вот и я весь век слагала,
Пела, как седой акын,
И сама акыном стала,
До своих дожив седин.

Стала штучкой антикварной,
Редкой, меткой, не простой,
Перламутровой, янтарной –
Не безделицей пустой.

Нынче

Раньше ходили со мною послушать,
Как в рощах поют соловьи.
Нынче же ходят – по тело, по душу,
По царские слёзы мои.
Раньше о Боге вели разговоры,
Служили Вселенной. – За так.
Нынче с врагами Его –
договоры
Подписывают... За пятак.

Поэт и деньги

Поэтам деньги не нужны...

Владимир Авцен

...Ты прав: поэту деньги не нужны –
Он их прокутит с хитроумным бесом,
Прокутит и рубашку, и штаны –
Не потому что наш поэт – повеса,
Купюрам он не ведает цены.

Романтик с обнажённою душой,
Он выше капитала ценит рифмы,
Но проиграет в сделке с торгашом,
Способным, вычисляя логарифмы,
Стереть чужие деньги в порошок.

Поэт не сложит горкой капитал,
И у него не водятся сберкнижки.
Без визы он заоблачно витал
И с музами закручивал интрижки –
Вот потому богатым и не стал.

Пред Господом предстанет налегке,
Не сколотив наследства для потомков,
Но с авторскою книжкою в руке,
С обломком карандашика в котомке
И с поцелуем Музы на виске.

Непредсказуемый календарь Северного Рейна-Вестфалии

ЯНВАРЬ ландшафт не опушает снегом,
Он ранит Рейн простуженным дождём,
Которым напрямую связан с небом...
Но мы – развязку дома подождём.

ФЕВРАЛЬ. Долгожданная оттепель!
Сушу на балконе бельё.
Сосулька подтаяла – вот тебе! –
И сердце пронзила моё.

Звонят! – Но нет, не Марта, это – МАРТ!
Непредсказуемый, как опьяневший бард:
То солнечным аккордом прозвенит,
То знак минора выведет в зенит.

АПРЕЛЬ – двоюродный мой брат,
Твоих деревьев руки гибки.
Смелее, брат! Здесь каждый рад
Апрельской солнечной улыбке!

Светлый МАЙ – с серьгами вишен,
С раскудрявой головой,
Воспаривший выше крыши,
От восторга сам не свой!

Середина золотая –
Мой ИЮНЬ! Mein König! King!
Я отцом тебя считаю –
Я ведь твой Geburtstagskind¹.

Балкон. Забыт Ремарк на стуле,
Цикорий на столе забыт... –
Закат волшебного ИЮЛЯ
Мой скромный украшает быт.

Тихий АВГУСТ, не грусти!
Всё проходит, Августин...
Всё исчезнет – без следа,
Как во рту кусочек льда.

СЕНТЯБРЬ кареглазый – олень золотой! –
Пленяет мой взор неземной красотой.
Вестфалия-мать – Рейн и Рур через край, –
Твои сентябри – мой нордический рай.

Учили нас не лгать ещё с пелёнок,
И я на склоне жизни не солгу:
ОКТЯБРЬ, я твой печальный октябрёнок
С пятиконечной звёздочкой во лбу.

НОЯБРЬ... Листопада тиражи
Унылыми заплатами пестреют...
Пустеют дом и сад. Пустеет жизнь.
И – точно в банке счёт – душа пустеет.

¹ Geburtstagskind (нем. – гебуртстагскинд) – новорожденный.

ДЕКАБРЬ зол, неистов,
И лют, и нелюдим...
Нет, мы не декабристы –
Мы дома посидим.
Приедут гости званы:
Принц Будда – в сонмах Грёз,
И Мухаммед – с Кораном,
И с Библией – Христос.

2016 – Эссен

Михаил РОЗУМОВ

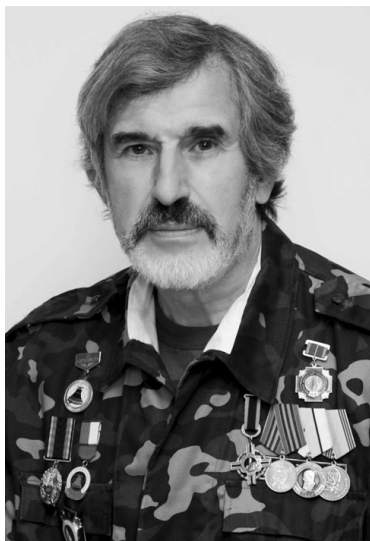
Вунпирталь

ЧЕРНОБЫЛЬ – ТРАГЕДИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Авария на Чернобыльской АЭС, Катастрофа на Чернобыльской АЭС, Чернобыльская авария, в СМИ чаще всего употребляется термин Чернобыльская катастрофа – разрушение 26 апреля 1986 года четвёртого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, расположенной на территории Украинской ССР (ныне Украина). Разрушение носило взрывной характер, реактор был полностью разрушен, и в окружающую среду было выброшено большое количество радиоактивных веществ. Авария расценивается как крупнейшая в своём роде за всю историю атомной энергетики как по предполагаемому количеству погибших и пострадавших от её последствий людей, так и по экономическому ущербу. Облако, образовавшееся от горящего реактора, разнесло различные радиоактивные материалы, и прежде всего радионуклиды йода и цезия, по большей части территории Европы. Наибольшие выпадения отмечались на значительных территориях в Советском Союзе, расположенных вблизи реактора и относящихся теперь к территориям Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины.

Из Википедии:

Михаил Розумов был в числе первых ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. С мая по декабрь 1986 года руководил группой дозиметрического контроля Монтажного района Управления

Строительства № 605 Минсредмаша СССР, обеспечивая радиационную безопасность участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС при сооружении «саркофага». С 1989 по 1993 годы – председатель Правления Днепропетровской областной организации «Союз Чернобыль Украины», с 1993 по 2003 годы – начальник отдела по делам защиты населения от последствий аварии на Чернобыльской АЭС Главного Управления МЧС по Днепропетровской области, с 2005 года – полномочный представитель «Союза Чернобыль Украины» в Германии.

В недавнем докладе для Берлинского конгресса, посвящённого 30-летию Чернобыльской катастрофы, Михаил Розумов сосредоточился на морально-этической стороне проблемы, привел примеры недопустимого безразличия к потерявшим здоровье чернобыльцам, с горечью заметив, что, к сожалению, об этой трагедии в последнее время всерьёз вспоминают только к знаменательным датам...

Предлагаем вашему вниманию отрывки из его будущей книги «Чернобыль – трагедия продолжается».

В. А.

Предисловие

У каждого века – свой лик беды. Люди двадцатого столетия увидели его в грибе ядерного взрыва, поглотившего Хиросиму. Это стало действенным предупреждением и военным, и политикам. Поэтому, несмотря на самые жесткие противостояния «холодной войны», ни одна рука не поднялась, чтобы нажать роковую кнопку. Но опасность может крыться в силах не только разрушения, но и созидания. Как эхо колоколов Хиросимы и Нагасаки, спустя более сорока лет прозвучали колокола Чернобыля... А еще через четверть века атомная беда пришла в двадцать первый век, снова вернувшись в Японию, но уже в виде повторения Чернобыля. Атомная электростанция «Фукусима-1» ждала своего часа...

После 26 апреля 1986 года уникальную природу украинского Полесья поразила незаживающая, уродливая язва – радио-

активная зона отчуждения, а в ее центре вырос монстр из стали и бетона, получивший в народе, с легкой руки журналиста Владимира Губарева, страшное имя «Саркофаг», а в официальных документах – объект «Укрытие». А день 26 апреля почти во всех календарях мира отмечают как траурную дату – День Чернобыльской катастрофы.

Самая крупная за всю историю человечества техногенная авария принесла неисчислимые беды народам планеты Земля. Радиоактивное облако от взрыва четвертого реактора Чернобыльской атомной электростанции мощным циклоном, центр которого в момент взрыва находился над Чернобылем, разнеслось на тысячи километров. И ещё не один век на его пути будут тревожно сигналить радиометры, извещая о повышенных уровнях радиоактивности.

Даже сейчас, спустя тридцать лет, кипят нешуточные страсти вокруг истинных причин самой аварии и ее последствий. Написаны тысячи научных трудов, защищены сотни диссертаций, изданы многочисленные книги, сняты документальные и художественные фильмы, созданы многочисленные интернет-сайты с чернобыльской тематикой и даже популярная компьютерная игра «Сталкер», но, увы, чернобыльские события отражены в них иногда с точностью «до наоборот».

Чернобыльская катастрофа давно вышла за рамки техногенной экологической и перешла в область политиканства, преступного бизнеса, извращения нравственно-этических норм, превратилась в катастрофу духовную. Когда огромные массы Homo Sapiens остро переживают падение курса валют или изменение стоимости барреля нефти, но совершенно спокойно воспринимают сообщения о резком повышении смертности в радиоактивно загрязненных зонах, когда человечество старается поскорее вычеркнуть из памяти героев, спасших цивилизацию от ядерной беды, и делает вид, что не слышит их призыва о помощи, – это ли не истинная трагедия современности? Когда только ради получения прибыли идет жесткая борьба между различными фирмами и компаниями за

получение контрактов на строительство заведомо непригодных объектов в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС или на разработку никому не нужных научных концепций – это ли не трагедия? И, если быть откровенными, что такое Чернобыльская катастрофа? Потери людей и техники огромные. В битве за «Саркофаг» под облучение попал генофонд Советского Союза в лице специалистов Министерства среднего машиностроения СССР и воинов Министерства обороны СССР – это лучшие строители и монтажники, лучшие инженеры и ученые страны. Воины Советской Армии – это молодое поколение страны, будущие отцы. Но об этом в процессе ликвидации последствий аварии думали мало. И получается, что Чернобыль – это война, со смертями и ранениями, болезнями, потерей кормильцев, жилья, эвакуацией и другими атрибутами этого страшного события.

Поэтому, пока остаются в живых мои товарищи, вынесшие на себе испытание, посланное человечеству, и честно исполнившие свой долг, мы будем бороться за Правду и Справедливость, за возрождение духовности человечества.

В рамках этой борьбы я решил написать книгу, чтобы поделиться с читателями своими мыслями и впечатлениями как непосредственный участник тех событий. Заранее приношу извинения, если где-то нарушена хронология или нет имен участников. Все же прошло тридцать лет, и многое уже просто ушло из памяти. К тому же, просматривая просторы Интернета, я зачастую начинаю находить явное вранье в изложении событий того времени. Проблемы Чернобыльской станции порой обсуждают те, кто во время аварии на ней и вблизи Киева не был или был в этих краях всего лишь на экскурсии. Разные ведомства, описывая свое участие в ликвидации последствий аварии, явно «тянут одеяло на себя». Министерство энергетики считает, что именно его работники ликвидировали аварию, Министерство обороны тоже считает себя самым главным в этом вопросе... Я же описываю события только с точки зрения того, что видел, ощущал и запомнил лично.

Кстати, основой данной книги является составленный в ноябре 1986 года отчет о работе нашей группы, который после тщательной цензуры и с некоторыми сокращениями вошел в сводный секретный отчет Минсредмаша. Совершенно недавно этот отчет рассекретили, и он был использован активной участницей ликвидации последствий аварии Еленой Козловой для написания книги «Схватка с неизвестностью». Книгу можно прочесть в Интернете.

Бочка

В мае месяце еще никто толком не знал, что же происходит внутри разрушенного реактора. Усилиями пожарных частей и экипажей вертолетов пожар на блоке удалось погасить. Сотни тонн карбида бора, песка, доломита, железной и свинцовой дробы, сброшенные с вертолетов в жерло реактора, резко уменьшили выбросы радиоактивных веществ в атмосферу, образовав своеобразный металлокерамический купол, но внутри продолжались какие-то непонятные процессы. С помощью самых современных на то время приборов удалось зарегистрировать внутри реактора структурное высокотемпературное образование, которое, по мнению академика Евгения Велехова, могло разрушить стенки и дно реактора, проплавить бетон и уйти в почву и дальше, дойти до водоносных слоев, что неизбежно привело бы к угрозе заражения достаточно большого бассейна, питающего заметную часть Украины, радионуклидами, находящимися в этой массе ядерного топлива.

Вероятность такого события представлялась чрезвычайно малой, и большая часть специалистов сомневалась в необходимости крупномасштабных работ такого рода, но, тем не менее, Евгений Павлович настоял на своем. Правительственная комиссия согласилась с мнением ученого и приняла решение о сооружении под фундаментной плитой четвертого реактора специального защитного теплообменника-охладителя.

Проект самого теплообменника был буквально за считанные дни подготовлен коллективом одного из НИИ Минсредмаша СССР, а проект горнопроходческих работ – Днепропетровским проектным институтом «Днепрогипрошахт».

Чтобы уменьшить опасность при сооружении объекта, решено было проложить горизонтальный штрек со стороны третьего реактора под четвертым и секциями, чтобы не допустить обрушения, вести монтаж теплообменника.

Возле стены третьего реактора был вырыт котлован, из которого велась проходка штрека. К концу мая проходка штрека была завершена, и шахтеры начали разработку секций. Забегая вперед, скажу, что все работы по конструированию и сооружению теплообменника были выполнены за достаточно короткий срок, но они оказались бесполезными, так как ни разу никакое топливо туда не попало и ни разу ничего не пришлось охлаждать.

Итак, шахтеры Минуглепрома СССР начали проходку штрека под реактор, а на опытном заводе в городе Электростали ударными темпами изготавливались регистры – элементы теплообменника.

На сборочной площадке базы «Сельхозтехника» проходила предварительная сборка регистров, доводка, стыковка, нумерация. Затем пакеты регистров охлаждения грузили в трейлеры и в сопровождении дозиметриста везли к котловану у основания 3-го энергоблока, откуда начинался штрек. Трудными были эти рейсы. Автомобиль, загруженный до предела, не мог развить максимальную скорость. А она иногда ох как была нужна. По дороге к реактору были места, где людям больше двух-трех минут нельзя было находиться без дополнительных средств защиты. В сильную жару водители герметично закрывали кабины грузовиков, а на пол и сиденья стелили полиэтиленовую пленку. Если учесть, что одежда застегивалась наглухо, а лицо закрывал респиратор, то можно представить, что испытывал водитель. Однако никто не жаловался.

На пятый день работы в котловане выяснилось, что стропальщики, постоянно находясь в непосредственной близости от стены 3-го энергоблока, больше всего подвержены воздействию радиоактивных излучений. Для уменьшения степени облучения стропальщиков в зоне разгрузки решили установить специально изготовленную оцинкованную кабину в виде гигантской бочки высотой 2,5 метра и диаметром 2 метра с дверью и окном. Ее привезли откуда-то из Москвы в еще недоделанном виде. По приложенной к ней документации значилось, что толщина свинцовых стен ослабляет уровни излучения внутри кабины в 10-12 раз. Механики на базе провозились с ней целый день, навешивая на специальных петлях многотонную дверь со специальным запирающим устройством. На крышу кабины установили фильтровентиляционный блок от военного автомобиля, а в окно вставили радиационно-защитное стекло толщиной 20 см. Сколько весит эта махина в собранном виде, никто не знал. В документах этот параметр не оговаривался.

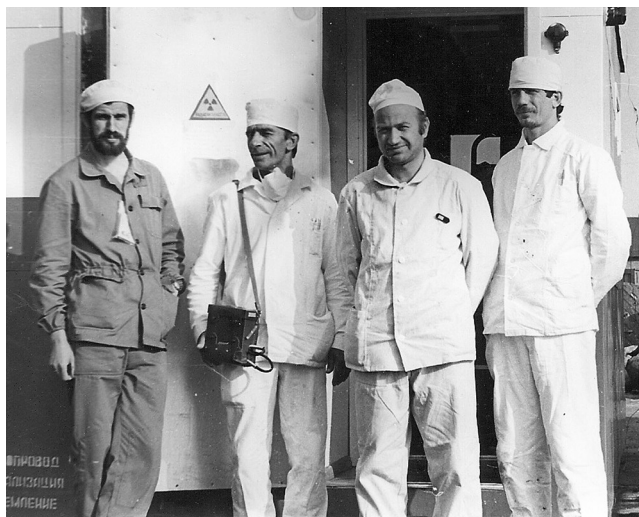
7 июня решили везти кабину в зону. И сразу возникли проблемы. На базу ее привезли на специальной большегрузной платформе, которая сразу же вернулась назад. У нас такой платформы не было. Приняли рискованное решение везти ее автомобилем ЗИЛ-130 с седельным прицепом. Целый час двумя автокранами грузили и крепили «бочку». Страшно было смотреть на прогнувшиеся рессоры и приплюснутые от непомерной тяжести шины колес, но решили, что 15 километров наша советская техника выдержит. Водитель ЗИЛа Виктор (фамилию не помню), молодой парень из подмосковных Химок, надел белые перчатки, застелил сидения вначале белыми простынями, а потом полиэтиленовой пленкой и перекрестился. Я сел с ним в кабину, и в 10.30 мы на очень медленной скорости двинулись на ЧАЭС. Тяжесть груза ощущалась ежесекундно. Кабина вибрировала, двигатель натужно ревел, но машина уверенно шла. Впереди нас на автобусе выехала бригада такелажников, чтобы разгрузить и установить кабину

возле котлована. Проехав село Копачи, мы направились по короткой дороге к зданию административно-бытового корпуса станции. Но на дороге неожиданно появился регулировщик – лейтенант ГАИ, который, ничего не объясняя, указал нам путь в объезд вокруг всего здания станции. Короткая дорога до станции почти вся просматривалась. Помех движению мы на ней не видели. Но регулировщик спокойно выслушивал в свой адрес самые «изысканные» выражения и продолжал мычать: «Я сказал – объезд!». Никакие уговоры на него не действовали. Тогда мы еще не знали о новых инструкциях, установленных для перевозки особо важных грузов. Если бы знали, то поехали бы напрямую и автоинспектор нам ничего не смог бы сделать, но, приученные советской системой к определенному порядку, поехали в объезд.

Дорогу от территории станции отделяла лесополоса. Двигаясь вдоль этой лесополосы, мы заметили, что деревья постепенно меняют цвет. Если сразу возле деревни Копачи деревья были зелеными, то уже где-то через километр цвет лесополосы сменился на бурый, а потом стал рыжим. Пока мы ехали вдоль зеленых деревьев, лежащий у меня в кармане дозиметр со звуковой сигнализацией непрерывно пищал, постепенно увеличивая частоту сигналов. Внезапно он замолчал. Переведя взгляд с леса на радиометр ДП-5, я, несмотря на жару, покрылся холодным потом. Стрелка прибора уверенно ползла к отметке 50 Рентген в час. Я тихо сказал об этом водителю. Не поворачивая головы, он кивнул и увеличил скорость. Сквозь деревья хорошо были видны разрушения 4-го энергоблока со стороны машинного зала. Через сотню метров дорога повернула направо, и показался шлагбаум железнодорожного переезда. Примерно метров за 20 до переезда машину вдруг тряхнуло на малозаметной выбоине, и она начала крениться. Осторожно затормозив, мы вылезли из кабины и увидели, что лопнула проволоочная растяжка крепления и кабина сильно сместилась к правому борту. Ехать дальше невозможно – опрокидывание было неизбежным. Что делать? Стрелка радио-

метра покачивалась на отметке 30 Рентген в час. На дороге никого. Пешком идти – далеко. На счастье, минуты через три, которые показались вечностью, нас догнал военный КамАЗ с солдатами, ехавший в Припять. Мы попросили старшего машины связаться по телефону с кем-либо из руководства станции, чтобы прислали помощь. Но не успел КамАЗ отъехать, как из-за поворота показался мощный автокран с военными номерами. Старший КамАЗа капитан остановил кран, выделил в помощь десять солдат, и уже через несколько минут «бочка» была возвращена на свое место и надежно закреплена. Поблагодарив за помощь, мы продолжили движение, но уже со скоростью черепахи, старательно объезжая все ухабы. Нам показалось, что ехали вечность, а оказалось всего минут двадцать. Возле котлована нас встретили возмущенные долгим ожиданием такелажники. На объяснения уже времени не было. «Бочку» быстро сняли и установили на заранее уложенные бетонные плиты возле самого края котлована.

Как мы ехали обратно, уже не помню. Помню только, что нас несколько раз мыли на пункте дезактивации, да еще водитель пытался найти того лейтенанта ГАИ. Думаю, лейтенанту здорово повезло, что его не нашли.

Июнь 1986,
Чернобыль

«Партизан»

Этот эпизод врезался в память своей некоторой комичностью, хотя, по сути, был он довольно драматическим...

В конце мая 1986 года было издано Постановление Совмина СССР, которым устанавливалось, что участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС при получении предельной дозы облучения в 25 БЭР должна выплачиваться компенсация в размере пяти должностных окладов. Это повлекло за собой определенные ужесточения в организации и учете индивидуального дозиметрического контроля.

Где-то в середине июля группа военнослужащих запаса, призванных на учебные сборы (в просторечии – «партизаны»), получившие дозу облучения, близкую к предельной, направлялась дослуживать оставшееся время сборов за пределами зоны отчуждения. Им полагалось выдать на руки справки о сроках работы в зоне отчуждения и полученной дозе облучения.

До обеда все справки были надлежащим образом оформлены, и я уже собирался идти в первый отдел УС-605, чтобы поставить на эти справки гербовые печати.

В этот момент ко мне подошел довольно пожилой солдат. В руках он держал только что выписанную справку. Он немного был похож на киноактера Бухути Закариадзе, потрясающе сыгравшего роль в кинофильме «Отец солдата». Как и все «партизаны», одет в изношенную военную форму третьего срока давности, висевшую на нем как пастуший балахон, жилистые натруженные руки, смуглое обветренное лицо крестьянина, а главное глаза – бесхитростные и простодушно глядящие. Разговаривал он со мной совершенно серьезно и искренне, даже не представляя степени своей наивности.

Насколько это возможно, постараюсь описать наш диалог...

– Слуший, брат, мне нимножко ни павезло, да. Я только как месяц здес и уже сегодня еду обратно. А мои земляки были здес в мае. Они уже, слуший, дома, да, пьют вино, да, и рассказывают всем, как здес было страшно, но они настоящие мужчины

и не боялись радиации. У Георгия – двадцат пять Реген, у Давида тоже двадцат пять, даже у этого пьяницы Реваза двадцат пять, а у меня только двадцат три. Я приеду домой, да, и что мне скажут? Почему у других двадцат пять, а у тебя только двадцат три? Ты плохо работал, да? Ты прятался, да? Ты нас апазорил? Пажалуста, напиши двадцат пять. Это же просто бумажка, да!

– Извини, дорогой, но я не имею права. Справка выписывается на основании данных, зафиксированных сразу в нескольких документах, и ее легко проверить. Меня за такое могут посадить. Извини, не могу.

– Слуший, дарагой, я знаю, другие хотят двадцат пять, чтобы деньги получить. Мне не надо деньги. У меня большой дом, у меня большой сад: виноград, мандарины, апельсины. Я каждый год делаю шест бочек вина. У меня много барашков. Я эти деньги дома за неделю заработаю. Слуший, когда тут это все закончица, приижайте ко мне, все приижайте. Будите самыми дарагими гостями.

– Пойми, друг, ты меня просишь о невозможном. Это же преступление.

– Если не веришь, я эти паршивые деньги сейчас отдам.

– Спасибо, мне не надо. Я достаточно получаю.

– Тебе не надо, твоим товарищам не надо, – я их в этот Чирнобыльский фонд отдам. Слушай, пажалуста, не позорь меня перед земляками, ты только напиши двадцат пять, а я эту бумагу только дома покажу и никуда сдавать не буду, мамой клянусь.

– Да пойми же ты, все справки, где стоит доза 25 БЭР проверяются. Я сейчас пойду ставить печать, там проверят и в самом лучшем случае заставят переделать, это в самом лучшем случае. А по-нормальному меня серьезно накажут.

– Брат, мне не надо печать. На эту, что мне сейчас дали, поставь печать, а мне дай еще одну без печати, но двадцат пять.

– А тебе земляки без печати поверят?

– Э-э-э, дарагой, я же ее не буду всем показывать. Эта бумага на бланке, и двадцат пять на машинке напечатано. Я ее дедушке Иллариону покажу. Он у нас самый старый, и по руски читат не умеет,

а цифры знает. Двацат пять увидит и всем расскажет. А я эту бумагу потом, ну, патиряю. И все. А потом уже никто и не спросит.

– Ладно. Ты когда домой убываешь?

– Сиводня в три часа нас везут в Белую Церков, а там командир обещал меня через неделю домой отпустить. Я уже старый. Я даже ни знаю, пачиму меня призвали. Мне уже сорок пять лет в августе будет.

– У вас в селе телефон есть?

– Абижаеш, дарагой! У нас все ест. И телефон, и радио, и телевизор.

– Давай договоримся так: ты, как приедешь домой, позвонишь мне вот по этому номеру, и я тебе по почте пришлю справку. Напиши мне здесь свой адрес.

Солдат несколько минут раздумывал, потом тяжело вздохнул.

– Ты мне не веришь?

– Я верю, но и ты меня пойми. Ты уедешь, а мне здесь еще долго оставаться, и мне лишние проблемы не нужны.

– Харашо, я тебе верю.

Эта фраза была произнесена дрожащим голосом. Казалось, что он был подавлен.

– Да пойми ты, если тебе в село придет официальное письмо со справкой и с обратным адресом из Чернобыля, то кто тогда вообще будет смотреть, есть там печать или нет?

– Слуший, брат, а ты умный. Я так ни придумаю. Если так, ты у меня будишь самый дарагой гость.

– Ну, знаешь, земля круглая. Может, еще и приеду в гости, если живы останемся. Пойдем со мной, я на твою настоящую справку печать поставлю. Ты только не вздумай кому-нибудь о нашем разговоре трепануть.

– Ну, пачиму обижаешь, брат? Ты мне паверил, я тебе паверил, а зачем трепат? Это я заберу с собой в могилу.

– Нет, в могилу не надо, живи долго.

Мы вдвоем быстро дошли до автовокзала. Проставление печатей заняло минут двадцать. И, получив на руки справку, солдат, что-то напевая, отправился к месту сбора.

Позвонил он только в октябре (я дал ему свой домашний номер телефона). Его командир своего слова не сдержал. Или просто не смог отпустить раньше положенного срока. Все это время его справка «двадцат пять» на фирменном бланке, но без печати, лежала под обложкой журнала учета доз.

На бланке отдела дозиметрического контроля УС-605 я сочинил к справке «сопроводиловку» и отправил заказным письмом с уведомлением о вручении. Уже через неделю вернулся корешок уведомления с росписью получателя.

Представляю, сколько радости было в семье этого солдата.

А если быть до конца честными, то следует признать, что его двадцать три реально меньше той дозы, которую «партизаны» получали фактически. Нередки были случаи, когда отцы-командиры для безусловного выполнения поставленной задачи отбирали у солдат дозиметры и возвращали после выполнения радиационно опасных работ. Мы об этих случаях знали, но не всегда могли что-либо изменить.

Когда я писал эти строки, задумался, а правильно ли я тогда поступил? Пришел к выводу, что правильно. Может, и не по закону, но правильно. Да какая разница – двадцать три или двадцать пять. Этот солдат честно выполнил свой долг. И пусть его дети и внуки гордятся своим отцом и дедом.

«Промокашки»

8 июля Монтажному району УС-605 была поручена сложная и ответственная работа – дезактивация кровли 3-го энергоблока, которая была сильно загрязнена обломками графита, ТВЭЛами и другими элементами конструкций из разрушенного реактора. В момент взрыва на крышу выбросило не только рабочие части реактора, а и отработанные топливные кассеты из бассейнов выдержки. Поэтому-то сразу и показалось, что слишком много обломков вылетело наружу. Но как бы там ни было, а убрать всю эту «номенкла-

Июль 1986,
Чернобыль

туру» было необходимо, так как без уборки была бы невозможна работа по сооружению «Укрытия».

В работу по дезактивации включились специалисты НИКИМТа, специальная группа Монтажного района, вертолетчики генерала Вихорева, Ленинградский институт робототехники, и, конечно, дозиметристы нашей группы.

Планировалось, что первым на крышу выйдет робот-разведчик, снимет карту дозовых полей и запишет на видеомagnetofон расположение отдельных кусков на разных отметках, но получилось по-другому. Как выразился один из наших дозиметристов: «Пионеры со станции юных техников делают более совершенные конструкции». Так вот, этот робот-разведчик должен был работать в условиях, где не может пройти человек. Но после того, как дозиметристы Анатолий Шабаев и Владимир Шульга вытащили робот на площадку +50 м и потом несколько минут буквально водили его в больших дозовых полях, а я с радиометром шел впереди робота, разведывая для него маршрут движения, всем стало ясно, какой это робот. Через какой-то десяток минут повредился соединительный кабель робота, и в тот день его работа закончилась. Через день привезли новый кабель, но робота подстерегала другая беда: жаркое июльское солнце растапливало битум, которым была залита крыша, и колеса робота

наглухо увязли. Второй такой робот решили забросить на отметку +75 м с помощью вертолета. Вертолетчики выполнили эту операцию блестяще. Контейнер с роботом встал в точно указанное место, но, выезжая из контейнера, робот опрокинулся и стал похож на беспомощно барахтающегося жука.

Пока шла эта роботозащита, мы с Анатолием Шабаетовым провели подробную радиационную разведку крыши с запиской отдельно лежащих узлов и блоков и составили карту дозовых полей.

Правительственной Комиссией было принято решение снимать радиоактивный мусор с помощью так называемых «промокашек».

Чтобы читателям было понятно, поясню, что «промокашками» называли специальные рамы из швеллера размером 4 на 4 метра. Снизу к этой раме приваривалась металлическая сетка, на которую привязывались тканевые ленты. Вся эта конструкция погружалась в своеобразную ванну с клеящим раствором. Такая конструкция с помощью вертолета (к тому времени краны еще не были собраны) укладывалась на кровлю блока, а когда спустя определенное время клей схватывается, то эта «промокашка» мощным вертолетом МИ-26 срывалась и вместе с приклеившимся к ней радиоактивным мусором утилизировалась.

На базе закипела работа. Срочно делались заготовки «промокашек», устройства для их зацепа и сброса, оборудовались вертолеты. Для укладки «промокашек» использовались вертолеты МИ-8, а для съема – гигантский вертолет МИ-26, переоборудованный для работы в условиях повышенной радиации.

По разработанной технологии укладка и съём «промокашек» велась двумя вертолетами. Основной вертолет-постановщик нес «промокашку» на стометровом тросе. На сто метров ниже шел вертолет-корректировщик, с которого давались направляющие команды по укладке.

Одним из разработчиков «промокашек» была научный сотрудник НИКИМТа Елена Козлова. Она твердо решила лично

лететь в зону, чтобы проверить укладку. Мы ее долго отговаривали, ссылаясь на то, что, по санитарным правилам, женщине в репродуктивном возрасте запрещено находиться в условиях мощных радиационных полей. На ее уверения, что ей это «уже не грозит», командир вертолетного полка Станислав Дружинин в шутку предложил ей «пройти проверку на репродуктивность». Но, несмотря на все наши предостережения и уговоры, ей все же удалось прорваться на одну из очередных укладок «промокашки».

Первую пробную «промокашку» сравнительно маленький МИ-8 положил почти под самое основание вентиляционной трубы.

Через день наметили первый съём. Я летел с экипажем МИ-26, а на корректировщике отправился Шабаев, который корректировал укладку этой «промокашки».

Внутри транспортный отсек МИ-26 поражает габаритами и напоминает производственный цех. Под потолком ходит многотонный кран-балка. Чтобы попасть в пилотскую кабину, нужно подниматься по лестнице. Пилотская кабина просторная. Экипаж четыре человека. В центре транспортного отсека была специально оборудованная свинцовая площадка для оператора грузовой лебедки. А справа от лестницы в пилотскую кабину свинцовыми листами защитили откидное пассажирское сидение. Когда мы уже собирались взлетать, к вертолету неожиданно подбежал довольно солидный мужчина в белоснежном костюме, весь увешанный разными индивидуальными дозиметрами, и, еле переводя дыхание, влез в вертолет, оттолкнув убравшего лесенку бортмеханика. Поскольку бортмеханик ничего не сказал, я подумал, что он знает этого мужика, и тоже промолчал. Он отдышался и сказал: «Я с вами на реактор. Где можно расположиться?» Оператор лебедки указал ему на откидное сидение и пошел к своему рабочему месту. Я поднялся в пилотскую кабину и закрыл дверь. За сидением штурмана была вертикальная стойка. Поскольку руки у меня должны были быть свободными для работы с

приборами, то, чтобы не упасть, я пристегнулся к этой стойке ремнем. Такое положение давало мне определенные преимущества, так как обзор был намного лучше. Через несколько минут полета мы были уже над третьим блоком. Измерив уровень радиации, я показал штурману на часах конечное время нахождения в зоне.

Экипаж начал работу. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, как можно было выполнить такую работу. Пилоты сосредоточенно смотрели перед собой и совершали маневрирование, слушая команды корректировщика и оператора лебедки. Саму «промокашку» они не видели. Повернув голову влево, я посмотрел вниз на блок. И тут меня охватил непроизвольный страх. Буквально в двух-трех метрах от левого колеса вертолета «гулял» край вентиляционной трубы. Пилотам этого не было видно. Я тронул за плечо штурмана и рукой показал, чтобы он посмотрел. Очевидно, на моем лице он увидел что-то ужасное, потому что привстал и глянул вниз. Что он говорил по переговорному устройству пилотам, я не слышал, но вертолет тряхнуло, и он поднялся выше. Теперь все зависело от мастерства оператора лебедки. Зацепить груз еще более длинным тросом – задача непростая. Вдруг весь экипаж начал смеяться. Штурман повернулся ко мне и показал на иллюминатор в двери кабины. Я выглянул в транспортный отсек, и тоже засмеялся, но потом мне стало не по себе. Незнакомый пассажир с радиометром в руках метался по всему отсеку. Неожиданно он прыгнул на спину оператора, лежащего на полу перед специальным окном. Тот резким движением сбросил его с себя. Я быстро отцепился от стойки, открыл дверь и закричал «пассажиру», чтобы он сел на защищенное сидение. Он кивнул и, пошатываясь, побрел к указанному месту.

Я выставил датчик радиометра в отсек и понял его метания. На незащищенных участках пола уровень радиации был порядка 70 Рентген в час. Внезапно вертолет сильно затрясло, и я вынужден был снова пристегнуться к стойке. Через несколько секунд тряска прекратилась, вертолет пошел вверх и

плавно переместился вправо. Легкий толчок – это «промокашка» с кусками радиоактивного мусора полетела в жерло еще раскаленного разрушенного реактора. Лица у всех просветлели. Ведь только слаженные действия экипажей не привели к аварии. Те шестнадцать минут, которые ушли на зацепление «промокашки» и сброс ее в завал реактора, показались часами. Несмотря на то, что в вертолете было сравнительно прохладно, все взмокли. Но была и радость от первой удачи. Участок кровли под «промокашкой» очистился великолепно.

Как только вертолет приземлился, неизвестный пассажир пулей выскочил на вертолетное поле и побежал в сторону Чернобыля. Кто это был, мы так и не узнали.

20 июля вечером мне на смену прибыл коллега Юрий Данилов. До 23 июля я должен был передать ему руководство группой, а сам отправиться с семьей в дом отдыха неподалеку от Сухуми.

Мы с Юрием проговорили до поздней ночи, обсуждая дальнейшую работу. Планировалось, что по прибытии в Чернобыль со сменой монтажников выедем на станцию и я ему в течение дня покажу все участки работы и особенности ведения работ на этих участках. Но, как только наш автобус заехал на

Октябрь 1986, Чернобыль

территорию черновыльскай базы «Сельхозтехники», к нам подошел посыльный из штаба вертолетного полка и попросил помочь в укладке очередной «промокашки» на крышу 3-го блока. Поскольку мы знали расположение наиболее крупных обломков, выброшенных в момент взрыва реактора, то вертолетчики не хотели тратить лишнее время на поиски оптимальных мест укладки «промокашки» и попросили нас сразу показать наиболее загрязненные места.

Я предложил Данилову лететь с экипажем вертолета-постановщика, так как сверху он сможет лучше и значительно быстрее увидеть то, что мы обсуждали вечером. Я же полетел с экипажем вертолета-корректировщика, поскольку знал, куда надо класть «промокашку». Когда я садился в вертолет, то увидел, что в салоне уже находятся несколько человек из киношечной группы Минобороны и двое солидных «дядей» из какого-то НИИ.

Как я уже упоминал, что несколько вертолетов МИ-8 были специально переоборудованы для работы в условиях мощных радиоактивных излучений. На полу расстелены свинцовые листы и оборудовано место для оператора грузовой лебедки.

Частично свинцом было закрыто и остекление фонаря пилотской кабины. Понятно, что при такой переделке грузоподъемность вертолета резко уменьшилась.

Первым стартовал вертолет-постановщик. Пилоты зависли на ванной с «промокашкой», быстро зацепили ее и очень плавно стали набирать высоту, выбирая стопятидесятиметровый трос подвески. Наш вертолет взлетел следом и шел чуть выше, так как с «промокашки» капали частицы клеящей массы. Пока летели к станции, все было нормально. Киношники открыли боковую дверь и закрепили на штативах кинокамеры, ученые смотрели на показания каких-то своих приборов и записывали их в блокноты.

Кто знаком с устройством вертолета МИ-8, знает, что экипаж состоит из трех человек. Пилотская кабина этой машины маленькая. Пилоты сидят в креслах, а бортмеханик находится

чуть позади на откидном сидении, опираясь спиной на дверь пилотской кабины. Поскольку основная корректировка ложилась на меня, то мы «помирились» с бортмехаником на этом сидении. Правда, при этом дверь кабины уже не закрывалась.

Командир экипажа обернулся ко мне и попросил четко определиться со временем работы. Командиром оказался сам командир полка Станислав Дружинин.

За несколько сот метров до блока я показал Дружинину площадку на отметке +72 м, где компактно лежали несколько графитовых блоков и какая-то металлоконструкция. Вертолет снизился до этой отметки и стал разворачиваться кабиной к блоку. В этот момент киношникам и ученым ну очень захотелось посмотреть на процесс, и они все дружно ринулись к двери пилотской кабины. В результате перегруженный свинцом вертолет потерял центровку, клюнул носом и начал падать. Снизу стремительно приближалась поднятая стрела мощного 80-тонного автокрана «Либхерр», стоящего возле стены блока. Дружинин пронзительно заорал: «Все назад!». Реакция пассажиров оказалась отменной. В течение двух секунд все оказались в конце пассажирской кабины. Правда при этом не обошлось без синяков и разбитого носа кинооператора. Чудом пилотам удалось выровнять машину, и вертолет медленно пошел вверх. До стрелы крана мы не «дотянули» всего метров десять. Пока поднимались до нужной отметки, Дружинин нещадно материл киношников.

*Дружинин
Станислав Сергеевич*

Только сейчас я сообразил, что нужно определиться со временем работы. Сверив показания моего и бортового радиометров, рассчитал время – 8 минут (за это время экипаж получил бы дозу облучения не более 0,8 от максимальной в сутки). Переведя взгляд на площадку, куда должна была лечь «промокашка», я увидел неприятную картину. Вдоль ограждения площадки через каждые шесть метров торчали длинные штыри молниеотводов. «Промокашка» одним боком уперлась в один из штырей и довольно быстро крутилась вокруг него. Оператор лебедки никак не мог поймать момент, чтобы она всей плоскостью легла на площадку. Спустя минут пять наконец удалось положить «промокашку», но... электрозамок отцепы не сработал. Экипаж попытался повторить укладку. Потеряли еще несколько минут. Замок опять не сработал. Я смотрел на часы и начал покрываться холодным потом. Наклонившись к Дружинину, тихо сказал: «Экипаж постановщика уже получил двойную дозу облучения, больше категорически нельзя. И тебя, и меня за это сильно накажут». Командир кивнул и дал команду возвращаться на базу. Так и полетели с «промокашкой» обратно.

Пока летели в Чернобыль, Дружинин о чем-то постоянно говорил по радио с руководителем полетов. Подлетая к аэродрому, мы увидели, что от места приземления во все стороны разбегаются люди. Очевидно, уже все знали, что «промокашка» побывала на крыше и наверняка приклеила к себе радиоактивные обломки. Наш вертолет сел первым, а через минуту появился постановщик. На краю поля лежал большой расстеленный полиэтиленовый лист, на котором собирались «промокашки». Экипаж постановщика ювелирно завис над этим листом и стал снижаться. Как только «промокашка» коснулась земли, электрозамок самопроизвольно сработал. Возмущению Дружинина не было предела. Что он орал инженеру полка, нельзя описать даже в приглаженном виде.

Тут я вспомнил про Данилова, оглядевшись, увидел его сидящим на траве возле штабеля деревянных ящиков. Лицо

его было зеленовато-желтого цвета, а глаза смотрели как-то отрешенно.

В этот день мы уже больше не работали. Сходили в медпункт, где у Юры взяли анализ крови и дали успокоительные таблетки.

После обеда появился посланец от Дружинина, принес на обработку индивидуальные дозиметры членов экипажа и сообщил, что «промокашку» завернули в полиэтилен и отвезли на могильник. Электрозамок поменяли на новый, и другую «промокашку» удалось положить уже без приключений.

Недавно я случайно узнал печальную новость – Станислав Дружинин и все члены его экипажа с интервалом в два-три года ушли из жизни.

Вот что такое ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Вечная память тем, кто ценой своей жизни спасал человечество от ядерной угрозы, и вечное презрение тем, кто делает все, чтобы об этом забыли.

Термины и сокращения

Рентген – единица экспозиционной дозы радиоактивного или рентгеновского облучения, определяемая по их ионизирующему действию на сухой атмосферный воздух. Отсюда и их общее название – ионизирующие излучения.

Рентген равен экспозиционной дозе радиоактивного или рентгеновского излучения, при которой в 1 см^3 воздуха, находящегося при нормальном атмосферном давлении и 0°C , образуются ионы, несущие заряд, равный 1 электростатической единице. При дозе рентгеновского или гамма-излучения, равной 1 Р, в 1 см^3 воздуха образуется $2,082 \cdot 10^9$ пар ионов.

Бэр (биологический эквивалент Рентгена) – единица измерения эквивалентной дозы ионизирующего излучения. 1 бэр соответствует такому облучению живого организма конкретным видом излучения (альфа-, бета-, нейтронное из-

лучение), при котором наблюдается тот же биологический эффект, что и при экспозиционной дозе гамма-излучения в 1 рентген. Для учета биологической эффективности разных видов ионизирующего излучения в определении эквивалентной дозы существует понятие коэффициента качества, имеющего различные, установленные экспериментальным путем фиксированные значения в зависимости от вида и энергии излучения относительно гамма-излучения.

ТВЭЛ (тепловыделяющий элемент) – основной элемент ядерного реактора. Представляет собой трубу из особого тугоплавкого ниобий-циркониевого сплава, помещенную в графитовый блок и наполненную таблетками ядерного топлива – обогащенного урана.

УС-605 (Управления Строительства 605) – специально созданное для ликвидации аварии и сооружения объекта «Укрытие» подразделение Министерства среднего машиностроения СССР.

НИКИМТ – Научно-исследовательский и конструкторский институт монтажной технологии Министерства среднего машиностроения СССР

Икона «Чернобыльский Спас»

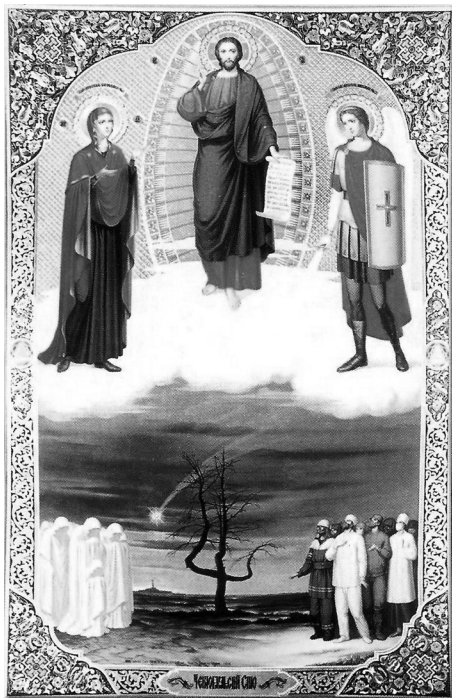
Икона «Чернобыльский Спас» написана с благословения Блаженнейшего Владимира Митрополита Киевского и всея Украины. На этой иконе впервые в истории иконографии изображен наш Господь Иисус Христос Судья и Спаситель вместе с живыми и мертвыми чернобыльцами. Бог спасает души. Чернобыльцы-спасатели спасли землю и жизнь, дарованную Господом. Изображенные на иконе люди – это Божья человеческая рать. До этого никогда человека с Богом на иконах не изображали. Только потому, что чернобыльцы заповедь Господню «Не убий» исполнили, чужой крови не пролили, а своей не пожалели, им выпала такая честь.

Освящение иконы состоялось 28 августа 2003 года Блаженнейшим Владимиром в Киево-Печерской лавре в день Успения Пресвятой Богородицы. В момент ее освящения произошли чудотворные и необычные явления: над иконой, едва ее не коснувшись, пролетел голубь, а высоко в безоблачном небе без всякого дождя повисла радуга в виде нимба. А потом в середине нимба в солнечном сиянии появилось изображение трех крестов. Свидетелями тому были тысячи людей. И тысячи верующих на протяжении долгого времени

кланялись и молились перед этой иконой. Блаженнейший Владимир после такого чудотворного знамения сказал людям, что икона «Чернобыльский Спас» принята Всевышним.

Духовный энергетический заряд, благотворное влияние этого уникального события трудно переоценить. Оно навсегда останется в памяти нынешнего поколения и наших потомков, поскольку является вечной святыней. С благословения Блаженнейшего Владимира, освященными кистями и красками, на освященной доске икону писал иконописец Владислав Горецкий. Икона выставлена в Успенском храме Киево-Печерской лавры.

Рядом с иконой приведены строки из Откровений Святого Иоанна Богослова (Апокалипсис):

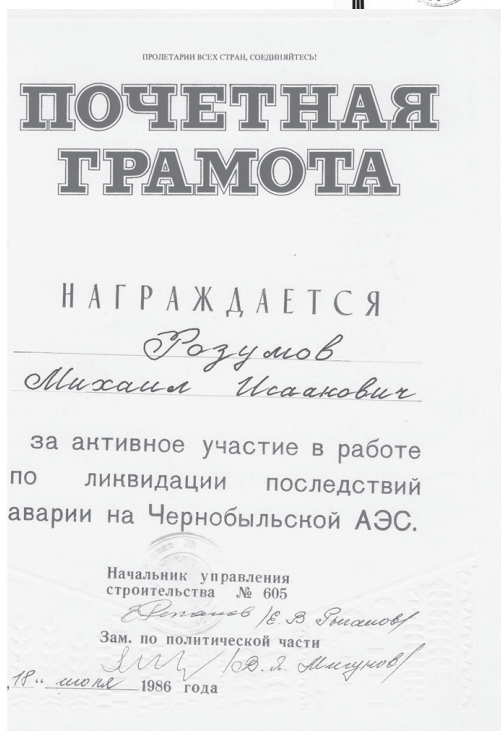
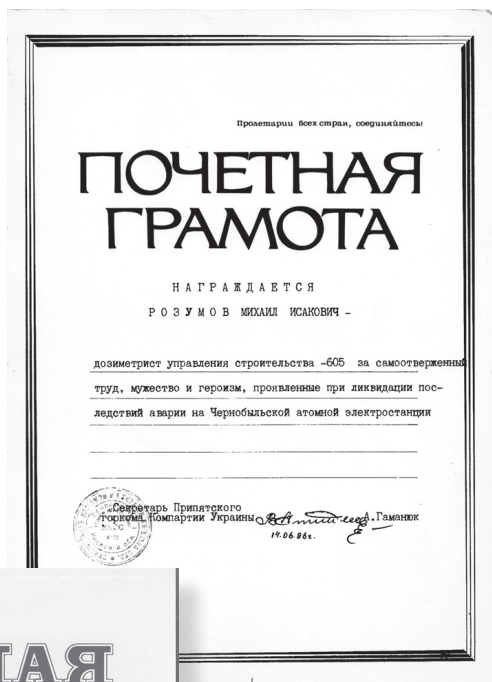
Икона «Чернобыльский Спас»

Глава 8

*10 Третий Ангел вострубил,
и упала с неба большая звезда,
горящая подобно светильнику,
и пала на третью часть рек
и на источники вод.*

*11 Имя сей звезде полынь;
и третья часть вод сделалась полынью,
и многие из людей умерли от вод,
потому что они стали горьки.*

В старославянском языке полынь – «чернобыль». Что это? Совпадение или Мистика? Человечество уже не раз убеждалось в правильности библейских текстов. Но увы! Мы утратили былую веру, а вместе с ней и способность анализировать и делать правильные выводы из древних предсказаний. Ортодоксальная наука, которую поддерживают «пастыри» политические, отвергает всяческую возможность воздействия на наше бытие Высшего Разума. А фраза «Вначале было Слово» превратилась в постановления очередного съезда какой-нибудь политической структуры. Вот как верим, так и живем...

Нара ФОМИНСКАЯ

Шадринск

Родилась 27 марта 1966 года в селе Бекасово Наро-Фоминского района Московской области. Окончила шадринскую среднюю школу №15, а затем Луганский педагогический институт им. Т.Г. Шевченко. В юности увлекалась орнитологией, отработала три летних сезона в Кандалакшском заповеднике. Работала учителем химии и биологии в школе. В настоящее время занимаюсь изготовлением авторских изделий из войлока. Член Ассоциации «Поэты Урала». Лауреат нескольких поэтических конкурсов. Победитель Международного Грузинского интернет-конкурса 2016 года.

Публикуюсь в периодической печати, сборниках и альманахах. Пишу о природе, о человеческих чувствах и отношениях, о жизни и смерти, о вечном и мимолётном... Люблю читать и путешествовать.

26 апреля

Металлический привкус на кончике языка,
от невидимой силы наутро рыжее лес,
и уже целый день течёт в никуда река,
и прошит рентгенами приговор небес.

Нет предчувствия, страха липкого тоже нет,
занавесился вишнями разгуляй-апрель,
неизведанный и безжалостный адский свет
превращает мир в звенящую акварель.

Всё прозрачно и красочно – смерти нет,
но она заползла невидимкой – уже внутри.
Ах, какой красивый на Припяти был рассвет!
В общем, кто не спрятался... раз, два, три...

Ждёшь снега, словно утешенья,
в надежде, что утихнет боль,
да только зря, она с тобой
останется в немом круженье
снежинок малых. Долгий век
нам не подарен, от рожденья
до светлого невозвращенья
вся жизнь пройдёт, как этот снег...

Осенний сонет

Сегодня пусто в доме. Только дождь
Озвучивает эхо гулких комнат,
А ночь так непроглядна и бессонна,
И знаю, ты давно меня не ждёшь.

Куплю на потускневший медный грош
Из золота осеннего корону,
По кромке зоревое небосклона
Придёт октябрь – спокоен и погож.

Рябиновую грусть я пригублю,
Тревоги все свои сведу к нулю –
Я знаю, путь земной, увы, не вечен.

И каждый день, как свет, благословен,
И осени цветастый гобелен
Расстелен к Покрову – зиме навстречу...

Заварите мне чай

Заварите мне чай из цветочных сухих лепестков,
Накануне весны я в дрожащих объятьях простуды.
Ветер пишет стихи на обрывках сырых облаков,
И просыпался снег из дырявой небесной посуды.

Заварите мне чай – я сегодня любовью больна.
Я не вылечусь, нет, я теперь – доживающий «хроник».
Принесите холсты из отборного лунного льна –
Нарисую апрель, синей краской испачкав ладони.

Заварите мне чай. Я не буду сегодня грустить,
Я письмо напишу, где опять вместо слов только точки,
Заварите мне чай... Мне сегодня так хочется жить.
Может быть, в этот раз в небесах мне подпишут отсрочку?

Я знаю точно, в каких заповедных краях
Ветры гудят, а птицам положено – жить,
Там не погаснет в ночи одинокий маяк,
Тихо склоняющий море на все падежи...

Тих и размерен от дома до берега путь,
Старая шаль на плечах у седой Ассоль,
Дома так холодно... и до утра не уснуть,
На берегу – ни души, хочешь – кричи или пой.

Пой о любви, что шепчет стихами – жива,
Плачь о безумии, что прогоняет смерть,
Пусть превращаются в ветер твои слова,
Ты их кричи и пой. Ты должна суметь...

Мой голос тихим стал с недавних пор
не потому, что я рыдала над могилой,
не потому, что громкий разговор
мне кажется нелепым и постылым,
не потому, что сонмы голосов
в момент прозренья стали мне чужими,
не потому, что ход земных часов
необратим, и платим не по лжи мы.
Не по словам нас меряют, и Тот,
кто смотрит в душу нам неспящим оком,
нас верно и настойчиво ведёт
к неслышным и неспешным диалогам...

Владимир АВЦЕН
Вупперталь

Из цикла: «Вуппертальские рас-сказки»

НА ЗАРЕ ТЫ МЕНЯ НЕ БУДИ!

— Хорош спать!!! – гроыхает в телефонной трубке в 7 утра. Это у бабы Лены вместо «здрасьте» или «добраутра». Впрочем, бабой Леной именуется она себя сама, нас просит звать её просто Лена. И эта «Лена» ей очень подходит, несмотря на её восемьдесят с гаком...

Я лёг сегодня в три утра, заснул к четырём... Прежде чем ответить, успеваю подумать, что в принципе неплохо, если

тебя по утрам будит женщина, но лучше б не по телефону, ну и чтоб гаков поменьше... Естественно, оставляю этот пассаж при себе. И не только из уважения к возрасту абонентки.

Человек симпатичный, уважаемый, наша, можно сказать, иммигрантская достопримечательность, Лена до сих пор шутя управляется со скакалкой; целыми днями носится по каким-то только ей ведомым делам по Вупперталю; бывает на концертах; посещает

многочасовые дневные литературные и всенощные бардовские посиделки, где может при случае огоршить местных эрудитов безответным вопросом об авторстве классического, но не слишком известного опуса; не так давно съездила волонтером в Израиль, трудилась там в поте лица своего, перебирая, как когда-то в советской молодости, картошку на их складах: внесла таким макаром свою лепту в обустройство Земли обетованной и по приезде,

зело гордясь, клеймила позором нас, современную шестидесятилетнюю молодёжь, не способную на подобные подвиги...

Обычно на заре Лену одолевают важные вопросы. Если эстетические, то это с неизменным «хорошспать» – ко мне. Что я думаю о новой книге Т. И.? Где будет вечер поэтессы М. Г.? Когда очередная встреча в Вупперлиткафе? Возможны варианты...

– Хорош спать!!! – громыхает трубка.

– Дык... уже ж и не... – честно сознаюсь я и пытаюсь угадать, что на сей раз подбросило с одра Лены.

– Как Юра? – спрашивает Лена о самочувствии бессменного руководителя нашего бардклуба.

– К сожалению, плохо.

На той стороне сочувственно вздыхают и кладут трубку.

Неугомонная, равнодушная Лена! Я хочу, чтобы лет через 20 твоё «хорошспать» громыхнуло ни свет ни заря у

кого-то из моих друзей и чтобы ты спросила о моём здоровье. Не важно, что тебе ответят. Важно, чтобы было у кого, о ком, а главное, кому спросить. Обещай, а?

СЧАСТЛИВЫЕ

Густой, мелкий дождь. Серое небо. Под стать настроение. Выхожу, тем не менее, на прогулку. На дороге редкие машины, на тропинке в парке, кроме меня, прямо по курсу одинокая девушка. Впрочем, не одинокая – с пинчером. Вспомнил поговорку про плохую погоду, в которую хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, и переиначил её: в такую погоду хорошая собака хозяйку на улицу не вытащит; эта – вытащила...

Пинчер что-то азартно роет внизу пригорка, земля летит из-под его лап. «Наверное, – думаю, – нашёл чью-то нору и пытается добыть её обитателя». Но нет, то, что он извлёк из норы и с чем в зубах с чувством победителя взлетает наверх,

ни на что живое не похоже. Мячик! Обыкновенный, от большого тенниса. Вручает его девушке, та вновь бросает, пинчер с бешеной скоростью мчится за игрушкой, хватается, не докатившуюся, в зубы и с восторгом несётся к хозяйке.

Притормаживаю, застываю в сторонке, боясь нарушить идиллию.

Бросок мяча – рывок собаки, бросок – рывок, бросок – рывок. Вниз – вверх, вниз – вверх... Обе счастливы!

Дождлся, пока наигрались и ушли. Двинулся дальше. Счастливый.

ФРАЗЫ

Объявление: Только секс! Интим не предлагать.

Всю жизнь забывал про десять заповедей. Но, слава богу, забывчивость – не смертный грех.

У пришедших на мероприятие по проблемам деменции было много вопросов, но они их забыли...

Когнитивный диссонанс

Раньше мы жили плохо... но хорошо, а теперь живём хорошо, но плохо...

Цных уж нет...

Наталья ХАТКИНА
(1956-2009)

НАТАША

Господи, как быстро летит время! Иногда кажется, что это как-то связано с уходом родных и близких людей: чем больше их уходит, тем сильнее сжимается время. А ещё это странное ощущение, что они покинули нас буквально вчера...

Летом из Донецкой республиканской библиотеки для детей имени С.М. Кирова пришло письмо с сообщением о том, что готовятся методико-библиографические материалы к 60-летию со дня рождения Натальи Хаткиной и с просьбой принять в этом участие. В ответ я решил предложить два материала о Наташе, опубликованные в связи с её смертью в моих альманахах «Семейка», и с удивлением обнаружил, что с тех

пор минуло целых семь лет! Заодно вспомнились два эпизода – один мистический, второй забавный. Сначала – мистический.

За несколько лет до её ухода я был у неё в гостях, и мы вышли выгулять Наташину догину. Неожиданно прямо на нас во двор завернул с Университетской странный, а точнее, страшный бомж. Возможно, он что-то искал в урне у киоска за углом, который, кстати, назывался «Наташа», и теперь спрямлял свой, одному ему ведомый путь. Во всяком случае, никогда прежде его здесь не видели. Был он огромен, костляв, запущен, но не это нас поразило. Странность и страшность заключалась в его лице: правая щека была вся обезображена проступающей даже сквозь щетину пупырчатой сине-красной опухолью, а к левой, очевидно, до кости сгнившей, была грубой проволокой прикручена разделочная доска... Бомж смерил нас тяжёлым взглядом и прошёл мимо. Помню, я подумал, возможно, не без основания, что это прокажённый, и почувствовал ужас от этой мысли. Не знаю, как я при этом выглядел, но Наташа побелела, как будто увидела перед собою саму смерть... «Какой страшный человек!» – выдохнула она и заспешила с прогулки домой. Эпизод этот после её скоропостижной смерти долго не давал мне покоя. Не хочется им заканчивать. Поэтому привожу второй эпизод, забавный – про то, как появился вот этот романс, ей посвящённый.

Лекарство для любви

Наталье Хаткиной,
автору книги «Лекарство от любви»

*Лекарство для любви – бесстыжая виagra,
что потеснила враз женъшеня корешок.
Лекарство от любви – седины и подагра,
да предлюбовный хмель, да постлюбовный шок.*

*Живёт у нас в душе неведомая птаха –
ворона-и-щегол-зарянка-и-сова.*

*Наталья, Натали, Наташенька, Натаха,
всех судят по делам, мы платим за слова.*

*Мы выбрали свой путь – туда нам и дорога,
хранимые судьбой, казимые собой.
Ты знаешь от любви лекарств ужасно много,
я знаю для любви одно – саму любовь.*

А появился романс после того, как, даря мне в 1999 году свою книжку «Лекарство от любви», Наташа лукаво улыбнулась и сделала озорную надпись:

*Дарю я Вовке, се ля ви,
моё «Лекарство ОТ любви»,
а то ему подаришь «ДЛЯ» –
потом беги через поля...*

Вот на этой ноте и следует поставить точку. Но в заключение – несколько любимых мной Наташиных стихотворений.

Владимир Авцен

Был воздух уплотнен в божественной ладони,
и появились мы, и нас назвали – плоть.
И осязание мы взлюбили вплоть
до жажды видеть дух овеществленный.

И мы сгущаем – целое столетье
до двух страниц,
общение – до острот,
любовь – до кратких встреч.
Но пусть нас обойдет
сгустить тоску до пули пистолетной,
когда унизим мысль до языка.
Рябины на варенье дочь приносит.
Добавим сахару в сгустившуюся осень
и будем думать, что она сладка.

* * *

В ноябре оставлен на меня
был наш дом, что значит – без присмотра.
Дули ветры то с холмов, то с моря.
Звери позабыли страх огня.

Дом открыли дикие коты.
С той поры в подполье ор и драки.
По утрам бродячие собаки
ждали в позах гордой нищеты
возле кухни, позади террасы.
Совы завладели чердаком.
Жили мы свободой и дождем,
впроголодь – и братством, и пиратством.

А вчера – видать, с меня, пропащей,
как вернется, спросит муж всерьез –

приблудился к паре наших коз
мальчик-фавн, от холода дрожащий.

Геннадию Олемпиюку

Нет у света ничего, кроме тьмы.
Он в ней лилией пророс и погас.
Кто там плачет в темноте? Это мы.
Нет у Бога никого, кроме нас.

Неподатливый такой матерьял –
отрастить не получается крыл.
Вот один хотел взлететь – и пропал.
Впрочем, кто-то говорит: воспарил.

То не лилия растет средь зимы –
просто хочется любви – прям сейчас.
Нет у света ничего, кроме тьмы.
Нет у Бога никого, кроме нас.

Молитва 3

В тёмное небо смотрю.
Как-то мне всё непонятно.
– Господи! – говорю. –
Тошно без связи обратной.

В тёмное небо смотрю.
Жажду простого ответа.
– Господи! – говорю.
Ира звонит или Света.

В тёмное небо смотрю –
Голоса нету из мрака.
– Господи! – говорю.
Тихо подходит собака.

Надо посуду вымыть, а тянет разбить.
Это отчаянье, Господи, а не лень.
Как это трудно, Господи, – век любить,
каждое утро, Господи, каждый день.

Был сквозь окно замерзшее виден рай,
тусклым моченым яблоком манила зима.
Как я тогда просила: «Господи, дай!»
«На, – отвечал. – Только будешь нести сама».

Упаду,
как река – в песок,
и уйду,
как река – в песок.

И тогда вам придется
рыть колодцы,
когда стоило лишь наклониться,
чтобы напиться.

Юрий Томили́н (1947-2015)

ЮРКА

Более двух десятков лет в Вуппертальский клуб авторской песни, который создал и возглавлял Юрий Томили́н, со всех концов раз в месяц стекались любители этого жанра. Шли на огонёк, точнее, на огонь добра и любви, который здесь горел. Не случайно, когда не стало Юры, все, кто его знал, испытали ощущение сиротства. Лучшее друзей об этом сказал на церемонии прощания его друг поэт, композитор, исполнитель авторской песни Борис Серёгин:

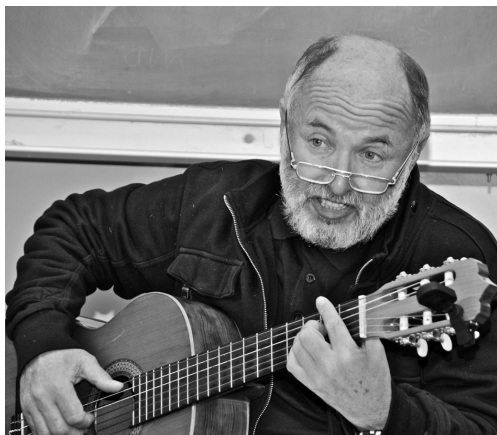
– Нас всех, здесь собравшихся, и ещё очень многих и многих людей объединяет то, что мы все его любили. Мы все Юрку любили. Каждый по-своему, на свой лад, но мы все его любили. Потому что не любить Юрку (даже ссорясь с ним, придерживаясь разных взглядов на что-то) было невозможно.

Потому что это был Юрка. И даже в самые тяжёлые времена, живя с этим приговором, с этим смертельным недугом, он оставался самим собой – таким, каким мы Юрку всегда знали. Живым, активным, вечно выискивающим что-то интересное: книги, фильмы, передачи, о которых он потом взахлёб рассказывал. Вечно загорающимся какими-то новыми идеями. Постоянно старающимся чем-то порадовать близких. Да и всех, кто попадал в его поле.

И мы привыкли к этому. И мы думали, так будет всегда. Потому что немыслимо было себе представить, что когда-то Юрки не станет. А теперь невозможно в это поверить, свыкнуться с его уходом... Позавчера, когда мы с Янкой говорили о сегодняшнем поминальном вечере, у неё вырвалось: «Жалко, что Юрки с нами не будет. Столько его друзей соберётся! Его бы это так порадовало!» Юрка будет с нами! И сейчас, и по-

том, на поминальном вечере, и завтра, и ещё долго-долго-долго... Потому что след, который он в нас оставил, – это навсегда.

Так случилось, что в последние годы мы часто проводили с Юрой и Оксаной вместе выходные, ездили в отпуск. Юрка стал мне очень близок,

по-родственному близок за это время. Пару дней назад, прочитав у Липскерова то, что сейчас хотел бы процитировать, я подумал, что это, возможно, и есть ключ к пониманию природы невероятного Юркиного обаяния, его неповторимой ауры, уникального организаторского таланта при полном отсутствии организаторских способностей (способности можно развить, наработать, талант – нет!). Вот эти строки: «Я ловил себя на том, что, когда вспоминаю своё детство, чувствую желание заплакать. Моё детство было счастливым, а глаза сейчас на мокром месте. Вспоминая себя маленькими, мы испытываем жалость к себе, взрослым. Мы как будто заболели с тех пор. Взрослые – заболевшие дети! – сделал я вывод». Так вот: Юрка был здоровее всех нас! С рождения и до самого ухода он оставался ребёнком! Потому что только дети могут так радоваться чужим успехам. Только дети так зажигаются от вида новой интересной игрушки, так обожают видеть радость на лицах знакомых и малознакомых им людей. И терпеть не могут нудных репетиций, повторов, заучиваний... Но это был мудрый ребёнок. Сердцем мудрый. И глубоко верующий. У него была своя непоколебимая вера в то, что всё будет хорошо, всё как-то сложится. Это не было беспечностью или пустым оптимизмом. Это была вера в то, что «будет день, и будет пища». И так оно

и случалось: наступал день и приносил какими-то неисповедимыми путями всё, что ему было нужно.

Наверное, можно сказать: Бог его любил. И мы Юрку любили. И он любил многих из нас. Он обожал своих детей и всегда гордился ими. И имел на это полное право, потому что у него, действительно, замечательные дети. И рядом с ним были женщины, которых он боготворил. И которые были ему отрадой и поддержкой. Особенно в последние годы, когда он так в ней нуждался. И он её получал, поддержку и заботу. Это было без преувеличения подвигом, достойным коленопреклонения. Перед тобой, Оксана.

Здесь сейчас есть люди, знавшие Юру дольше, чем я. Но даже те, кого судьба лишь коротко с ним сводила, да, в общем, все мы можем считать себя в какой-то степени избранными. Потому что далеко не каждому человеку доводится в жизни встретиться с личностью такого масштаба, оказавшей влияние на судьбы столь многих людей. Такой цельности (вот, наверное, ещё одно ключевое слово) и такой сердечной теплоты. На которую все слетались, как на огонь. И уже не имело никакого значения, кто на каком языке говорит. Или поёт. Потому что когда пел ОН, ноты и язык отступали на второй план. На первом всегда был он сам – Юра Томилин. На первом плане он и остаётся с нами, в нашей памяти.

Стоит лишь прикрыть глаза...

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ (1947–2006)

ОЛЯ

(Попытка эссе с письмами и отступлениями)

4 сентября 2006 года скончалась Ольга Бешенковская – большой самобытный русский поэт. Отношение к личности и её творчеству определяется тем интересом, который не угасает и после физической смерти. У Ольги Юрьевны и по сей день тысячи читателей и почитателей. В августе этого года увидела свет книга, посвящённая памяти Ольги Бешенковской, «И надломиться над строкой». В неё вошли не только подборки стихов

поэта из многочисленных её книг, но и отзывы читателей страничек О. Бешенковской на сайтах «Стихи.ру», «Проза.ру», поэтические посвящения, отрывки из эссе, воспоминаний, литературных исследований её творчества.

Алексей Кузнецов

Поэт – что малое дитя

Середина марта 2003-го. Дюссельдорф. Третий Международный поэтический турнир. В задании строчка Бориса Чичибабина: «Поэт – что малое дитя». Президент турнира – писатель Раф Айзенштадт. Во главе жюри – поэт Ольга Бешенковская. Я приехал в Германию меньше года назад и вскоре

обнаружил в русскоязычной среде бурную литературную и казпэшную жизнь с нешуточными разборками и выяснениями отношений. Разборки мне никогда не были интересны, другое дело – концерты, фестивали, турниры... Об Ольге Бешенковской знаю – известный литератор, большой поэт. По окончании подхожу к ней, не без робости вручаю (мол, буду рад, если взглянете) тощую книжицу своих стихов. Через пару дней звонит Ольга. Книжка прочитана, о стихах очень тёплый отзыв. По-детски радуюсь: поэт – что малое дитя...

Чуть позже Бешенковская дала интервью для «Русской Германии», где в ответ на каверзные вопросы корреспондента, типа, «кому и на кой всё это нужно?», защитила и саму идею проведения турниров, и право самостоятельных авторов на самовыражение, заодно сказав много добрых слов об организаторах этого праздника поэзии. А дальше случилось невообразимое – обида организаторов на неё, как я понимаю, главным образом за слова «самостоятельные авторы». Тогда я не знал, что это не первая и далеко не самая страшная обида на неё...

Постарайтесь не портить «Семейку»!

Для кого-то она была Ольга Юрьевна, кто-то был с ней на «ты», у нас как-то сразу сложилось нечто среднее: неизменное «вы», но при этом дружеское «Оля» и «Володя». Так случилось, что в Штутгарт, где жили Оля и её муж Алексей Кузнецов, в 2003 году приехала семья моей сестры с нашей мамой, и я стал частым гостем этого города, что в немалой степени способствовало сближению с Ольгой и Алексеем. Когда я вскоре по приезду надумал издавать альманах для семейного чтения, первая, кому я об этом поведал, была Бешенковская. Её реакция меня обескуражила:

– Вот вы все тут приезжаете, – сказала она неприязненно, – и сразу начинаете издавать альманахи!

Пришлось признаться, что у меня есть немалый редакторский опыт и что в моём родном Донецке я перед отъездом поучаствовал в создании журналов «Родомысл» и «Дикое поле. Донецкий проект», собкором которого являюсь в Германии. Объяснил также, почему хочу затеять это безнадежное дело, и изложил концепцию будущего издания, попросив у неё, недавно закончившую издавать журнал «Родная речь», совета и помощи. Оля смягчилась и вскоре позвонила мне, предложив назвать альманах «Мишпуха». Название мне не понравилось, к тому же что-то похожее уже у кого-то имелось, но зато оно подсказало идею назвать альманах «Семейка». Название Ольга приняла, как и сам альманах, в котором она все дальнейшие годы принимала самое активное участие. В какой-то газете, давая интервью о литературной жизни иммиграции, она сказала о «Семейке», что это мост между Рейном и Днепром, имея в виду и авторский состав альманаха, и объединительную его политику. Когда я её за это поблагодарил, она сказала: – Володя, альманах, действительно, хорош. Постарайтесь не портить «Семейку» слабыми вещами!

Я пообещал, стараюсь по мере сил до сих пор. В этой связи хочу поведать случай, который проливает свет на отношение Бешенковской и к себе, и к делу её жизни, помогает понять масштаб её личности.

«Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни»

Как-то, уезжая от сестры, я столкнулся на Штутгартском железнодорожном вокзале с Олей и Алексеем и по их виду понял: случилась беда. И не ошибся: у Оли неожиданно обнаружилась, как это бывает с людьми, не сильно озабоченными своим здоровьем, запущенная смертельная болезнь. Только что Оле сообщили, что жить ей осталось не более полугода (в Германии не принято скрывать от больных страшные диагнозы). Не приведи бог такое услышать... А услышав, как с этим жить?

У Оли было чуть ли не буквально по Давиду Самойлову: *«Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни»*.

Не знаю, успела ли она привести в порядок свои архивы (после её смерти для их публикации огромную работу проделал её муж Алексей Кузнецов – честь ему и хвала!), но знаю точно, что она отказалась от начатой было изматывающей химиотерапии, чтобы та не мешала ей работать. В результате составила книгу и написала предисловие к ней о творчестве писателей-инвалидов и чуть ли ни до последних дней писала стихи... А ещё, даже уже не вставая с постели, жадно общалась с посещающими её друзьями, дарила им, как и прежде, своё тепло и внимание. Помню, как во время нашего с поэтессой Таней Ивлевой визита долго нас не отпускала, говорила о поэзии, просила читать ей наши стихи. При этом до конца оставалась женщиной: однажды пришёл её проведать, а она из своей комнаты – Алексею: «Это Володя? Пусть он пока не заходит», и через паузу: «Уже можно». Оказалось, надевала на осквернённую химиотерапией голову парик...

Так вот, об отношении Бешенковской к себе, к делу её жизни и масштабе её личности.

Готовя очередной выпуск «Семейки», прошу у Оли подборку её новых стихов. Получив её лирику, в котором она прощалась с этим миром, обнаруживаю, что два стихотворения в этой очень сильной подборке заметно слабее остальных. Встаю перед проблемой: дать всё как есть или убрать эти два. После мучительных колебаний решаю убрать... Для нормального человека поступок мой выглядит чудовищным (да кто ж из нас, литераторов, нормален?..). И то, что я выполнял завет Оли, и что заботился не только о пресловутой планке альманаха, но и о качестве столь важной подборки, вряд ли может служить оправданием. Благими намерениями, как известно...

Звоню Оле, сообщаю, что хочу убрать из её подборки два, на мой взгляд, слабых стихотворения.

Оля:

– Если вы считаете, что они слабые, убирайте. Ничто не может служить оправданием плохим стихам.

И далее говорит то, что никто другой на её месте, наверное, ни за что не сказал бы:

– Знаете, а ведь и в (звучит название толстого журнала) тоже не взяли именно эти два...

Мастер

Работала Оля много. Стихи, статьи, эссе, рецензии, критические отклики, составление чужих подборок стихов с неизменно доброжелательными (иногда, на мой взгляд, излишне авансными) предисловиями в газетах и журналах. Её творческие вечера становились настоящим событием для любителей поэзии. Во время личных встреч всегда просила меня почитать новые стихи, но сама свои почти никогда не читала. Однажды я попросил её об этом, на что она ответила, что давно не пишется, нового ничего нет, ну разве что вот это... И прочитала очень сильный цикл стихотворений об окружающих её вещах. Я с удивлением заметил, мол, как же не пишется, такие стихи... На что Оля возразила: да это я так, чтоб форму не терять...

На этом можно было бы поставить точку, если б не одно давнее ко мне письмо и не один мой давний долг перед Олей – неопубликованная статья. Об этом ниже. Сначала об одной её странности.

Оставьте своё сообщение...

Была у Бешенковской одна странность, которую я долго не мог понять. Звонишь ей, включается автоответчик с просьбой оставить сообщение, и только ты открываешь рот, чтобы это сделать, трубку снимает Оля. Спросить, почему так происходит, было неловко, списал это на странность поэта. Лишь позднее до меня дошло, что это никакая не странность, а кош-

марная жизненная необходимость: Оля должна была сначала понять, кто звонит, чтобы решить, брать трубку или нет...

А вот теперь – письмо.

«Привет из Штутгарта!»

Володя, привет!

Как дела? Я надеюсь, что у тебя всё хорошо. Последнее время замечаю, как мал круг светлых людей в этом нашем германском – русском мирке. Поэтому бывают минуты, когда кризис среднего возраста вдруг на какое-то время тебя покидает, и ты начинаешь думать о тех, с кем было в последнее время приятно провести время.

В данном случае о тебе. Поводом для таких приятных воспоминаний послужило нижеследующее эссе, вот ссылка <http://www.rh-bw.de/Beshenkovskaja/010.htm>. Возможно, ты его уже читал, если нет, то прочитай. (Как я понял, на этом, ныне отсутствующем сайте, автор письма прочитал произведение О. Бешенковской «Травля» / Вынужденное послесловие к «Дневнику сердитого эмигранта» / – В.А.)

Случай в «Менестреле» я помню очень хорошо, и помню, что я тогда совсем не понял твоего праведного гнева, так как был совсем не в курсе всех тех событий, которые описываются в этом повествовании, просто интуитивно тебе поверил, и знал, что, если ты так поступил, значит это правильно. Володя, ты был тогда абсолютно прав, и молодец, что не промолчал! Если бы я был в курсе, то тот человек никогда не попал бы к микрофону. Впрочем, он уже давно на клуб не ходит, и как мне теперь кажется, именно после той «оплеухи», которую ты ему красиво отвесил.

Интересно то, что я прожил в Штутгарте уже 18 лет, из них в течение 16-ти пел песни и организовывал всякие мероприятия, и никогда не думал, что в этом обществе всё так «друстно». Мо-

жет потому, что мы просто «починяем свой примус», и создали сообщество замечательных людей, в кругу которых тепло и интересно. Но добро должно быть с кулаками.

Удачи тебе! Не болей! И твори на радость всем!

Миша

Неожиданное это письмо от бывшего руководителя штутгартского бардклуба «Менестрель» Михаила Раменского пришло 09.05.2012 – через шесть лет после смерти поэта Ольги Бешенковской. Письмо меня взволновало, и я ответил Мише, что раз он (пусть и через столько лет) понял то, о чём написал, значит, действительно преодолел кризис среднего возраста, и я за него искренне рад.

Предыстория письма такова.

Из неопубликованной статьи «Не могу понять»

Живёт в Штутгарте известный литератор, которого Евгений Евтушенко, составитель антологии «Строфы века», назвал одним из сильнейших современных русских женщин-поэтов. На днях Нью-Йоркское издательство, взяв, что сейчас редкость, расходы на себя, выпустило в свет её десятый сборник «Беззапретная даль».

Зовут литератора Ольга Бешенковская. Далее будем именовать её Ольга. Для простоты изложения.

Живёт в Штутгарте ещё один литератор. Тоже, по-своему, известный. Руководит литобъединением. Пишет стихи. Лирику его мне прочесть не довелось, а вот ироническую продукцию я имел возможность услышать в штутгартском бардклубе. Зовут литератора Юрий.

Ну, живут и живут в одном городе два поэта, казалось бы, чего им делить? Ольге и впрямь делить с Юрием нечего. Она, по её словам, в глаза его не видела и стихов не читала. Юрий же

Ольгу пристально читает и «горячо любит». Выступая перед публикой, он так и говорит: «А сейчас – пародия на нашего горячо любимого автора!» И зал уже улыбается, ибо ведает, о ком пойдёт речь, и замирает в предвкушении. А вкушает зал такое: «Я, – говорит Юрий, – тоже, как и эта поэтесса, из Питера. Там её, кстати, никто не знает». (Это Юрий об Ольге, чьи произведения не однажды появлялись на страницах журналов «Нева», «Звезда», «Октябрь», о творчестве которой не раз писали журналы «Новый мир» и «Знамя»). «Она, – продолжает Юрий, – там рассказывает всем, как знаменита здесь, а здесь – как знаменита там. (Это Юрий об Ольге, у которой огромное, за тысячу, количество публикаций в альманахах, журналах, антологиях России, Украины, Германии, Франции, Америки). «Я обожаю её пародировать, – откровенничает Юрий, – потому что она пишет свои стихи, напрягаясь так, словно вот-вот пукнет»... Вы наверняка сейчас морщитесь, дорогие читатели, и вряд ли смеётесь. А вот публика в этом месте просто заходится от смеха! Но дальше и ей не очень смешно – пародия слабая и откровенно скучная (на других авторов у Юрия почему-то получается лучше, возможно, мешает ему та самая «любовь» к пародируемому объекту).

Отступление первое

Юрин выпад произошёл за несколько лет до ухода из жизни Ольги Бешенковской и аккурат через полчаса после её ухода из бардклуба вместе с мужем Алексеем Кузнецовым: когда они узнали, что я приезжаю с творческим вечером в «Менестрель», пришли и честно отсидели до перерыва. Помню, как Ольга, прощаясь со мной, грустно пошутила: «Вот ведь удивительно: объяви, что будет вечер поэта Авцена, соберётся 20 человек, а на барда Авцена придёт 200...»

Когда закончился вечер, я собирался сказать Юрию, что пародия должна быть не слабее, а желательно сильнее паро-

дируемого материала, и что уж точно недопустимо при этом говорить пошлости в адрес объекта пародии. Попытка не удалась – Юрий покинул мероприятие сразу по его окончании. Тогда я поделился этой мыслью во время дружеского застолья с членами клуба, а заодно задал вопрос: почему к Ольге здесь такое, мягко говоря, странное отношение. «Ну вы же знаете, кто она такая!», – ответили мне. «Знаю, – сказал я, – большой русский поэт». За столом повисла пауза, кто-то предложил пустить гитару по кругу, и тема Бешенковской была закрыта. Не желая огорчать Олю, я ей обо всём этом не рассказал.

Через год я снова в «Менестреле». У меня несколько минут во второй части вечера в рубрике «Свободный микрофон». И только я покидаю сцену, как на неё поднимается Юрий.

Из неопубликованной статьи «Не могу понять»

...Юрий объявляет, что сейчас, как обычно, будут стихи «про нашего любимого автора». Цитирую по памяти начало, далее, уж простите, в пересказе:

*А и Б сидели на трубе,
Говорили меж собою
о Мудищеве Луке...*

Кто и что разумеется под Б, вам, уважаемые читатели, понятно, а под А (подскажу) имеется в виду муж этой самой Б – Алексей. Суть же виришей сводится к тому, что Б как женщина в большой претензии к своему А как мужчине, а вот Лукой Мудищевым, напротив, весьма довольна за (как бы это поприличней сказать?), в общем, за его большое достоинство и отдаёт предпочтение Луке, а не своему мужу, у которого это достоинство поменьше... Надо ли говорить, что по ходу чтения в зале смех, а в конце – бурные продолжительные?..

Отступление второе

Едва Юрий покинул сцену, к свободному микрофону вынесло меня. (В зале недоумённый ропот.)

– Я прошу, – сказал я, – простить меня за выход без приглашения. Возможно, у вас здесь не принято вступать в публичную полемику, за что я тоже приношу извинения. (Зал притих.) Но иначе я поступить не могу. При мне уже второй раз здесь у вас вытирают ноги о большого русского поэта, живущего в вашем городе и делающим этим ему честь. Это, во-первых. Во-вторых, Юрий, я ещё прошлый раз хотел вам сказать, что хорошие пародии и стихи могут быть злыми, но не злобными и, желательно, не пошлыми. (Зал выжидающе молчит.) И в-третьих, Юрий, откуда у вас такие познания о том, что делается у Алексея в штанах?! (Зал хохочет – теперь уже над Юрием.)

Схожу со сцены, меня ловит за руку тоже приезжая посетительница клуба:

– Напрасно вы так, Володя! Если бы здесь была Оля, она бы посмеялась вместе со всеми, да и всё...

На что я ответил, что вряд ли, и поинтересовался у девушки, смеялась бы она, если бы со сцены нечто подобное прозвучало о ней...

Из неопубликованной статьи «Не могу понять»

В жизни бывает всяко. Ну полюбил один литератор другого странную любовь. Ну принял как руководство к действию хрестоматийные строчки «У поэтов есть такой обычай, в круг сойдясь, оплёвывать друг друга». Ну... Впрочем, на этом всякие «ну» и кончаются. Ибо ни в какой круг Ольга и Юрий никогда не сходились и не сойдутся – Юрий и впредь обречён произносить свои безответные филиппики за спиной Ольги. Это, во-первых. А во-вторых, и, в главных, – дело не в Юрии вовсе. Дело в нас, именующих себя (ча-

сто не без скрытой гордости) русской иммиграцией и даже русской интеллигенцией и... упивающихся приведенными выше Юриными пассажирами! Именно на подобную публику рассчитывали те, кто в прошлом году завалил почтовые ящики русскоязычного населения Штутгарта анонимками в адрес Ольги Бешенковской, которые невозможно даже процитировать в силу низкопробности их стиля и оскорбительности содержания. Хочется надеяться, что прямого отношения к написанию этих анонимок Юрий всё же отношения не имеет, чему, как мне кажется, есть подтверждение. Но об этом – чуть ниже. А пока в двух словах о причине столь пристального внимания «анонимистов» к Ольгиной персоне. Для тех, кто не знает.

Лет десять назад Бешенковская, что называется, подставилась по полной программе, опубликовав сначала в издаваемом ею журнале «Родная речь», а затем в «Октябре» «Дневник сердитого эмигранта». В этом большом, многоплановом и, если можно так сказать, многожанровом эссе писатель, прожившая первые три года по приезде в Германию в иммигрантском общежитии, поведала в прозе и стихах о своих радостях и печалях, умудрившись задеть за живое и русских, и немцев, и евреев, по ходу описав не самые лучшие качества и нравы некоторых своих соседей – не называя, впрочем (что важно!), никаких конкретных имён. Автор настолько ярко изобразила жизнь и характеры, что читатели из других городов в своих письмах недоумевали, зачем писатель придумала про Штутгарт, когда всё это происходило в их городах и в их общежитиях! Собираательные образы – приём в литературе известный, а жанр памфлета, который просматривается в описании неприглядных сторон бытия, потребовал от писателя и соответствующих красок. Зеркало, поднесенное ею к глазам читателя, отразило отнюдь не умилительную картину. Вот этого-то долгие годы и не могут ей забыть и простить русскоязычные обыватели города, как те, которым по прочтению «Дневника сердитого эмигранта» показалось, что это именно про них, так и те, кто, по печально известной формуле, эссе не читали, но с их автором не согласны. Очень скоро «сердитая эмигрантка» Бешенковская получила от рассерженных имми-

грантов и продолжает все эти годы получать звонки с угрозами, возмущённые письма в инстанции, а теперь вот эти анонимки.

В юности мне как-то попалось на глаза изречение философа Бенедикта Спинозы о том, что, размышляя над поступками людей, он не спешит их осуждать, а старается сначала понять. Постулат этот мне полюбился и не раз потом помогал разобраться в чудовищно трудном явлении, имя которому – человеческие взаимоотношения. Помогал часто, но, увы, не всегда.

Я могу понять чувства тех, кого обидела не злая в жизни, но острозычная и резкая в своих статьях, а порою и стихах Бешенковская. Могу понять, что у обиженных возникло естественное и справедливое желание разобраться с обидчиком. Но я не понимаю столь очевидной неадекватности ответных мер. Я не понимаю, как можно без усталости воевать с писателем целых десять (!) лет! Я не понимаю: дело тут в каких-то особых качествах людей, которые вышли на тропу войны, или причина в известности писателя, ошибочно принимаемой за синоним счастья, и если бы после «Дневника» писательская судьба Бешенковской вдруг не сложилась, то её прегрешения скоро и навсегда забылись бы?

Я могу понять и Юрия. Ревность к чужому таланту – тяжкое бремя! Это разрушительное чувство коварно – оно обоюдоопасно, как для её объекта, так и для самого субъекта. Думается, именно этим чувством продиктованы злые Юрины эскапады в адрес Ольги, именно это чувство погнало его однажды в другой город, чтобы упредить своим выступлением ожидаемую там встречу читателей с Бешенковской, а заодно поагитировать публику не ходить на её концерт. Все это я могу понять. А вот его со товарищи недавно испечённое письмо в журнал «Нева», я понять не могу. Не понял его и главный редактор журнала Борис Никольский, не привыкший к подобного рода посланиям или уже счастливо отвыкший от них...

Дорогая Ольга!

На днях вышел пятый номер «Невы» с Вашей (по-моему, очень хорошей, глубоко трогаящей душу подборкой стихов). Так что поздравляю и Вас, и себя. Вместе с тем, не могу не поделиться

одной странной историей. Недавно я получил письмо из Штутгарта, где два наших бывших соотечественника по собственной инициативе пытались организовать подписку «Невы». И вдруг вот что пишет мне один из них (Семен Раппопорт). Дальше воспроизвожу текст письма дословно: «*ja i Yury Gerlovín sanimaetsja podpisnoi na Vasch zurnal. No nekaja Olga Beschenkovskaja provela akciju protiv podpisiki. Negativno otsivajas o NEVE i Vas litschno. Mi poterjali vsech (11 tschelovek) soglasivschichsja*».

Конечно, подобное письмо не могло не привести меня в изумление. Мне кажется, я знаю Ваше отношение к «Неве» и что-то не верю, что оно могло так быстро и так кардинально измениться. Но в чем тут дело? Обычно я не придаю подобным историям значения, однако я всегда слишком ценил и ценю наше сотрудничество, наши отношения, чтобы отнестись к возникшей ситуации со спокойным безразличием.

Всего Вам доброго! Ваш Б. Никольский

Повторяю, понять это письмо в журнал невозможно, ибо оно вне человеческой логики. 15 лет печататься в «Неве», быть в прекрасных отношениях с редактором и мешать подписке, можно сказать, на свой родной журнал?! Возможно, у Ольги Бешенковской и есть недостатки, но с мозгами-то у неё всегда было всё в порядке.

Впрочем, хотя именно это письмо и было последней каплей, переполнившей терпение и побудившей меня написать эту статью, но как раз оно и навело меня на мысль, что к написанию упомянутых выше анонимок Юрий может личного отношения и не иметь: как видим, он сражается со своим «любимым поэтом», хотя и нелепо, и излишне темпераментно, но всё-таки с открытым забралом. А это слегка утешает! Как и то, что всё же были и в бардовском клубе люди, которые не тащились от антибешенковского стёба; как и то, что далеко не все русскоговорящие иммигранты восхитились обрушенной на них анонимной стряпней – долгое время в квартире поэта не умолкали сочувственные, а в редакциях газет возмущённые телефонные звонки; как и то, что «Еврейская газета» выступила тогда в защиту Бешенков-

ской и обронила по поводу её травли своё «золотое слово, со слезами смешанное»...

Вот и мне от моего «весёлого» рассказа что-то взгрустнулось.

Я понимаю, господа, что призыв Кота Леопольда «Давайте жить дружно!», – не про нас, иммигрантов.

Я понимаю, что и немиммигранты тоже не сливаются денно и нощно в дружеских объятиях.

Я много чего понимаю.

Ноя не понимаю, почему мы не можем жить на Земле по-людски?..

Отступление третье

Цитируемая здесь статья готовилась для газеты «Русская Германия». Узнав о том, что я усомнился в причастности Юрия к собственноручному написанию и распространению анонимок, Оля сказала, что она уверена в виновности Юрия, и я должен в статье об этом непременно сказать. Поскольку уверенность не есть доказательство, я напомнил Оле про презумпцию невиновности. На что она сказала: «Ну тогда вообще не надо это печатать!» На том и порешили...

И вот в 10-ю годовщину её смерти я со сложным чувством своей тогдашней правоты и нынешней вины перед ней решил опубликовать этот материал и всё, что с ним связано.

Владимир Авцен

P.S. В 2010 году Международная гильдия писателей учредила литературную премию имени Ольги Бешенковской. Случилось это в Штутгарте через 4 года после смерти поэта... Существует утешительная фраза про время, которое работает на истину и всё расставляет по своим местам. Возможно. Вот только дожить до результатов этой работы, увы, мало кому удаётся.

P.P.S. В заключение – несколько стихотворений Ольги Бешенковской.

В.А.

Где-то там, на окраине занятой спешкой души,
В стороне от её и забот, и воскресного блеска,
В захолустье моем – столько неба... Лежи и дыши
Этим внутренним небом, другое закрыв занавеской...
Всё лежи, и дыши, и следи из-под лёгких бровей,
Как мелькают века и, казалось, бесплотное – зримо:
Вот зелёные рифмы звенят в окончаниях ветвей...
Вот осенние гуси спасаются в сторону Рима...
В синема синевы, словно фильм, повторяется миф.
А когда засыпаю (и вместе со мной – недоверье),
Рассыпается «РИМ»... Из него сотворяется «МИР»...
И спасают его тихим скрипом гусиные перья.
Прилунится перо на морозный квадратик листа...
Но нескромные – «вечные» перья, вы не были в небе.
И какое там небо – была бы хоть совесть чиста...
(Мы и в небо-то смотрим, волнуясь о взлёте и хлебе.)
И когда нам лежать? Если только уже не дыша...
Но лежи и дыши, если век на мгновенье отпустит.
Пусть измотан твой мозг. Пусть промотана даже душа,
Кроме неба, которое светится там, в захолустье...

Я хожу по растениям...
За что мне такие права?
Человек – неврастеник,
Но в чем виновата трава?
Ждешь у моря погодки,
Когда улыбнется – бог весть...
Только тяжесть походки –
Совсем не по адресу месть.
Это невыносимо:
Понять, что по жизни идешь,

Что трава – Хиросима
Под бомбами наших подошв;
Что ее унижение –
Твое возвышение, Пирр...
Что в основе движенья –
Невольно растоптанный мир;
И что мира основа –
Движение по вечной канве...
...Это, в общем, не ново,
Но, Господи, – шаг по траве...

Из цикла: «Диагноз – последние стихи»

Что поделаешь, мы не бессмертны,
не бессменны, не пали с небес...
И судьбы голубые конверты
получаем с доплатой и без.
И теперь, в ожидание итога,
усмехнусь, посмотрев на часы,
что грехи в бухгалтерии Бога
нерадиво кладут на весы...

08.12.2005

Мне опостылела кровать
И смирный саван шить...
Мне надоело умирать –
И я решила – жить!
Вернуться к прерванным делам,
К укладке кирпичей
Наперекор антителам
И выдумкам врачей.

Любой нарост – не больше гланд,
И, значит, скажем: нет!
Что знает бледный лаборант
О силе наших недр...
О сопромае от Стиха,
О рифмах начеку...
Проснёмся раньше петуха:
Весна, ку-ка-ре-ку!..

10.12.2005

Алексею Кузнецову

Любимый, прощай и прости,
Что мало стихов посвятила.
Сначала ссыхались в горсти,
Мерцая гордыней, чернила.
Потом наших дней круговерть,
Пелёнки, и плёнки, и гости.
И, кажется, столько стерпеть
Должны мы без приступов злости.
И вот роковая черта –
За ней не напишешь и строчки.
Любимый! Я больше не та,
Я вижу моря и листочки.
На ней, на черте роковой
Виднее любовь и разлука,
И если б Амур был живой,
Он выстрелил снова из лука.

24.08.2006

✿ Барджуд ✿

Александр СОЛОМОНОВ

Гамбург

Я родился 16 ноября 1950 года в семье, как тогда писали, служащих. А точнее – и мама, и папа были драматические актеры. В связи с частыми переездами окончил 10 классов и 7 школ. Несмотря на внутренний протест и, в основном, благодаря матушке (её страничка в Театре Сатиры www.satira.spb.ru/actors/konopchuk.htm), окончил музыкальную школу по классу фортепиано, о чем сейчас совершенно не жалею.

Авторскую песню впервые услышал от актёров, и были это песни А.Галича, тогда запрещённые. Мне было 15 лет. Тогда и начал пробовать петь сам. Папа показал аккорды и подарил гитару. Тогда же зазвучали для меня Окуджава, Высоцкий, позже Визбор и другие представители цеха авторской песни. В школе участие в КВН-ах с песнями, в институте тоже программы и вечера самодеятельности. Студенческий театр эстрадных миниатюр. Фестивали авторской песни, где я сначала зритель, потом участник, потом член жюри. Там же в институте секция альпинизма, где такие «поющие люди» очень ценились.

Гитара и песня стали одной из важных и крупных составляющих моего «я». Без этого я уже себя не представляю. Первые песни появились еще в институте. Было их очень немного. Многие забылись. Значит так и надо. Всегда считал, что лучше петь хорошие чужие, чем посредственные свои. 20 лет занятий альпинизмом, концертной деятельностью убедили, что этот жанр нужен, даже если в наше тяжелое время это не очевидно. Появились свои песни и стихи. Я их пою и читаю на концертах. Друзья убедили меня, что уже пора оформить это дело в книжку, альбомы, свою страничку.

СТИХИ И ПЕСНИ

Зачем я здесь? Вот каверзный вопрос.
Чего я жду от Света или Тени?
Зачем я здесь?.. Но я уже пророс,
и не разнять судьбы хитросплетений.

Доброе утро, любимая!

Среди множества фраз есть длинней, есть короче –
две готов повторять тебе неутомимо я.
Засыпая, тебе прошептать: «Доброй ночи!»,
Просыпаясь, шепнуть: «С добрым утром, любимая!».

Вот и всё. Вот и всё, что мне надо.
Просто жить между этих двух фраз.
И единственная мне награда –
свет твоих удивительных глаз.
Невзирая на лунные фазы,
время года! Без фальши и лжи,
пусть звучат между нами две фразы,
согревающие нашу жизнь:

«С добрым утром, любимая!»
«Засыпай! Доброй ночи!»
Мной и Богом хранимая,
я люблю тебя очень.

Поздним вечером и утром ранним,
на границе и яви, и снов
нашей жизни мгновенья ограню
в рамки этих бесхитростных слов.
Ну а если во времени оном
сцену жизни моей затемнят,

колокольчик малиновым звоном,
может, скажет тебе за меня:

«С добрым утром, любимая!»
«Засыпай, доброй ночи!»
«Мной и Богом хранимая,
я люблю тебя очень!»

Среди множества фраз есть длинной, есть короче –
две готов повторять тебе неумоимо я.
Засыпая, тебе прошептать: «Доброй ночи!»,
Просыпаясь, шепнуть: «С добрым утром, любимая!».

Весенний сад

Весенний сад осыпан снегом.
Вот-вот начнётся снегопад.
Под голубым и тёплым небом
метель закружит майский сад.

Закружит голову деревьям,
а заодно и нам с тобой.
И мы, отбросив недоверье,
пойдем послушно за судьбой.

Наряд невесты белоснежный
сберечь еще никто не смог.
И белоснежные одежды
вот-вот падут у наших ног.

Мы будем благодарны небу,
но это все же не победа.
И мы по выпавшему снегу
пройдем, не оставляя следа...

Елена КУПРИЯНОВА

Штутгарт

Елена Куприянова, бывшая россиянка, бывший учитель математики, бывшая КВН-щица.

С 2009 года живу в славном городе Штутгарте (Германия), выступаю в местном бардовском клубе «Менестрель» с персональными стихами и совместным с Соломоном Ягодкиным творчеством, а также демонстрацией коллекций своих художественных фотографий. Небезуспешно участвую в поэтическом конкурсе «Ибикус». На литературных интернетных сайтах «Стихи.ру.» и «Проза.ру» имела преференции в виде номинирования на почетное звание «Поэт года», премию «Наследие», на членство в Союз писателей РФ. Выпустив 5 книжек лирики и 3 сборника иронизмов (опять-таки совместно с Соломоном Ягодкиным), всё же считаю себя графоманкой на пенсии. Достижения в жизни: двое сыновей и четверо внуков.

Песни в новогоднем снегу...

В новогоднем снегу
Зашифрована формула счастья.
Кто придумал её,
К сожаленью, сказать не могу.
Знаю, в формуле той
Есть любовь, доброта и участие,
И ещё волшебство
В новогоднем таится снегу.

Снег царит на земле,
Пастернаковски щедрый,
Метельный.
Дома ёлка у нас,
И пирог, и свеча на двоих.

Сколько лет ни живи,
А надежда в душе беспредельна,
Что придёт Новый год
И он будет не хуже других.
В новогоднем снегу
Растворятся вчерашние страхи.
За родных и друзей
Мы шампанского выпьем с тобой.
Замечательных слов
Воспарят белокрылые птицы,
И – туда, за окно,
В пенно-сказочный снежный прибой.

В новогоднем снегу
Зашифрована формула счастья...

Завершается год...

Век учись – не учись, но в душе ты такой же дикарь,
Ты условный сосуд безусловных глубинных рефлексов.
Завершается год. На охоту выходит декабрь.
Превалирует снег, будто люди не знали прогресса.

Ну а где-то не снег, где-то дождь напитает песок,
Всё равно ведь зима, серебром сыплет звёздная замять.
Завершается год. Скульптор-жизнь отсекает кусок,
И в надёжный ларец, и на долгую-долгую память.

Завершается год. Нам печально, нам радостно всласть.
Мы прощаем друзей, а врагов уж давно не осталось.
Праздник. Ёлка. Огни. Первобытно-забытая страсть.
Кто сказал – дикари? Разве ж чуточку... самую малость...

Песенка леденцового гаранта (шуточная)

Разукрасилась ёлка, как дама
Полусвета а-ля куртуа.
Средь порочно-мещанскогохлама
Я на веточке радую глаз.

Я не клоун, не рыбка, не зайчик,
Я не ангел с отбитым крылом,
Не подвешенный кем-то «мерзавчик»
В виде Бабы Яги с помелом.

Наряжён я в кафтан иностранный,
Весь сияю своей красотой,
Весь досрочный такой, как ни странно,
И в России восточный такой.

А меня принимают за птаху,
Горлопана, топтателя кур,
Кто-то прочит ошйп, или плаху,
Иль живьём «закатать» во фритюр.

Кто-то шутит чугунно-свинцово
Про невзгоды, отсутствие льгот.
Но поверьте, я Год – леденцовый,
Петушковый на палочке год.

И со мною всем будет комфортно,
Очень сытно и сладостно – ой!
Нефтеностно, бюджетно, курортно,
Гарантирую шпорой своей.

 Мемории

Галина СКУТТЕ

Вупперталь

Галина Скутте по профессии врач. Автор книг «Калейдоскоп памяти» (Вупперталь, 2009) и «В осеннем небе журавлиный клин» (Вупперталь, 2016).

МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО

Чего только не случается на белом свете! В тогдашнюю Югославию в 1990 году меня пригласил Институт Реабилитации Белграда...

К этому времени я уже пять лет занималась в группе Юрия Андреевича Андреева. Поначалу собирались конспиративно, так как занятия йогой или распечатки работ типа «Закаливание по Кнайпу», «Уринотерапия», рекомендаций Уокера были поводом для преследования. Группа изучала зарубежный и отечественный опыт Здорового Образа Жизни, а также воздействие на организм экстремальных температур, правильного питания, голодания, зимнего плавания, физических упражнений. Особая статья – изучение и развитие энергетических возможностей человека. Юрий Андреевич попросил компетентного специалиста – Герберову – подготовить меня к занятиям у Полякова, где группа физиков усиленно исследовала энергетику человека. Для редких

счастливчиков курс Полякова открывал необозримые перспективы. Клубом зимнего плавания «Большая Нева» руководил Лужбин. Но вода в Неве у многих вызывала аллергию, и Андреев предложил гимнастику, парилку и зимнее купание перенести в Озерки. Действительно, там были чистыми и воздух, и вода. Тележурнал «Пятое колесо» неоднократно снимал нашу группу «Бегущие по снегу под сиянием звёзд». Встречи в Озерках стали особенно популярны после того, как Юрий Андреевич опубликовал в журнале «Нева» свою книгу «Три кита здоровья». Это была первая публикация о крайне низком уровне здоровья населения страны. В группу Андреева приезжали интересующиеся из разных городов. Моя сфера – энергетическое воздействие. Хотя методики работы с тонкими структурами человека разные, суть всех – оздоровить бренное земное тело.

На моих занятиях в Университете Физического и Психического Совершенства, а также на сеансах Рибёсинга в Санкт-Петербурге часто присутствовали журналисты и съёмочные группы. Среди них был и корреспондент центральной белградской газеты. Он написал серию статей, в которых восхищался увиденным и выражал надежду на то, что нечто подобное будет организовано и в его стране. Статьи и заметки я читала, но понимала, что от желаемого до исполненного – «дистанция огромного размера».

Однако журналист оказался человеком настойчивым. Он так расхваливал мою работу, что организаторы здравоохранения Югославии предложили мне контракт на три года. Надо сказать, что в это время в Белграде созрел проект создания Международного Центра Традиционного Лечения. Предполагалось собрать в Центре одарённых, знаменитых и необычных лекарей из разных стран мира. А персональное, достаточно дорогое лечение со временем будет оплачиваться Домами здоровья¹ и станет доступным всем желающим. Пока же уни-

¹ Дом здоровья – лечебно-профилактическое учреждение здравоохранения.

кальные специалисты изучали язык и работали с обеспеченными пациентами. Однажды в три часа ночи мне позвонила дежурная отеля:

– Вас просят через 15 минут спуститься вниз. Со всем необходимым для работы.

Только в первые дни пребывания в этой стране я пыталась задавать вопросы. Потом поняла: здесь лучше обходиться без них. И научилась молчать. Ни о чём не спросила и сейчас.

В вестибюле меня встретили три молодых офицера. Спросонья не могу сообразить, какой фразой их приветствовать. То ли добрый вечер (добро), то ли доброе утро (добро утро). Сказав драго мие (мне приятно), решила больше не нарушать тишину ночного Белграда. Офицеры тоже не произнесли ни слова. Жестом показали мне на стоящий у входа в отель автомобиль (что за птица, если машине позволено здесь парковаться?). Один офицер открыл дверцу автомобиля, другой помог мне сесть, поехали. Окна закрыты плотными жалюзи. Ехали недолго, менее получаса. Перед выходом из машины мне завязали глаза. Два офицера поддерживали меня, пока мы поднимались по высоким ступенькам. По-видимому, дом был большим. Наконец офицер коротко доложил о прибытии. Мне разрешили снять повязку.

Обнаруживаю себя в просторной приёмной, где стены и потолки отделаны деревом. Несколько полированных дверей со старинными ручками. Пытаюсь вспомнить, где я видела подобное. В четыре часа утра голова работает лениво. Всё-таки вспомнила! Это же дубовая гостиная в Доме Учёных на Дворцовой набережной в Санкт-Петербурге! Или Дворец Великого князя Константина! Память мгновенно перенесла меня во Дворец. Приятно отдохнуть в восточной гостиной. Постоять под пальмой в зимнем саду, полистать редкие книги в библиотеке... И словно некая сила влилась в меня во время этой невидимой постороннему глазу прогулки... Хлебнула целебного бальзама Родины?

Дверь открыла высокая брюнетка:

– Мы читали и слышали про вас. Уверены, что вы нам можете.

И вдруг нагнулась к моему уху и доверительно прошептала:

– Умоляю, спасите его! Спасите! – Ручьи слёз смешивались с косметикой и тяжёлыми чёрными каплями оседали на белом костюме.

В глубине комнаты, закрыв лицо руками, сидел мужчина.

«Где я? Кто эти люди? Что здесь происходит? Чего от меня хотят?» – вопросы роились, но... Молчание – золото. Успела усвоить...

Мужчина пригласил подойти.

– Сейчас вы всё поймёте. Через три дня я должен выступить в телевизионной программе «Выборы». У вас мало времени. Двое суток. К концу срока следы должны быть минимальными. Чтобы мог приступить к работе косметолог-визажист. Теперь смотрите и решайте. Берётесь или нет?

Он открыл лицо. Хорошо знакомое мне по цветным предвыборным плакатам. Крупный нос, полноватые губы, слегка отвисающие щёки, почти сократовский лоб, над которым остатки тёмных кудрей.

Сейчас всё лицо ото лба до нижней челюсти изуродовано глубокими и широкими царапинами, из которых сочится кровь.

– Сколько времени ранам?

– Почти 3 часа. Поможете?

– Скажу честно: подобного случая у меня не было. В литературе тоже не встречала. Мне надо хотя бы пару часов. Тогда отвечу.

– Ваша комната рядом. Через два часа я вас жду.

В кабинете диван, несколько кресел. Одно кресло оказалось удобнее других. Расположилась в нём. Полтора часа на сон. Сны мне часто подсказывают, как поступить. Проснувшись с чётким пониманием, что и как надо делать.

– Программа такая: специальный массаж, акупунктура и аурикулопунктура электростимуляцией, а также биоэнергетическое воздействие. Нужно объяснить?

- Хотелось бы чуть подробнее.
- Хорошо. Первое и важное: методика основана на полном доверии друг другу. На эти два с половиной дня мы с вами становимся единым целым, одной системой. Понятно? Приемлемо?
- Да.
- Тогда далее. Согласитесь со мной, вы в стрессовом состоянии. Напряженные мышцы давят на кровеносные сосуды и повышают кровяное давление. Из-за высокого давления увеличивается нагрузка на сердце. И на почки и... Цель специального массажа – расслабить заблокированные мышечные конгломераты, тогда мышцы не будут излишне сжимать кровеносные сосуды. А это в свою очередь позволит коже лучше насыщаться кровью и быстрее регенерировать. Ясно?
- Да.
- Что касается акупунктур... Это активация определённых точек, ответственных за восстановление кожи.
- Будет больно?
- Нет. В данном случае я намерена ограничиться электростимуляцией, а это слабее укуса комара.
- Среди негодных конгломератов и всяких неприятностей найдётся ли место для приятной процедуры?
- Конечно. Такой процедурой для всех является массаж. Он доставляет истинное удовольствие.
- Лучше, если бы отрадное удовольствие было чаще, чем электростимуляция...
- Мы с вами должны через каждые два часа совместно по полчаса работать. Ночной сон – семь часов, дневной – 40 минут. И ещё. Музыка. Ваше отношение к музыке? Любите ли вы её? «Гладит» ли она вам нервы? И согласны ли вы с таким распорядком?
- Да! Убеждать вы умеете. Когда приступим?
- Через полчаса. Мне необходима комната для отдыха, постель, смена полотенец, мыло.
- Об этом позаботится дежурный офицер. Да, пожалуйста, называйте меня просто Здравко, – сказал он неожиданно. – А к вам, русскиня, как обращаться?

– Надя.

– Значит, по рукам, Надя? Начнём?

Здравко нажал кнопку звонка, в дверях появился офицер.

– Обеспечьте нашу спасительницу всем необходимым!

– Есть!

Уже через десять минут всё перечисленное имелось. Моя комната была рядом с пациентом. Офицер, судя по звёздочкам на погонах, был старшим лейтенантом. Мне надо было выяснить кое-что.

– Господин офицер, скажите, пожалуйста, где в этой комнате север, а где юг.

Судя по затянувшейся паузе, он не ожидал такого вопроса.

– Тогда, может быть, вы знаете, где встаёт солнце?

– Оно заглядывает вон в то окно, что рядом с диваном.

– Спасибо!

– Позвольте и мне спросить, какое значение для вашей работы имеет солнце?

– Огромное. Но отложим этот разговор на потом, хорошо? Сейчас, извините, мне надо сосредоточиться.

Сделав пару расслабляющих упражнений, погрузилась в суть проблемы.

Дисциплина и строгое выполнение пациентом рекомендаций в первый день преодолели обычное сопротивление организма новому. Второй день пролетел легко и весело. Поводом для радости стала юная, покрывавшая все раны кожа. Повеселел и Здравко, он улыбался и шутил. Несмотря на то, что он готовился к докладу, намеченная программа нашей совместной работы чётко выполнялась. И пришёл следующий день – день триумфа! Смогла! Победила! От счастья хотелось летать.

Здравко обошёл конкурентов и мог бы возглавить Скупщину¹. Он предложил серию мер, способных вывести страну из глубокого кризиса. Динар падал с каждым днём. Замороженные валютные счета банков останавливали работу предпри-

¹ Скупщина – парламент.

ятий. Политические скандалы сотрясали страну. Но далеко зашедшие разногласия и амбиции политиков не смогли решить территориальных претензий мирным путём. И тогда по Белграду пошли танки, а на головы жителей города Нового Сада посыпались бомбы далёкого борца за справедливость – Америки. Началась война. Безумная, несправедливая, долгая, разрушительная, с огромным числом жертв...

Прошли годы. И вдруг полузабытый эпизод белградского опыта стал актуальным. Близкие мне люди попали в автокатастрофу. Осколками стекла изуродовано красивое лицо молодой женщины. Назначена дата дорогостоящей косметической операции. Я вспомнила Здравко. И ликование победы. Предложила попробовать. Ведь до операции ещё целых две недели. За это время мне удалось полностью восстановить кожу лица. Косметическая операция не понадобилась.

Семён РИЦ Вуипперталь

Родился в 1954 году в Горьком. Закончил Дизелестроительный техникум.

Работал слесарем, инженером-технологом в конструкторском отделе Станкозавода. С 1998 года живу и работаю в Германии.

СМЕШНАЯ НЕСМЕШНАЯ ФАМИЛИЯ

У матросов есть вопросы...

Родился я в 1954 году в солидном промышленном городе Горьком (ныне Нижний Новгород). Лет примерно в восемь, после того как одноклассник обозвал меня «Риц-фриц», за что получил портфелем по башке, я впервые задумался, а что это у меня за фамилия такая? Мой не шибко грамотный отец на вопрос «почему мои одноклассники Козловы, Пятины, Ивановы, Парамоновы, а я Риц?» пожал плечами и послал к матери – в хорошем смысле слова. «Фамилия как фамилия, – ответила мама, – лёгкая, простая. У меня, например, Айбиндер – язык сломаешь!» Ответ меня не удовлетворил, и я сунулся со своим вопросом к учительнице, которая, я был уверен, знает всё. И не ошибся. «Это жидовская фамилия», – пояснила мне она. Возможно, учительница не хотела меня обидеть, возможно, в её лексиконе это было расхожее слово, но она надолго отбила у меня охоту задавать кому-либо подобные вопросы. Со временем и задумываться над этим перестал. Ну Риц и Риц...

Не родственник и даже не однофамилец...

Вопрос, на который я не получил ответа в детстве, всплыл из небытия, когда, будучи студентом вечернего от-

деления техникума и слесарем на заводе, я в очередной раз участвовал я в «битве за урожай». Те, кто постарше, помнят эту перманентную примету социализма – «помощь города селу». Из города в колхозы постоянно отправляли рабочую и студенческую молодёжь – помогать растить и спасать выращенное...

В тот день трудились мы на току: с утра до вечера лопатили, проветривали, сушили на солнце, а затем засыпали в бункер спасённое зерно. Социализм, как известно, – это учёт и контроль. Поэтому по окончании каждого трудового дня мы должны были подписать рабочий табель. Комиссар отряда (битва все-таки!) на тот момент отсутствовал, и эта ответственная миссия выпала неосвобождённому комсоргу цеха, то есть мне.

– Это что за закорючка? – подозрительно покосилась на мою подпись заведующая током, разбитная молодка Мария со странным отчеством Мурьяновна. – Бухгалтер забракует. Напиши фамилию полностью!

– А это есть фамилия. Из трех букв.

– Из трёх?! – очевидно, вспомнив другое слово из трёх букв, хохотнула завтоком.

– Из трёх. Риц.

– Риц? – Какая смешная фамилия...

– Обыкновенная еврейская фамилия, – буркнул я, а про себя подумал: а твоё отчество «Мурьяновна» тебе смешным не кажется?!

– А-а-а... – покивала она головой. – Но всё равно смешная. Особо для еврея. Почти как фр... – И, наткнувшись на мой взгляд, попыталась загладить: – Ты это... Не обижайся. Среди вас тоже хорошие люди бывают... У нас вон после войны в здравпункте еврей работал. Офицеров фамилия. Его, знаешь, как любили?..

Вечером у пожилой хозяйки, где мы квартировали, я спросил, помнит ли она врача по фамилии Офицеров.

– Конечно, помню. Отличный был доктор, добрейший человек. Стольких вылечил... Только Офицеров – это не фами-

лия, а кличка. Селяне прозвали. В офицерской форме ходил, на пальто денег не было. А фамилия у него... Бриц. Мирон Романович Бриц...

«Надо же, – чуть не закричал я, – почти как моя, жаль – не родственник и даже не однофамилец...»

Потом было ещё несколько случаев, когда кого-то забавляла моя фамилия, но я вспоминал об этом не-родственнике Брице и уже не обращал на подначки внимания.

Не моё озеро, не мои отели...

С тех пор много воды утекло.

В конце девяностых прошлого века я с семьёй прибыл на ПМЖ в Германию. С работой у нас с женой как-то сразу заладилось, и вскоре мы приобрели на радость детям приличный компьютер. Славные дочурки и не менее любимые племянники занялись моим обучением, не забывая обзывать меня при каждом моём промахе «чайником». Через некоторое время после их титанических усилий, да и моих тоже, учителя присвоили мне более благородный титул – «пользователь». Получив новое для меня звание, ринулся я покорять просторы всемирной паутины. И хотя моя фамилия в Германии никого не удивляла и, тем более, не вызывала ассоциаций с известным немецким именем, я первым делом решил удовлетворить своё давнее любопытство и разобраться, наконец, откуда есть пошла моя фамилия. Набрал три заветных буквы в поисковике и получил:

Риц – посёлок в Австрии.

Риц – отель в Париже на Вандомской площади.

Риц – отель в Лондоне.

Риц – отель в Мадриде.

Риц – исторический театр в английском Линкольне.

Риц – самый дорогой коктейль в мире.

Рица – озеро в Абхазии.

Получил и расстроился. Увы, ни театры, ни отели, ни коктейли, ни даже наше знаменитое озеро ничего не объясняли и вряд ли имели хоть какое-то отношение к моей фамилии...

Рабби Иосиф цадик...

Выручила современная молодёжь. Низведя меня обратно из продвинутого пользователя в никчёмного чайника, дети объяснили мне простую истину: задашь неправильно вопрос – получишь неверный ответ. Оказывается, надо было банально спросить: ЧТО означает моя фамилия? Всего-то делов. Я так и сделал. И, о чудо! Умная машина тут же выдала мне потрясающую информацию.

Выяснилось, что моя фамилия – из разряда фамилий-аббревиатур.

РИЦ расшифровывается как «рабби Иосиф цадик», где:

- рабби – учитель, знаток священного писания, раввин;
- Иосиф, прозванный Прекрасным, – имя сына библейского праотца Якова и Рахели;
- цадик – в иудаизме особенно благочестивый, безгрешный человек, пользующийся расположением Б-га, духовный вождь хасидской общины.

Думаете, я страшно возгордился? Отнюдь. Я обычный человек, и ни по религиозности, ни, тем паче, по красоте, и, уж точно, ни по святости с этим человеком даже рядом не стоял. Но чувство огромной благодарности к моим далёким предкам, подарившим мне такую замечательную фамилию, я таки испытал. Потому что отныне знаю: в жилах моих дочерей и моих пока ещё десяти внуков (ключевые слова «пока ещё»!) течёт не только наша с женой кровь, но и кровь неведомого, далёкого, а всё-таки нам близкого рабби Иосифа цадика. И Б-г даст, будет течь в жилах наших новых внуков, правнуков, праправнуков и всех последующих пра-пра-пра-пра... А это, согласитесь, кое-что да значит. Не правда ли?

Литкафе

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихо- или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

*Сегодня к нам на чашечку кофе заглянули авторы **екатеринбургского альманаха «Воскресенье»**, на страницах которого в свою очередь сейчас гостят авторы «Семейки».*

Добро пожаловать!

Владимир МИШИН
(20.11.1958 – 06.11.2005)

Взрослые игры

За окном на дворе затихают последние звуки,
В темной кроне небес притаилась луна, как сова.
Знаю точно: и ты в этот час помираешь от скуки –
Позвони мне скорей, мы с тобой поиграем в слова.
Ты из дюжины слов мне составишь такие вопросы,
Что застигнешь врасплох мои слабые тело и дух.
И проклянется вдруг беспорядочно звёздное просо,
Солнце бродит пока за морями, как блудный петух.

И когда в вышине разгуляются буйные ветры
И на чёрном табло замаячит огней чехарда,
Ты подскажешь сама на свои же вопросы ответы.
И мы станем играть в имена, а затем в города.
А потом все потухнет, как свет на рождественской ёлке,
И луна на глаза нахлобучит мохнатую бровь.
Только ветры кругом будут выть, как голодные волки...
Приезжай же скорей – мы еще не играли в любовь.

Забег на длинную дистанцию с языковыми барьерами

Скажут какое-то слово, например, «доска»,
И ждут, когда дойдешь до смысла второго, третьего.
Но какая, к примеру, польза от языка,
Если всякий норовит, как жену, поймать его?
Хотя есть примеры – они совсем не новы –
Начальной двусмысленности (вроде: пей до дна).

Но ведь даже такой оборот: «иду на Вы» –
Подразумевает простое «иди ты на...»

Жизнь и так коротка, за вычетом двух восьмых
Как физиоминимума, нужного для снов.
Интересно бы знать: у глухонемых
Существует проблема разной трактовки слов
Или жестов, или (чего у них там еще?)
Выражения глаз, движения мышц лица?..
И те ж «две восьмых» – кому-то дробь или счет,
Кому-то дата начала, а может, конца.

Я хотел бы вернуться на тыщу лет, когда
Была менее изысканной, но прямой речь:
Когда «мясо» значило мясо, «вода» – вода,
А «огонь» – огонь, ну а «печь» – так и вправду печь;
Человек разумный уже приручил собак
(так как не был знаком с трудами Экзюпери),
Сеял хлеб, разводил овец и курил табак...
Я б собакой стал. Скажешь, глупо? Не говори.

Неотправленное письмо Михаилу Булгакову

Чужие – от Матфея до Луки –
Сны снятся еженощно телепату.
Бездомный ангел хлеб берет с руки –
Вонзи ему меж крыльями лопату
Без всяческой нужды, а просто так.
Но, впрочем, за представленное тело
Получишь ты законный свой пятак
Из кассы коммунального отдела
За вклад «в очистку улиц и дворов
Подушно, поголовно и поштучно».

Желаешь быть здоровым? – Будь здоров,
В буквальном смысле слов, собственноручно!

И то – порасплодилось тут и там
Отменных переносчиков заразы,
Снующих за людьми по пятам –
В буквальном смысле вымученной фразы;
И нет от них покоя и житья,
Достойного скрижали летописца.
Ведь на подушках жестких «Жития»
Не всякой голове спокойно спится.
Грядет рассвет, прыщав и конопат;
С утра Светило, как от крови, ало...
Достало бы отточенных лопат –
А ангелов у нас всегда хватало.

Александр БАЖЕНОВ

Мечтали

Стояла очередь за хлебом,
Протесты шли по площадям,
Звучали выстрелы под небом,
Сдавали тару по ларькам...
...А мы мечтали о высоком
С позиций, вкопанных во мглу.
Приятель умер ненароком
В подвале пыльном, на полу.
Сирот замызганные лица,
Глаза уставшие бродяг
Я вспоминаю. Снова снится
Мне перестройки рваный флаг.
Слова бывалых заключённых
На тёмных улицах ночных
И шорох листьев золочёных
Мы слушали. На мостовых
Глушили пиво. Ангел добрый,
На мне висело в оный час
Большое горе чёрной коброй,
Но ты меня, хранитель, спас.

Облака

Облака в синеве, на холмах терема –
Это станция наша – Сагра.
Ледяною улыбкой мелькнула зима
И весны наступила пора.

Это классика сна – рыбаки у реки
И на проводе пара сорок.
Облака на пучки, а душа на стихи
Разорвутся, качнётся лесок.

Я не знаю, зачем, для чего, почему...
Но мне ясно одно навсегда:
Этот сон разгоняет печали и тьму,
И бегут, и стучат поезда...

Мы выходим. Пора. А котомки легки,
Мы уйдём далеко, далеко...
Терема на холмах, рыбаки у реки,
Облака высоко, высоко...

Фигуры воронов

Фигуры воронов застыли на осинах,
Как призраки поэтов городских,
Чьи грёзы, заспиртованные в винах,
Не вылепят величественный стих!

Суровый лик эпохи перестройки,
Когда гитары плачущей струной
Одушевлялись искренние строки,
Всплывает из тумана предо мной...

В те годы мы с друзьями собирались
И напевали, греясь у костра...
В аккорды многозвучные сплетались
Стихи из-под скрипящего пера.

Приятели холодными ветрами,
Листвой опавшей в ночь унесены:
Кто за решёткой греется чаями,
Кто с водкою рифмует боль страны.

На кронах зеленеющих деревьев
Застыли, поклонившись небесам,
Недвижимые статуи из перьев,
Как память неслышанным певцам...

Евгений ЛОБАНОВ

Я раньше жил на улице Души –
Родной, широкой, светлой и спокойной.
Конечно, розы были хороши
И далеки страдания и войны.

Уходят дни, ломаются дома,
Меняются названия и даты.
Пришла на смену августу зима,
Мы в этом тоже были виноваты.

И за спиною – Анненский и Блок,
А впереди – братва и чёрный «бумер»...
И дядя, что не в шутку занемог,
От ветра перемен тихонько умер.

Ты со страной расстаться не спеши:
Здесь все смешалось в пляске хулиганской.
...Я раньше жил на улице Души.
Сегодня обитаю на Мещанской.

Опять срываются дожди

*Дожди срываются на снег,
Как шепот переходит в крики...*

Татьяна Полетаева

Дожди срываются на крик,
И с хрипом – голос колокольный.
Ему рабочий подневольный
Укоротил вчера язык.

И вновь немотствует страна –
Сума, тюрьма – всё так привычно,
Нам говорят, что жизнь отлична,
На грудь цепляют ордена.

Дожди срываются на снег
И купола теряют шапки,
А перед нами – мостик шаткий
Из прошлого в грядущий век.

Ну где же ты, моя страна?
Дотла сгорела, будто спичка.
Не верить в прошлое – привычка
Неумолима и странна.

Пусть крепко сбит, пусть крепко сшит –
Скриплю зубами от бессилья.
Но ветер пепел ворошит,
И Феникс поднимает крылья.

В. Ч.

Я знаю: мы друг друга не отпустим.
Проверенная верная душа
Меня поддержит в радости и грусти,
В любое время года хороша.

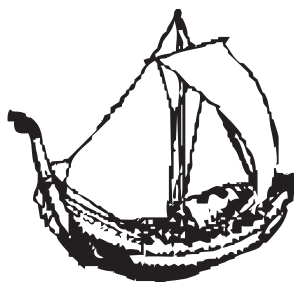
Моя далекая родная, ты не плачешь –
К чему грустить, болото развода?
Ты от меня глаза осенние не прячешь
За вуалеткой черного дождя.

И посреди неверия и суши
Друзьями мы умеем дорожить:

И старые облупленные души
Поодиночке не желают жить.

Средь ярких и красивых декораций
Тебя, мой друг любимый, узнаю.
Нам до конца друг с другом не расстаться:
Сольемся в танго даже на краю,

И, вопреки физическим законам
(Чем дальше, тем смелей и веселей!),
Мы бросим перевозчикам Харонам –
Для возвращения – горсточку рублей.

Андрей ШИГИН,
Наталья ФРАЛОВА

ИЗ ЦИКЛА «ВИЗАВИ»

Андрей Шигин
Баба Нюра

Жила в деревне баба Нюра,
Пасла коров, держала пчёл.
Она не горбилась понуро
И не жалела ни о чём.

А были все её подружки –
Лишь только парочка коров.
Поскольку в этой деревушке
Всего-то пять жилых дворов.

Ещё и звёзды не погаснут –
В её избе мерцает свет.
И в ясный день, и в день ненастный
На бабку угомону нет:

То с хворостиной, то с лукошком,
То с дымарём, то с кочергой,
То в палисаде под окошком,
То на покосе за рекой –

И всё с улыбкой и не хмуро,
Едва присев, спешит опять.
– А сколь вам лет-то, баба Нюра?
– Дык, вроде, восемьдесят пять...

Ложилась спать, когда деревья
Туман окутывал густой...
Её не стало. И деревня
Вдруг вовсе сделалась пустой.

Наталья Уралова

Баба Маруся

Вот растекается по небу
Сиропно-красная заря.
Размазать бы ее по хлебу,
Чтоб не пропала сладость зря.

Она малинового вкуса
И пахнет ягодой лесок,
Когда соседская Маруся
Наполнит с верхом туесок.

Потом насыплет горстью в плошку,
Зальет топлёным молоком
И будет есть из миски ложкой,
Рот утирая кулаком.

От жизни много ли ей надо:
Увидеть ясную зарю,
Набрать в лукошко спелых ягод,
Сварить малины к январю.

Маруся на судьбу не ропщет,
По-детски верит в чудеса,
В простой душе её, как в роще,
Роятся птичьи голоса.

В конце бы ей остановиться,
С прищуром оценить себя,
На образа перекреститься,
Подать на «церкву» три рубля.

Постигнуть таинство ухода
И вновь воскреснуть на земле
Уже частицею природы –
Полоской света на заре.

Андрей Шигин

Конфуцианское

Если долго сидеть на речном берегу,
Посылая проклятия в мыслях врагу
И суля ему разные беды,
Ты увидишь однажды, как тронется лёд,
И уверенно мимо тебя проплывёт...
К неприятелю в руки победа.

Наталья Уралова

* * *

Быть бы каплей в твоей реке,
быть крестом на твоём погосте,
или белым цветком в венке,
иль рябиновой твоей гроздью.

Быть словечком в твоей мольбе,
или лавочкой у забора,
быть бы песней в твоей судьбе,
иль гармошкой с перебором.

Быть послушницей иль рабой,
замарашкою некрасивой.
Только быть до конца с тобой,
Непутёвой моей Россией.

Андрей Шигин

1913

Государь император проснулся наутро не в духе:
Снились чёрные птицы на девственно-белом снегу,
После – снилось окно, по которому ползали мухи,
За окном – часовой, прислонивший ружьё к сапогу...

Государь император велел принести ему чаю,
Но затем, передумав, велел принести коньяку.
И, пока ожидал, злые мысли ему докучали,
Отзываясь томленьем под рёбрами в левом боку.

Он внезапно представил себя в полутёмном подвале
И каких-то людей с револьверами, возле дверей,
Дочерей и наследника, что молчаливо внимали
Этим людям с пустыми глазами голодных зверей...

Было странное чувство, доселе почти незнакомо,
Словно где-то внутри облетает с деревьев листва...
Приближался февраль, триста лет августейшего дома.
Это ж надо – присниться такому в канун торжества!

*Наталья Уралова***Открыл глаза...**

Ему приснился очень странный сон:
Пускало солнце стрелы безмятежно,
Весна от снега родила подснежник.
Открыв цветочный для себя сезон.
Вгляделся в незнакомое лицо,
В хвост очереди встал за кружкой пива,
А облака летели с ветром мимо,
Цепляясь за Садовое кольцо.

Открыл глаза: какая-то стена...
За ней рыдает арфа... или скрипка?
Печальная коснулась губ улыбка...
Зачем он здесь? И в чём его вина?
На улицах мощёных ни души.
От моря беспокойный дует ветер.
Полгорода прошёл – людей не встретил...
Ни разу не бывал в такой глуши...

Открыл глаза... что за безумный сон?
Сейчас он тот, кем был вчера... быть может?
На скулах ходят желваки под кожей,
В ушах стоит какой-то странный звон.
Довольно! Хватит этой ерунды!
Он император. Он наместник Божий
Он Александр Второй! Ему негоже...
Ох! Как бы не случилось вдруг беды!

Открыл глаза...

Николай ТАНЕБНЫХ

К вам заходила нынче Каллиопа?
Спросила вас, где сын её, Орфей?
В дырявых складках старого салоп
Мог пролететь нахальный воробей.

Она казалась древнею старухой,
Поджаты губы и потухший взгляд.
Слова звучали непривычно глухо.
С народом музы так не говорят.

Ей все казалось, что любимый сын,
Чей нежный голос много слаще мёда,
Её Орфей, среди чужих равнин
Лежит недвижно на атласе гроба.

Никто не мог ее разубедить,
Она бездумно верила виденьям.
Она видала войны и сраженья,
Ей довелось по тем полям ходить.

Что мог я рассказать старухе той?
Что сын в стране мог сгинуть полудикой?
Что сын её, поистине, герой,
Быть может, счастлив с юной Эвридикой?

Всё вопрошала, где её Орфей?
Она всё время проклинала войны.
Она была шумна и беспокойна.
Не дай нам Бог терять своих детей...

В дырявых складках старого салоп
Мог бы летать нахальный воробей.
Я дал ей грош. Мы разрыдались оба.
Я вовсе не сильнее других людей.

Русский квас

Строгает Бондарев дощечки,
Сбивает бочки Бочкарёв,
А Логунов лежит на печке,
Он нынче сильно нездоров.

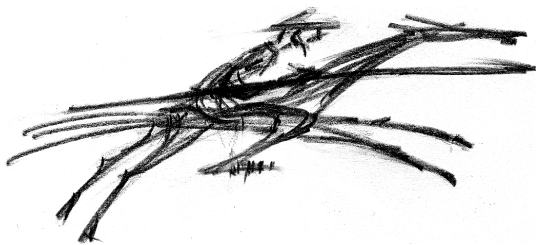
Одним в рассоле огуречки,
Грибочки в бочке у других,
А Логунов лежит на печке,
Чуть-чуть согрелся и затих.

Есть логунок – сосуд для бражки:
Кран отвернул – согрелась кровь,
И Логунов по полной чашке
Отведать варева готов.

Я благодарен Бочкарёвым.
Здесь, Логуновы, не про вас.
У нас в деревне Огарёво
Держу в бочонке крепкий квас.

Грусть и бессонница. Шорохи ночи,
Ломтик Луны и ночной звездопад.
Хочется строчку к седлу приторочить,
С Пансой отправиться в рай или ад.

Жаль, но толстяк хочет ехать в Толедо,
Любит бродяга девиц и вино.
Может, туда доберемся к обеду,
С Санчо, увы, не уснуть всё равно.
В торбе найдёт узелок с провиантом,
Справит нужду, отлучившись в кусты,
Что ему грусть благородного гранда,
Что ему ночь и святые мечты!
Снова в Испании благоуханной
Санчо утробу до верха набьёт,
Тощий идалго Алонсо Кехано
Мается, бьётся, как рыба о лёд...

Елена ЗАХАРОВА

В потоке судьбы

Есть друзья для рассуждений,
А для сердца есть тоска,
Много тщетных опасений
Прежде первого глотка.
Мчится лодочка-скорлупка
Вдоль течения ручья...
Прежде первого поступка
Жизнь ничья и боль ничья.
Ряд осознанных мгновений
И поток неясных лет
Средь чужих прикосновений
И непоправимых бед.
Ах, в невидимом потоке
И меня несёт волна,
Спутать годы, сдвинуть сроки
Я, поверьте, не вольна.
Не вольна других исправить
И себя перекроить,
Не вольна свой путь оставить,
Жизнь от века отделить.
Потому-то каплей в море,
Упадая в забытье,
Растворилось в общем горе
Горе личное моё.

Высота

*моему дяде,
писателю Стефану Захарову*

Нет, я не росла сиротою,
Я помню, как чья-то рука
Сроднила меня с высотой,
Подбросила под облака.
Себя ощущая крылатой,
Смеялась счастливее всех
И знала, что папиным братом
Был этот большой человек.
Как будто со старым знакомым
Встречался на улице он
С каким-нибудь маленьким домом,
Далёких, забытых времён.
И мир становился всё шире,
Особенно был он велик
В той самой, чуть странной квартире,
Где в комнатах стены из книг.
Пришла за утратой утрата.
Я дважды теряла отца.
Он просто был папиным братом,
Но братом он был до конца.

Поэтам семидесятых

Владимиру Денисову

Мы пожеланиям внимали,
Качали мудро головой
И все друг друга понимали,
И пили все по круговой.
И мы казались в спорах редких
И величавы, и мудры,

И мы всходили, как и предки,
На разведённые костры.
Лишь суд мужей, да слёзы женщин
Напомнят в неурочный час,
Что все же проще мы и мельче
И что не вспомнят так о нас.
Тогда в порожистую Лету,
Где перевозчик ждать устал,
Бросали мелкую монету,
Неисчезающий металл.
Чтоб после творческих истерик,
Желанный обретя покой,
Вернуться на знакомый берег
Одной, но истинной строкой.

Чужие балконы открыли глаза,
Ты мне на прощанье два слова сказал,
Немножко разлуки, немножко печали,
А улицы снега всё ждали и ждали.
По улицам мчались автомобили,
С вокзалов твои поезда уходили,
Менялся весь мир и всё в мире менялось,
А я оставалась, а я оставалась.

О НАШИХ ГОСТЯХ

Владимир МИШИН (20.11.1958 – 06.11.2005). Родился в Башкирии, окончил Свердловский архитектурный институт. При жизни было несколько поэтических публикаций в местных газетах (в 90-е годы) и одна публикация в международном литературном альманахе «Воскресенье» (2004 г.). Покончил с собой. Посмертно изданы два сборника: «Как ни странно, но хочется жить...» (2006 г.) и «Слепой жонглер» (2011 г.).

Александр БАЖЕНОВ. Я родился 10 августа 1993 года в городе Новоуральске Свердловской области. Окончил 11 классов. Учился в УГТУ (Уральском государственном горном университете) по специальности ТТР (технология геологической разведки). Институт не закончил в связи со сложившимися жизненными обстоятельствами. Стихи пишу с девяти лет. Печатался в периодических уральских альманахах «Созвучие», «Марафон», «Воскресенье», газете «Нейва». В 2016 году вышел сборник «Струны души». Ценю русскую поэзию за стихи, в которых отражена человеческая душа во всей своей красоте и неповторимости. Мои любимые поэты – классики. Из современников мне по душе творчество Александра Сопровского, некоторые стихи Бориса Рыжего.

Евгений ЛОБАНОВ. Родился 23.01.1966 в Свердловске. По профессии геолог, работал учителем, журналистом. Автор 8-ми книг прозы, романа в 8-ми книгах о перестройке «Формула Декарта», 3-х книг стихов. Проза и стихи публиковались в литературных изданиях Урала, Москвы, Красноярска, Ростова Великого, Санкт-Петербурга; Беларуси (Минск); Украины (Луганск, Донецк, Житомир); Германии (Лейпциг).

Андрей ШИГИН. На свет явился в 1968 году на Урале, в городе Свердловске, что ныне вновь зовётся Екатеринбург, где и проживаю по сей день... Офицер МВД в отставке. Женат. Печатался в СПб.

Наталья УРАЛОВА-НИКИТИНА. Окончила Уральский государственный университет им. М. Горького. Филолог. Работала в медицине, в библиотечной сфере, в полиграфии, в СМИ, в педагогике. Преподавала в школе, техникуме, колледжах, вузах.

Имя внесено в Книгу рекордов Гиннеса, в книгу рекордов русского клуба «Левша», в книгу «Лучшие люди и важнейшие события нашего города» за 2005 год в связи с участием в первых Поэтических Марафонах СП, в базу данных Объединенного литературного музея «Литературный квартал», в картотеку Писателей Урала. Исполняла обязанности Генерального менеджера ассоциации «Поэты Урала», худрук литературного объединения «Петроглиф». Дипломант Малой литературной Демидовской премии, Екатеринбург, 2006 г. Победитель отборочного тура международного конкурса «Уникальный автор», СПб-2010 г.

Произведения опубликованы в Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Мурманске, в Польше, Израиле, Чехии. Печаталась в местной прессе («Уральский рабочий», «На смену!»), в журналах «Урал» (Екб), «Воскресенье» (Екб.), «Легенс» (СПб), «Новый дом» (Израиль), в коллективных сборниках и альманахах, есть авторские книжки «Судьбу, как платье, примеряю» (2005), «Умудризмы» (2016), «Басни и курьёзные стихи» (2016), «Женские рассказы» (2016).

В настоящее время участвует в издании международного литературного альманаха «Воскресенье» (№№17-28), возглавляет литобъединение «Петроглиф».

Николай ГАНЕБНЫХ. Родился в 1946 году в городе Михайловске Свердловской области. По профессии – учитель. Работал в вузе, в школе, преподавал информатику, физику, немецкий язык. Хорошие люди вокруг, прекрасная природа Урала нашли отражение в стихах. Публиковался в журнале «Урал», в многочисленных сборниках, в международном альманахе «Воскресенье». Стихи печатались в Германии, в Болгарии, в Израиле. Перевожу на русский язык стихи современных немецких

авторов. Автор нескольких рассказов. Публикуюсь на сайте Стихи.ру и других. О себе: Живу я не в Бразилии, Не в Швеции и Греции – В стране Вообразии И На Дуде Игреции...

Елена ЗАХАРОВА. Родилась в 1953 году в Свердловске. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета, киноведческий факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК). С 1969 года печаталась в газетах, журналах, коллективных сборниках. Работала в системе киносети, киноредактором Свердловской государственной телерадиокомпании. Ныне – староста поэтического семинара известного русского поэта Любови Ладейщиковой и ведущая литературно-краеведческой гостиной в екатеринбургской библиотеке № 17. Дипломант Всероссийской премии Людмилы Татьяничевой. Член Союза Журналистов. Автор книги-эссе «Миф об Урале, или Русский поэт Юрий Конецкий» (2002) и сборника стихов «Такой характер» (2013).

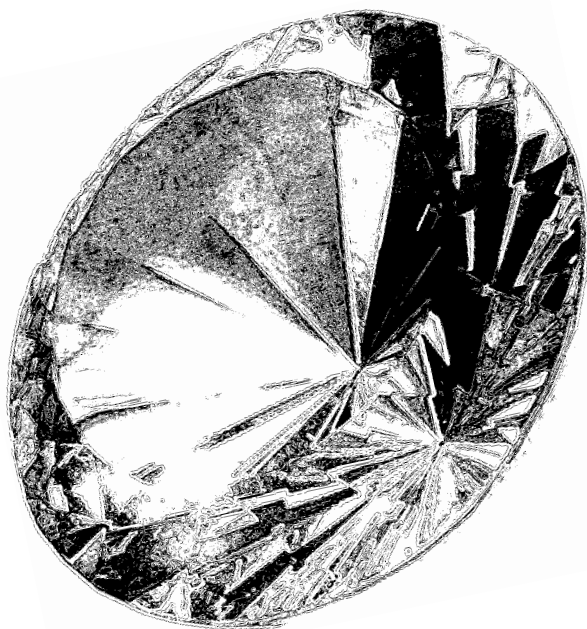
Римма КОПЫТКОВА¹. Родилась в Ленинграде. Здесь её застало начало Великой Отечественной войны, блокада города. В шестилетнем возрасте она познала голод и страх от воздушных тревог во время налётов немецких самолётов. С 1953 года живёт в Екатеринбурге. Получила специальность техник-механик по холодильному оборудованию. На протяжении почти всех прожитых лет Римму Михайловну сопровождало страстное желание выразить в стихах всё, что она пережила, видела и чувствовала. И она делится своими переживаниями с читателями от чистого сердца.

Стихи публиковались в сборниках поэзии «Голоса ветеранов», «В память о блокаде», в газетах «Вечерний Свердловск», «Путёвка», «Вестник ветерана», в сборнике «Складчина».

Принимает участие в «Поэтическом марафоне». В 2012 году вышла книга для детей «Далёко-далёко за лесом высоким».

¹ Детские стихи автора смотрите в разделе «ОНИ СОШЛИСЬ».

Лёд
и пламень

Виктор ЛЕВЕНГАРЦ

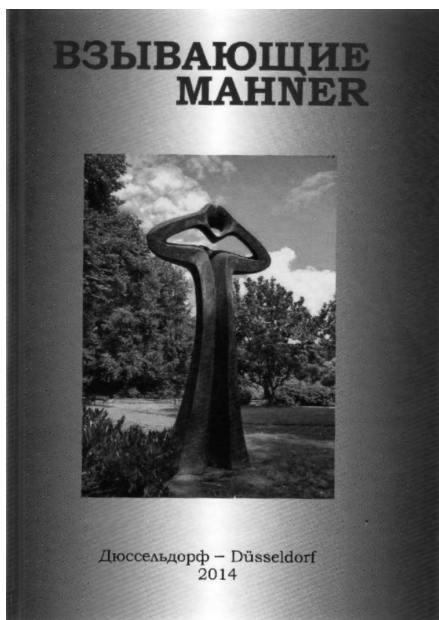
Вупперталь

По профессии инженер, к.т.н. Журналистикой и литературным творчеством занимаюсь с 1990 года. Основные публикации: рассказы, эссе, статьи, очерки, – представлены в журналах «Нева» и «Личность и культура» в С.-Петербурге, а также в газете «АМИ Народ мой», издаваемой там же.

С 2004 года живу в городе Вупперталь (Германия). В Германии на русском языке опубликованы очерки, статьи, эссе, рассказы в газетах, журналах и альманахах в Гамбурге, Гельзенкирхене, Дюссельдорфе, Берлине и в других городах. На немецком – в Берлине, Боркене, Гамбурге, Дрездене. Один из очерков, переведённый на немецкий язык, вошёл в антологию «Новые берега», вышедшей в Дрездене при проведении 1-го Всегерманского конкурса прозы и публицистики в 2007 году. В том же году получил диплом участника литературного конкурса «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз...», проведённого в Гамбурге. В 2012 г. стал лауреатом конкурса «Серебряный Дюк» имени де Ришелье, а в 2013 – конкурса «Жемчужный Дюк» имени де Ришелье.

В 2009 г. в С.-Петербурге вышла моя книга «Глаза и память»; в 2014 г. там же – ещё одна: «Сердце и память».

Размышления о жизни привели к выводу, высказанному ранее Антуаном де Сент-Экзюпери в сказке «Маленький принц». Чтобы что-то сбылось, надо этого очень хотеть. Надо жить на своей планете, возделывать свой сад, бороться, насколько позволяют силы, с баобабам, и возвращать свою розу, единственную и неповторимую.

ПАМЯТЬ-БОЛЬ

*...И, голову покачав, судьба
Сама своих деяний убоится...*

*Галина Гампер из стихотворения
«Что из того, что лестница крута...»*

Передо мной книга «**Взывающие Mahner**»¹, изданная в Дюссельдорфе в 2014 году. Осуществили этот проект, посвящённый Памяти шести миллионов погибших евреев, его инициатор и составитель Жозеф Тростановский и главный редактор Галина Педаховская. Они же написали послесловие.

В этой книге-документе 86 очерков. Многие из них по содержанию, по форме изложения больше чем очерки. Это рассказы, повести о жизни еврейского населения на оккупированных территориях бывшего Советского Союза и некоторых стран Западной Европы во времена Второй мировой и Великой Отечественной войн. Такое существование жизнью назвать было нельзя, ибо то, что его сопровождало, вместило в себя трагические, страшные события, выпавшие на долю вспоминающих.

Прошло уже много времени, но при чтении каждого исповедального материала возникает ощущение, что рассказанное случилось с автором совсем недавно. Жуткие подробности, которые запомнили дети и совсем молодые юноши и девушки, бережат душу.

Когда я задумал написать об этой книге, то не знал, как найти слова и какими они должны быть, чтобы пересказать её содержание и моё впечатление о ней, и подумал, что невозможно лучше авторов передать то, что они чувствовали и пережили.

¹ Взывающие Mahner, VERLAG PH. C.W. SCHMIDT Düsseldorf, 2014., 600 с.

Вот что пишет **Сима Валит** в своей «Исповеди»:

«...Немцы приказывали становиться лицом ко рву и стреляли. Фаина Белоцерковская в ужасе охватила руками свою дочь. Она хотела спасти её и повернулась лицом к стрелявшим. Пули попали в дочь и ей в руку. В обмороке она падает... Ночью она приходит в себя. Она лежит под грудями мёртвых людей, а рядом мёртвая дочка. Среди тел погибших она находит и свою мать». Это было в Керчи у Багеровского рва.

«Я знаю, что такое ад» – так назвал свои воспоминания Ким Ляхов. «Она (мама – В.Л.) заметила седину на моей голове (Киму было тогда 17 лет – В.Л.), поняла, что я успел пережить».

А вот круги ада, которые прошёл Рафаил Копылов: «...В это время мне пришлось пережить самые страшные минуты своей жизни: я видел, как расстреляли моих родных... Прошли годы, но сердце всё так же болит и я плачу... Люди дошли до такого состояния, что ждали смерти как избавления...».

Мируну Домбу было всего десять лет, но он запомнил то, что не запомнить было нельзя: «...на засыпанных рвах шевелилась земля». Его воспоминания «999 трагических дней и ночей» – это сага о муках, страданиях и скитаниях женщины с детьми в период оккупации немцами с 22 июня 1941 по 10 марта 1944 г. города Умань, где был их дом, откуда им пришлось уйти.

Читаешь подробности и с большим напряжением представляешь детали: такого-то числа немцы... а тогда случилось... а это из рассказа... а это из воспоминаний... об этом я читал в... и не понимаешь, как люди могли вынести то, о чём они написали, если даже только при чтении их воспоминаний перехватывает дыхание: «Я пережил четыре гетто и два концлагеря, был расстрелян и заживо засыпан в братской могиле, чудом выжил...» (Михаил Мостовой «Расстрелянная юность»). Или: «Очнулась я от холода и тяжести навалившихся на меня трупов. Я начала пробираться между трупами и через относительно небольшой слой земли» (Нелли Цыпина «Пережитое в годы Второй мировой войны»).

Шевелилась земля... И не только потому, что под ней теплились остатки жизни брошенных в ров людей, но там шевелились нерождённые дети, неисполненные мечты, несвершившиеся судьбы. Земля дышала, содрогаясь не только от взрывов и надругательств над ней, но и от чудовищного зла, насилия, издевательств, происходивших на ней.

«Ушёл обратно в Чериков, там же переночевал, только в другом доме, и снова несколько дней блуждал по деревням...» (Владимир Смолицкин «Мой путь...»).

Это жуткий до боли рассказ о жизни и скитаниях мальчишки по неимоверно трудным дорогам оккупированной территории. Страшно подумать, кого из врагов он только не видел: *«...движение шло в сторону фронта, то есть на Днепрпетровск... Солдаты были разных стран: румыны в тёмно-коричневой, грубой шерсти форме; итальянцы в светло-серой форме; мусульмане, говорили, что это татары, в немецкой форме с нашивкой мечети на рукаве, что отличало их от немцев; и вдруг русские – тоже в немецкой униформе и с нашивкой «РОА» на рукаве; чехи в светло-серой форме с нашивкой в виде храма с крестом; казаки с красными лампасами и с лошадьми в вагонах – и всё это двигалось в сторону, где решалась судьба: быть или не быть?»*.

Семён Степанько вспоминает: *«После того, как я впервые убежал от смерти, вся моя дальнейшая жизнь превратилась в сплошное бегство... я, как загнанный зверь, пробежал множество сёл и хуторов Украины, а также России. Но она, эта смерть, преследовала меня по пятам»*.

«Был мороз... Мы шли, не зная куда, но шли всю ночь, я просила передохнуть, но мама меня уговаривала и убеждала, если мы сядем отдохнуть, мы не встанем и замёрзнем в степи и нас съедят волки». Это запомнила Эльвира Бондарь.

Дороги, дороги, дороги... В поисках временного приюта из одного города в другой, из одного села или хутора в другой, от одной станции до другой. Это были дороги смерти, но и дороги возможного выживания.

«Однажды, когда мы с отцом возвращались с работы, я увидел толпу у ворот гетто. Увиденное напоминает картину из учебника истории – на воротах распят человек. Из-под нижнего белья выглядывает измученное тело, исполосованное следами пыток и избиений...» – пишет Юрий Лейдман. Человек повешен за выход из гетто без пропуска! Это было в Жмеринке. Евреи имели право только на смерть; повсеместная жестокость, с которой их убивали, была беспредельной.

Распят человек... Как тут не вспомнить, что было немногим менее двух тысяч лет назад? Он тоже был распят, распят за Веру в Добро, за Веру в Свет, за Веру в Жизнь. Его страдания посвящены книги, и произведения искусства великих мастеров прошлого и настоящего. В Евангелии от Матфея в пятой главе приведены слова этого человека – Иисуса Христа, произнесённые им в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай; кто же убьёт, подлежит суду». Преступления, где бы они ни совершались, должны быть наказаны.

Гетто в Жмеринке, гетто в Одессе, гетто в Виннице, гетто в Могилёве-Подольском, гетто в Черновцах, гетто в Минске, гетто в Каунасе, гетто во Львове, гетто в Риге, гетто в Варшаве... Не было ни города, ни села, ни деревни, где бы немецкие оккупанты их не организовывали. Туда евреев свозили из Украины, Румынии, Бессарабии, Буковины, входивших в Транснистрию – территорию между Днестром и Бугом, в которой были некоторые города и населённые пункты Молдавии, Николаевской и частично Одесской и Винницкой областей.

В книге помещены несколько очерков, написанных на двух языках – немецком и русском. Возможно, это сделано, чтобы, с одной стороны, рассказать, как немецкая военщина зверствовала не только на территории бывшего Советского Союза, и вспоминающим легче было писать на немецком языке, с другой – чтобы немецкие читатели помнили про злодеяния немецкого рейха, в том числе и в Германии, где также было много жертв.

Хелен Израэль из Дюссельдофа, появившаяся на свет в польском городе Oswiszcim (Освенцим), он позднее назывался Auschwitz (Аушвиц), вспоминает: *«...Мне повезло, я не попала в лагерь уничтожения. Зато, начиная с октября сорок первого года, я сменила восемь трудовых лагерей... Все мы были в лагере рабами... Мой брат с женой и тремя детьми, моя сестра с мужем и ребёнком, мои родители, мой муж и мой ребёнок – все погибли!.. И провела не одну бессонную ночь, представляя себе, как моя мать и мой ребёнок идут в газовую камеру...»*.

Розалия Майер из Эссена жила в Варшаве, когда началась война. *«Я пыталась изгнать эти картины из памяти, но по ночам не могла от них избавиться... У меня шрам над левой бровью. Внешние шрамы прошли, внутренние – нет»*. И этот внешний шрам, как и множество внутренних, остались у неё на всю жизнь.

Леон Удецкий, родившийся в Берлине в 1926 году, в 1943 году попал в Освенцим и помнит, что: *«Находящихся в лагере не называли по имени, а только по номерам. Мой номер был № 145166»*.

Рассказать об этом невозможно, на свете нет таких слов, которыми можно это передать, говорит Хелен Израэль. Но они всё-таки передали (из этого и сложилась книга) эти страшные слова: **скитание, сердце болит, вечный страх, тяжёлое детство, ад, гетто, ужас, муки, страдания, шевелилась земля, ров, бойня, смерть, трагедия, голод, унижение, каратели, нагайка, плеть, беженцы, стрельба, комендатура, допрос, газовая камера, жандарм, полицаи, гестапо, милостыня, расстрел, колючая проволока, охота на евреев**. Они заменили другие, с которыми они жили до войны и которые они вспомнили после её окончания: **ПОБЕДА, ЖИЗНЬ, слёзы РАДОСТИ, ВЕРА, ДОБРО, НАДЕЖДА, СВОБОДА, СМЕХ** и многие другие. Эти слова сопровождали дороги веры в спасение, потому что *«...велика была вера, жила надежда, что нас обязательно освободят (из гетто – ВЛ). А когда это произошло в марте 1944 г., то мы долго не могли понять, что можно не бо-*

яться людей, смотреть в окно, ходить спокойно по улице, не бояться громких голосов, ночи, что нет колючей проволоки и можно плакать от радости, что ты случайно остался в живых...». Эти несколько строчек из очерка «Воспоминания моего тяжёлого детства» Клары Варшавской.

И вместе с тем Зиновий Кушнир, которому, как и многим детям, пришлось включиться в борьбу за жизнь, пишет в «Долге памяти»:

«В День Победы, когда кругом все ликовали, смеялись, мне стало грустно и обидно. Я стоял на обочине дороги и плакал». Это были слёзы отчаяния, грусти, цены, которую страна заплатила за эту Победу».

Ему вторит Мирон Домб: «Радоваться, смеяться нужно, а мы ... плакали. Это были слёзы радости и счастья, и одновременно слёзы неопикуемой грусти за павших на фронте и зверски расстрелянных фашистами евреев, партизан и советских военнопленных».

В книге есть рассказ Рафаэля Айзенштадта «Stolperstein – камень памяти» о латунных табличках на тротуарах в Дюссельдорфе около домов, где жили евреи, депортированные в лагеря смерти. «В этом городе, – рассказывает автор, – определены более двухсот адресов депортированных евреев, составлены их биографии».

На лицевой стороне обложки книги помещена фотография скульптуры Вадима Сидура «Взывающий», установленная в Дюссельдорфе. В предисловии Владимир Георгиенко рассказывает о ней. На 81-й странице есть ещё одна фотография работы этого мастера – «Памятник погибшим от насилия», она установлена в городе Кассель. Там же Георгиенко рассказывает о злодеяниях в Бабьем Яре в Киеве, когда были убиты и сброшены в ров более тридцати тысяч (!) евреев. Об этом он снял несколько полнометражных фильмов.

Писатель Сергей Довлатов вспоминал: «Отмечалась годовщина массовых расстрелов у Бабьего Яра. Шёл неофициальный митинг. Среди участников был Виктор Платонович Некрасов

(фронтовик, писатель, автор книги «В окопах Сталинграда» – В.Л.). Он вышел к микрофону, начал говорить. Раздался выкрик из толпы:

– Здесь похоронены не только евреи!

– Да, верно, – ответил Некрасов, – верно. Здесь похоронены не только евреи. Но лишь евреи были убиты за то, что они – евреи ...» Их было 33771. Это случилось 29 сентября 1941 года.

В книге много фотографий. Сколько на них красивых Суламифей, Юдифей, Рахилей, Магдалин, Марий, сколько мужественных Авраамов, Яковов, Иосифов, Давидов, Соломонов. Со снимков смотрят прекрасные улыбающиеся, весёлые девчьи и мальчишеские лица!

Но есть и другие. Под одной из них надпись: «Еврейская семья, члены которой помечены жёлтой звездой, направляется в гетто. 1941 г.». Семья – это мужчина с мешком со скарбом, женщина с маленьким ребёнком на руках, напоминающая мадонну с младенцем, образ которой создан многими великими художниками и запечатлён в нашем сознании. С правой стороны от неё – две девочки, с левой – ещё одна женщина с мешком; сзади, в нескольких шагах, – третья со скудными пожитками в мешке.

Однажды я получил письмо от двоюродной сестры. Она написала: *«Посмотрела сегодня фильм по телевизору «Дамский портной»... наплакалась, так как всё это видела не в Киеве, а в Кисловодске. В фильме евреи шли колонной с вещами, чтобы ехать в Польшу, а пришли в Бабий Яр... а в Кисловодске все мы провожали до вокзала тётю Паню с детьми Нелей, Никой и Светочкой, которой было около трёх лет. Светочку у тёти Паны просили люди, их соседи, но она не отдала. Они до последней минуты верили, что останутся живы. Неля была моей ровесницей, Нике было лет шесть, Светочка была совсем маленькая, в кудряшках и очень славенькая...»*. Тётя Пана – моя тётя, Неля, Светочка и Ника – это мои двоюродные сёстры и брат. Мне кажется, что это они сфотографированы. Но, наверное, так кажется многим.

Они идут, идут, идут... Есть ли на этом свете какая-нибудь другая национальность, кроме еврейской, люди которой на протяжении всей своей истории были бы так же идущими, так же гонимыми? Я не знаю.

Во всём этом есть что-то кафкианское, страшное. Различие лишь в том, что, если у писателя был внутренний, болезненный, абстрактный страх перед жизнью, которая ему навязана, то в книге показан страх конкретный, страх от чумы, постигшей человечество, страх от неведения, что произойдёт днём, вечером, ночью, завтра.

Часть книги посвящена **Праведникам народов мира** – тем, кто помогал выжить. Такая помощь была очень опасной, сопряжённой с риском для собственной жизни. Своим участием в судьбе спасаемых евреев их соседи, друзья, просто хорошие знакомые совершали подвиги, не думая о себе. Таких людей было много, и многие из них за это заплатили жизнью.

Звание «Праведник народов мира» присваивается Комитетом Мемориального института Яд ва-Шем в Иерусалиме для увековечения памяти: **«...Благородных неевреев, которые рисковали жизнью для спасения евреев»**.

Ави Беньямин, временный поверенный государства Израиль в России, писал:

«Как оценить храбрость мирного жителя, безоружного человека, изо дня в день рискующего своей жизнью и жизнью своих близких, чтобы спасти жизнь другому человеку, спасти её днём и ночью, без отдыха, без награды».

Елена Щербова вспоминает: *«... Она привезла нас к дяде Коле уже вечером, он боялся, чтобы соседи нас не видели – они знали и маму, и папу, которые бывали в этом доме в гостях. Оставаться там мы не могли. Так начались наши скитания. ... Меня решено было отвести к родственникам Александры... И меня кто-то увидел и сразу донесли... Меня приютила одна старушка... но там меня тоже засекли... Теперь такой момент настал, и я очутилась у тёти Гали...»*.

О днях оккупации вспоминает Галина Молоткова. Ей было в то время около пяти лет: *«Каждый шаг за дверью или шорох среди ночи приводил меня в ужас»*.

Холодеет душа, замерзаешь весь, когда читаешь воспоминания и переживших этот ад, и Праведника Мира Кабешевой Евдокии Семёновны, спасшей семью Галины.

Мир был расколот надвое, в результате чего образовалась глубокая трещина, прошедшая по жизням миллионов людей, оказавшихся по разные её стороны. Одни – это нацисты и изменники, предатели, которые были на их стороне, другие – спасавшие евреев от неминуемой смерти. И среди них, вспоминает Мирон Демб, был украинский парень, который, когда семью везли в лес, чтобы расстрелять, *«отдал маме все фальшивые документы и удостоверение личности и отпустил нас...»*.

«... «... деревьев становится всё больше ...» Всё правильно, Жозеф. У тебя сколько детей? Четверо. А внуков? Пятеро. Спасая тебя, отец Понс спас ещё девять человек. А в моём случае – двенадцать. В следующем поколении получится ещё больше. И дальше – всё больше и больше. Через несколько веков окажется, что он спас миллионы людей». (Эрик Эммануэль Шмит. Дети Ноя).

В Совете старейшин в Иудее, он же Верховный суд, он же Синедрион, верили, что **«Тот, кто спасает одну жизнь, спасает целый мир»**. Раньше я считал, что это мир одного человека. Нет, это мир миллионов людей, которые родятся от него и его потомков.

Груз памяти, стыда и ответственности лежит на народе Германии за прошлые деяния её нацистских руководителей. В 1991 году правительство во главе с Гельмутом Колем приняло историческое решение о приеме в страну евреев из Советского Союза с целью воссоздания численности немецкой еврейской общины в том же примерно количестве – 580 тысяч человек, в каком она была до начала их уничтожения. И сейчас ФРГ делает много, чтобы возродить былые дружеские отношения между немцами и евреями. Возможно, это акт покаяния. Возможно. Но не только покаяние является здесь движущей силой. Я уверен, что это ещё акт возрождения совместной жизни. И подтверждением этому могут быть слова великого немца Томаса Манна: «В еврействе я ощущаю тот же самый артистически романтический дух, который составляет суть немецкого духа».

Память о миллионах уничтоженных евреев увековечена во многих исследованиях, книгах, памятниках. Один из них, скромный, в виде стелы, на которой изображена звезда Давида, установлен в небольшом, с населением около 30 тысяч человек, городе Боркен (земля Северный Рейн-Вестфалия). На нём надпись:

«Мы допустили это и не подумали о последствиях. Сделали ли мы из этого вывод?»

Здесь, на бывшей площади Монахинь, 9-10 ноября 1938 года была разрушена синагога еврейской общины Боркена. Город помнит своих еврейских сограждан, которые, пройдя эмиграцию и изгнание, депортацию и убийство, были принесены в жертву национал-социалистическому деспотизму».

Германия совершила акт покаяния, но где был в это время остальной мир, допустивший эту катастрофу? Я не знаю ответа на этот вопрос. Наступила другая жизнь. Её дороги привели ав-

торов воспоминаний в Берлин, в Нюрнберг, в Бонн, в Мюнхен, в Дортмунд, в Дюссельдорф, в Кёльн и в другие города Германии, где возник национал-социализм и откуда он пришёл в Советский Союз, покорив перед этим многие страны Европы.

Все, кто читал книгу бельгийского писателя Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле», помнят слова Тиля: «Пепел Клааса стучит в моём сердце». Клаас, которого сожгли на костре, отец Тиля. Собранный в месте сожжения пепел мать Тиля зашивает в мешочек, который она сшила из двух кусочков ткани – красного и чёрного. Она вешает этот мешочек на шею сына и говорит: «Пепел – это то, что осталось от моего мужа и твоего отца. Красный цвет – это цвет его крови, чёрный – это наша **скорбь**. Носи этот мешочек на груди. Он всегда будет **взывать** к мести палачам». И каждый раз перед ответственным шагом Тиль повторяет: «**Пепел Клааса стучит в моё сердце**». Я уверен, что почти во всех еврейских семьях были жертвы Второй мировой и Великой Отечественной войн, в том числе жертвы Холокоста¹. **И они стучат в их сердцах**. Книг о Холокосте много. Они изданы в США, в Канаде, в Англии, в Израиле, в Германии, в России и в других странах. «**Взывающие Mahner**» – одна из них. В ней 600 страниц боли, 600 страниц слёз, 600 страниц скорби, 600 страниц зла, 600 страниц воспоминаний о том, что случилось, 600 страниц непонимания, как могло это случиться. Но не совсем так. В книге миллионы болей, миллионы страданий, унижений, смертей. Так правильней. Это **Страницы Памяти**. Эта книга – учебник истории, учебник, который нужно прочитать, чтобы узнать правду о войне. Ведь пишет же одна из авторов:

«... Уже больше двух лет я посещаю школы и рассказываю детям о Холокосте. И каждый раз снова удивляюсь, как мало люди в Германии – и дети в школах, в частности – знают о «тысячелетнем рейхе», который просуществовал двенадцать лет – с 1933 по 1945 год...».

¹ Холокост (греч. Holocausts) – сожжённый целиком.

Я читал книгу и слышал голоса авторов. Слышал и переживал вместе с ними. Мне кажется, что перед тем, как написать несколько страниц, авторы, уже в почтенном возрасте, сидели в кресле или на диване, прикрыв глаза, и вспоминали, вспоминали, вспоминали... Нет, не вспоминали, потому что этого забыть нельзя. Это им снится, может быть, не каждую ночь, но часто.

Всё проходит! Нет, не всё. Говорят, что в одну и ту же воду нельзя ступить дважды. Оказывается, можно. Мне страшно, но не за себя, так как я уже пожилой человек. Пожилой, значит поживший. В этом слове Жизнь звучит более выпукло. Мне страшно за своих дочерей, за их семьи, за их детей. Мне страшно за всё Человечество.

Волна

и

камень

Светлана ХУРАЛЕХ
Донецк

АХ, ЭТОТ РЫЖИЙ ФЕСТИВАЛЬ!
*(воспоминания о 2-м Международном фестивале
кукольных спектаклей малой формы в Москве)*

*Отбросим страхи и печаль –
Нам праздник уготован!
Ах, этот Рыжий фестиваль –
Он солнцем поцелован!*

Пролог

Когда из Москвы пришло приглашение принять участие в фестивале «Рыжее настроение» в «Рыжем театре», в голове сразу мелькнула мысль: «А что мы – рыжие?!» Мысль мелькнула и зависла: если мы не рыжие, то зачем нас приглашают, а если рыжие, то почему раньше об этом не знали?

А у Москвы не было времени на раздумья. От художественного руководителя Романа Светлова летели электронные письма, не смолкали телефонные разговоры. Москва торопилась с выбором спектакля. Спектакли малых форм у нас, конечно, были, но как-то не вписывались они в программу: «Скоро весна...» – не по сезону, «Дорога в Вифлеем» – фестивальный, но не мобильный, «Приключения Автомобильчика» – мобильный, но не фестивальный...

– Эх, – вздохнул по телефону Роман Валерьевич, – приезжайте в любом случае, но как бы хотелось, чтобы Донецк привёз что-нибудь такое...

– Какое? – спросили мы.

– Боевое, например, «Стойкий оловянный солдатик», – грустно сказал Роман, уже ни на что не надеясь.

– Есть у нас «Оловянный солдатик», – неуверенно признались мы, – но он же не для вашей сцены.

– Ничего, – радостно вскричал Роман, – втиснем, приспособим, разместим! Срочно шлите фото!

Пока мы фотографировали Солдатику и Балеринку, взбунтовались наши актёры-мастера и попытались вразумить директора: как так – в столицу – рядовой традиционный спектакль – со сроком давности – да это будет первая и последняя поездка в Москву!!! Но «рыжий» лидер был непреклонен:

– Только «Солдатик»! Уже заказаны афиши!! Приезжайте!!!

Легко сказать «приезжайте», а на чём? От самолётов и поездов нас война отучила. А найти подходящую для такого случая машину в Донецке оказалось проблемой. И тут возник на горизонте автобус из Макеевки. Если честно, не похож он был на транспорт для дальних перевозок. И похоже было, что водителей для поездки хозяин автобуса снял с макеевских маршруток. Оставалось два варианта: ехать чем Бог послал или не ехать вообще. Мы положились на Бога...

Навигатор приятным женским голосом подсказывал дорогу, но водитель принимал решения сам. Поэтому вскоре мы отбились от главной трассы, оказались в глухой безлюдной деревеньке и потеряли на этом больше часа. Вернувшись в исходное положение, водитель на радостях нажал на газ, но не заметил при этом лежащего полицейского, и мы просто чудом не вылетели из автобуса. Впрочем, после встряски как-то всё улеглось и пошло спокойнее.

К Москве подъезжали глубокой ночью. Вспомнили о навигаторе и поставили конкретную задачу: «Москва, Руднёвка, 4, Кожухово». И началось...

На улицах ни души. Спросить не у кого. Неловко, но звоним Светлову:

– Роман Валерьевич, извините, что поздно. Мы в Москве.

– Где именно?

– Бензозаправка. Бирюлёво.

– ??????? Вам надо выехать на МКАД...

Но что МКАД – Московская кольцевая автомобильная дорога, водители понятия не имели и карту в руках не держали. Всю ночь мы то заезжали не туда, то будили Светлова. Потом стало совсем стыдно, перестали звонить, долго ехали наугад, пока не доехали до... Калужской области.

...Снова подъезжали к Москве уже утром. Роман Светлов выехал нам навстречу. Мы приготовились услышать в свой адрес любые слова. Но распахнулась дверца, и наш автобус озарила солнечная светловская улыбка:

«С приездом, Донецк! Давайте обниматься!»

Вечером мы уже братались со всеми участниками фестиваля, и Роман Светлов со своей неизменной улыбкой блистал в роли хозяина и одновременно обаятельного Волшебника в рыжем цилиндре.

А потом «рыжая команда» под его творческим началом разыграла фантастическую музыкальную сказку «Затерянный мир» и с помощью зрителей зарядила главного героя Динозаврика такой позитивной энергией, что уже никто не сомневался в победе Добра над Злом.

Все – взрослые и дети – были довольны и счастливы.

Казалось, что сам Артур Конан Дойль улыбался с заоблачных высот. Кто-то мог подумать, что от его книги «Затерянный мир» в спектакле осталось одно название. Но позвольте возразить: а страсть к фантазированию? А динозавры и птеродактили? А неповторимый добрый юмор?..

Впереди нас ждали новые впечатления.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ТЕАТРАХ И СПЕКТАКЛЯХ

Москва, Россия.

**Театр кукол, теней и актёра «Отражение».
«Странный цирк Марка Шагала».**

*Театр – целая планета
И «Отражение» наших дней.
Цирк... Марк Шагал... Театр теней...
О сколько музыки и света!*

В одном интервью театр «Отражение» сравнили с планетой, притягивающей спутников. И это справедливо: театр действительно, как планета, не стоит на месте и движется вперёд во времени и пространстве. Впрочем, он способен перенестись и назад – на целое столетие... И вот на наших глазах на волшебном экране оживают одна за другой известные картины из «Цирка» Марка Шагала. Музыканты играют знакомую мелодию, гимнастка балансирует на проволоке и делает шпагат, жонглёр подбрасывает волшебные кольца... Всё взлетает, кружится... А шагаловские часы летят в вечном пространстве и, кажется, едва успевают следить за происходящим.

Но спокойствие: всему своё время. Точно в назначенный срок перед экраном появится Клоун и будто соединит прошлое и настоящее с помощью юных зрителей. Они поймут друг друга без всяких слов, на языке мимики и жестов, доброты и теплоты, которой наполнен актёрский талант главного исполнителя Бориса Чернышёва. Он на этой планете не только актёр, но и художественный руководитель, директор, режиссёр, художник, изготовитель кукол, вдохновитель своих спутников, своей космической команды.

Что ни спектакль, то новая орбита! Иногда просто головокружительная, как в Национальном шоу «Калинка-малинка». Ох, и наигрались-наплясались, и потешили-позабавили, и задуматься заставили зрителей! Вот уж театр «Отражение» действительно отражение – живой русской души и высокого мастерства!

**Любляна, Словения.
Кукольный театр «Фру-Фру».
«Мой зонтик воздушный шарик».**

*В театре кукольном «Фру-Фру»
Всё превращается в игру:
Взлетает мяч то там, то тут,
И шляпки, как цветы, растут!*

В переводе с французского «фру-фру» означает «шелест» – не то листьев, не то шёлковых женских юбок – словом, что-то едва уловимое...

Значит, Словенский театр придумал себе точное название. Ведь Ирена Райх Кунавер не только актриса, режиссёр, но и педагог. И учит она своих зрителей легко, естественно, едва уловимо – посредством игры. Конечно, вместе со своим неизменным партнёром Марьяном Кунавером – артистом, музыкантом, а также технологом по изготовлению кукол.

Зрители и не догадываются, что их учат фантазировать и творчески относиться к окружающему миру. Возможно, они поймут это, когда повзрослеют и вспомнят встречу с «Фру-Фру». А пока им просто весело и радостно участвовать в игре, ловить и отбрасывать мяч и помогать девочке-героине спектакля лететь на жёлтом зонтике, как на воздушном шарике, в волшебную страну, где растут шляпки.

**Ла-Шо-де-Фон. Швейцария.
Театр «Крок Гиньёль».
«Маленький круглый поросёнок».**

*В театре кукол «Крок Гиньёль»
Любой предмет играет роль,
И волшебство со всех сторон
Дарует нам Ла-Шо-де-Фон.*

Откройте Интернет – и вы узнаете, что этот город – памятник всемирного культурного наследия, крупнейший производитель швейцарских часов, родина выдающегося архитектора Ле Корбюзье и многое другое. Но после фестиваля «Рыжее настроение» при слове Ла-Шо-де-Фон первое, что мы вспомним, – это знакомство с маленьким, можно сказать, домашним театром «Крок Гиньёль» и его очаровательными актрисами Катериной Торренте и Вереной Тореа.

Несмотря на их почтенный возраст, показалось, что перед зрителями появились две девочки-подружки и разыграли незатейливую историю с маленьким упрямым поросёнком. Они существовали на сцене так естественно, трогательно и непосредственно, как бывает только в детстве. Можно сказать, что в игре их было что-то наивное. И в этом нет ничего обидного, если вспомнить, что наивизм – целое направление в живописи.

Из чемоданов извлекались различные предметы и на глазах публики оживали. И дети верили актрисам, понимали всё без перевода и помогали действию, когда было нужно, за что в финале получили вознаграждение – маленькие шоколадки.

А шоколад в Швейцарии отличается особым вкусом. Откройте Интернет – и вам это подтвердят.

Эгер, Венгрия.
Семейный театр «Микроподиум».
«Стоп тайм!»

*Он «Микросцену» подготовит
И заиграет на гармошке...
Он миг прекрасный остановит
И мир удержит на ладошке!*

Театр называется «Микроподиум», но Андраш Ленарт поистине Макромастер! Он не просто исполнитель и режиссёр, но также изобретатель, придумавший уникальный механизм, который позволяет делать с куклами чудеса: Клоун играет на гармошке, Русалочка перебрасывает с руки на руку мяч... А Балеринка будто сама парит во Вселенной... Такая маленькая, воздушная – просто дыхание перехватывает. Такая трепетная – просто ком подкатывает к горлу. Такая хрупкая, как наша жизнь... Кажется, Кукольник весь мир держит в своих руках.

Сколько детских и взрослых рук потянулось к Андрашу после спектакля, чтобы прикоснуться к его кукольному чуду! И Балеринка порхала с ладошки на ладошку... Вот она – всемирная гармония! Как будто нет на свете войны и горя... «Стоп тайм». Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

Эпилог

Пролетел фестиваль как одно прекрасное мгновение, но «Рыжее настроение» вошло в нашу судьбу и осталось в нашей душе. Мы поняли, что рыжий – значит, непохожий на других, единственный в своём роде. Рыжий – солнечный, который ищет в жизни доброе и светлое – не зря же лидер театра – Светлов. А если приходят какие-то испытания, ры-

жие не теряют надежду, сами и спешат на помощь ближним, даже если им звонят среди ночи. И если вдруг снова мелькнёт в нашей голове мысль: «Что мы – рыжие?» – ответ будет однозначным: «Да, теперь мы рыжие». Может быть, только Клоун из спектакля «Стойкий оловянный солдатик» уточнит: «Я не рыжий, а золотой!»

«ВСЕ ЦВЕТЫ ПРЕКРАСНЫЕ!»
*(впечатления от «особенного» фестиваля
 в городе Чебоксары)*

Всё началось со знакомства с директором Чувашского театра кукол на одном из российских фестивалей. «Хочу пригласить ваш коллектив в Чебоксары», – сказала она как бы между прочим. Я не приняла это всерьёз: где Чебоксары, а где Донецк? Да и война, к сожалению, у нас продолжается... Однако, оказалось, что Елизавета Ариевна Абрамова слов на ветер не бросает. Вскоре наш театр получил официальное приглашение на IV Международный особенный театральный фестиваль-форум, за ним последовали электронные билеты на проезд – отступить было некуда.

Мобильный спектакль (а другой в такую даль не довезёшь) упаковали в своеобразный сундучок, который таможенники называли по-своему.

– Что в шкатулке? – строго спрашивали они.

На что мы дружно и честно отвечали:

– «Цветное молоко».

Именно так называется спектакль по пьесе Владимира Орлова, получивший на фестивале диплом «за яркий и целостный художественный мир». Наивная история мальчика Миши, который приехал из города в деревню к бабушке и никак не мог понять: почему корова Маша ест синие незабудки,

жёлтые ромашки и красные маки, а молоко у неё – белое. Оказалось, что для молока важен не цвет, а польза, и ещё важно, что:

*Жёлтые и синие –
 Все цветы красивые,
 Белые и красные –
 Все цветы прекрасные!*

Эти слова будто о наших детях – не зря же их называют цветами жизни. И будто в унисон этой мысли прозвучал девиз фестиваля: «Одинаковыми быть нам не обязательно», ведь каждый ребёнок неповторим, у каждого своя судьба и мечта. Одни идут к ней чуть ли не с колыбели, и судьба включает им зелёный свет. А другие – особенные, с ограниченными возможностями здоровья. Они делают каждый шаг, преодолевая душевные и физические страдания. Это очень трудный путь, порой невыносимый. И хорошо, если рядом с особенными детьми оказываются особенные взрослые...

Именно такие и собрались на фестиваль в Чебоксары из самых разных уголков России и зарубежья: Татарстана, Мордовии, Дагестана, Чечни, Коми, Удмуртии, Башкортостана... Москвы, Парижа, Нижнего Новгорода, Воронежа...

Воронежский «Театр равных» выбрал для себя такое название, потому что в его спектаклях рядом с профессиональными артистами играют на равных артисты особенные. Спектакль «Дикий» по мотивам сказки Г.-Х. Андерсена «Гадкий утёнок», показанный на фестивале, о том, как важно и сложно быть со-

бой, верить в свои силы, преодолевать трудности, менять себя и мир вокруг, оставаясь личностью. Он прошёл на одном дыхании. Актёрский ансамбль был таким органич-

ным, что отличить обычных артистов от особенных если и удавалось, то с большим трудом.

Постановка Чувакского театра кукол «Сколько цветов у радуги» адресована детям с заболеванием «аутизм». Драма-

тургу Арнольду Бродичанскому (Германия) и режиссёру-постановщику Мишелю Розенманну (Франция) хорошо знакома эта тема. Главные герои сказочного сюжета – братья Гарик, особенный ребёнок, и Илья, его главный помощник, делают всё, чтобы старые игрушки – журавлик, бегемотик и попугай снова почувствовали себя нужными в этой жизни.

В зрительном зале рядом с нами оказался беспокойный мальчик-аутист с мамой, которая всё время успокаивала сына. Но едва началась сказка, как наш маленький сосед решительно направился на сцену. Мама смущённо последовала за ним и вернула на место. Не тут-то было – мальчик повторил свои действия, причём несколько раз. В итоге он остался на сцене,

и зал решил, что так задумано... Оказалось, вовсе нет – просто мальчик почувствовал свой мир, где ему комфортно...

Нижегородское театральное училище имени Е. А. Евстигнеева поразило публику спектаклем «Стойкий оловянный

солдатики» в нестандартной подаче. Перед представлением зрителям завязали глаза. Испытание непростое не только для детей, но и для взрослых. Но порой именно так и только так, оказавшись в реальной ситуации, можно понять человека, непохожего на всех.

Одним из самых ярких впечатлений фестиваля было посещение реабилитационного центра «Надежда». В фойе звучала музыка в исполнении квинтета юных особенных флейтистов. А на сцене инклюзивный театр особенных детей показал спектакль «Кошкин дом» С. Маршака. Выполненные профессионалами костюмы помогали каждому из юных артистов погрузиться в свой образ. Трудно было кого-то выделить – все играли искренне и с полной отдачей. После спектакля донецкие кукольники вручили исполнителям яркие поделки от особенных детей Донецкого реабилитационного центра с созвучным названием «С надеждой на будущее». А в конно-спортивном клубе «Отклик» нас ожидало знакомство с лошадьми, которые лечат особенных детей по-своему.

Программа фестиваля оказалась супернасыщенной и интересной не только для зрителей, но и для тех, кто работает с особенными ребятами, – социальных работников, врачей, психологов, педагогов, родителей. В ней были не только спектакли, но и семинары, мастер-классы, встречи с театроведами и режиссерами, тренинги (иппотерапия, сказкотерапия), кон-

ференция, круглый стол... Обсуждался широкий круг проблем: об особенной драматургии к спектаклям для особенных зрителей, о воспитании в обществе лояльного отношения к инвалидам, о разви-

тии партнёрских отношений с общественным движением, бизнесом, органами власти... Поистине государственный размах!

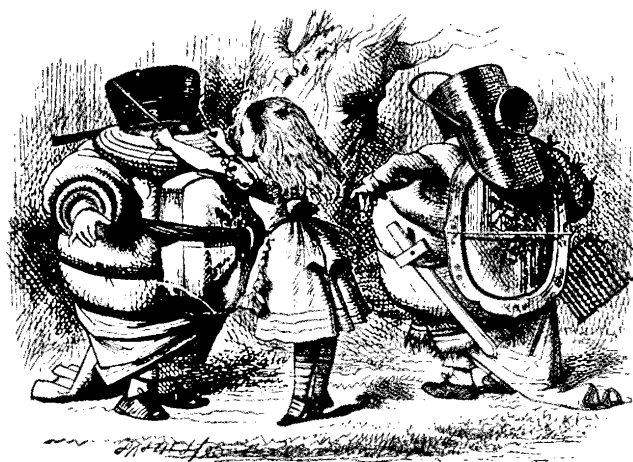
Так на деле и оказалось: проект проведения особенного фестиваля входит в государственную программу. И как тут не сказать добрые слова в адрес автора проекта! Елизавета Ариевна Абрамова – из категории «Женщина 1000 вольт». Однако одной энергии мало – нужен лидерский талант, чтобы создать и обратить в свою веру надёжную команду; яркая харизма, чтобы привлечь к фестивалю высоких профессионалов, и многие другие качества, которыми одарена хозяйка фестиваля... Но главное в этом человеке и яркой личности – умение любить. Она искренне любит своё дело, любит людей, любит жизнь. Она умеет вовремя протянуть руку помощи и ребёнку, и взрослому. И донецкая делегация ощутила это на себе. Спасибо ей за приглашение на фестиваль и за то, что мы почувствовали себя причастными к особенному миру.

И есть у нас мечта: пригласить Чувашский театр с ответным визитом в Донецк. В мирный Донецк.

*Светлана Куралех
г. Донецк*

Они сошлись

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Валерий Воскобойников пишет книги для детей уже больше 50-ти лет. О себе он говорит, что живет между Германией и Россией. Кроме повестей о современных детях у него много исторических книг. Его книжная серия рассказов о детстве великих людей, составившая большой двухтомник, награждена многими премиями, на международном конгрессе в Швейцарии включена в список лучших детских книг мира и получила Государственную премию правительства России в области культуры.

Из цикла «Жизнь замечательных детей»

КОГДА ПУШКИН БЫЛ МАЛЕНЬКИМ

(180 лет назад, 27 января 1836 года, на дуэли был смертельно ранен поэт А.С. Пушкин)

Когда Александр Сергеевич Пушкин был маленьким, он часто прятался в бабушкину корзину. Только мама соберется вывести его на прогулку, а сына уже нет. Сынок пробрался в бабушкину комнату и сидит, затаившись, в большой корзине для рукоделий. Но мама его вытаскивала, одевала и выводила на улицу. А на улице она заставляла сына то бегать, то прыгать, да еще постоянно покрикивала:

– А ну-ка меня догоняй!

Но маленький Пушкин усаживался на землю и не желал подниматься. И родителей такое поведение сына сильно огорчало.

– Не знаю, за что нам это наказание! – жаловалась мама, Надежда Осиповна, а папа, Сергей Львович, с ней соглашался:

– И то правда, уж больно он неуклюжий, толстый. Ему лишь бы за креслами прятаться, когда ко мне гости приходят, да пирожные со стола есть. И вот что, – добавил он однажды, поморщившись, – отправляй его в детскую, ежели у меня гости. Пирожные ему во вред, а наши разговоры нечего слушать – он их всё равно не понимает!

Но маленький Пушкин понимал, даже очень понимал! А гостями его отца были известные литераторы. Они читали вслух свои и чужие стихи, обсуждали новые книги. И Пушкин, спрятавшись за большое кресло, вслушивался в каждое их слово – ему были очень интересны эти разговоры. И, когда он услышал, что его не допустят к гостям, так испугался, что даже пирожные показались противными. А бегать, прыгать – разве ему не хотелось?! Еще как хотелось! Оставаясь один, он часто представлял, как бежит быстрее всех, и прыгает легче многих, и ловко так кувыркается. А все смотрят на него, удивляются, радуются. Во дворе никого не было, и он попробовал сам пробежаться – сначала в одну сторону, потом в другую. И несколько раз подпрыгнул. Ему это даже понравилось. Потому, что бегать, прыгать, когда самому хочется, а не когда тебя заставляют, – это так хорошо! И Пушкин в тот день бежал столько, сколько ему хотелось.

Через несколько недель отец вышел с друзьями из дома, вдруг видит: какой-то худенький мальчик пробегает мимо, подпрыгивая, и громко смеется. Всмотрелся: а это его сын, Саша!

– Ты заметила, какое у нас преобразование?! – спросил он жену.

– Конечно, заметила! – подтвердила мама и рассмеялась.

– Как же это случилось? Кто помог ему измениться?!

Сергей Львович так и не догадался, что это Пушкин сам себе помог.

Знаменитые родственники

Дом, в котором родился великий поэт, стоял на Немецкой улице. Теперь на том месте, недалеко от метро Бауманская, можно увидеть школу имени Пушкина, а напротив в скверике – бюст, изображающий поэта, правда, не новорожденного младенца, а человека лет 12-14.

Прежде это место было окраиной Москвы, но очень модной окраиной. Здесь, в Немецкой слободе, да еще и на Немецкой улице, селились знатные и богатые люди. Пушкины тоже были знатными, хотя и не очень богатыми, поэтому своего дома у них тут не было – они снимали квартиру.

За домом тянулся сад, который пересекал ручей по имени Кукуй, этот ручей впадал в речку Чечору, а Чечора – в Язу. Так было при маленьком Пушкине. Но теперь от них не осталось следов: и речка, и ручей давно уж текут по подземным трубам.

У Пушкина было много знаменитых предков. Некоторые совершали богатырские подвиги при Александре Невском. И про них мы знаем из древних летописей. Но маленькому Пушкину больше рассказывали о его прадеде, которого звали Абрам Петрович Ганнибал.

Это в России его так называли, а какое у него было настоящее имя – неизвестно. Дело в том, что прадед маленького Пушкина родился на юге Эфиопии, чуть ли не в Центральной Африке, и был сыном местного вождя. А когда ему исполнилось 8 лет, его похитили разбойники. Этот украденный мальчик оказался на невольничьем рынке в Турции, там его купил царский посланник Савва Рагузинский и в 1706 году привез в Россию – в подарок царю.

Кожа у подарка была чёрной, как ночь. И никто не знал, как этому мальчику было страшно очутиться в незнакомой холодной стране, среди белых людей, говорящих на чужом языке. Быть может, Абрам Петрович Ганнибал до старости вспоминал свое племя, родителей, родной свой язык, но не с кем было поделиться этими воспоминаниями. Хотя известно, что однажды какие-то воспоминания он написал по-французски, а потом сам же их и сжёг.

Имя, отчество и фамилию ему придумал царь Петр Великий, когда вместе с польской королевой его крестил. Абрам – это библейский Авраам, который заключил завет с самим Господом и от которого пошли великие народы. От Ганнибала тоже пошли известные люди, все больше военные, но один –

стал великим поэтом. А сам Абрам Петрович жил сначала при царе как живая игрушка, сопровождал его в походах и битвах, а потом, когда «живая игрушка» выросла и превратилась в красивого чернокожего юношу, Петр оставил его в Париже. Там Ганнибал прошел курс военного инженера, стал офицером французской армии, прославился в нескольких битвах и, наконец, вернулся в Россию. Во время смены царей его то отправляли в сибирскую ссылку, то возвращали назад, награждали орденами и деревнями. Абрам Петрович превратился в знаменитого строителя крепостей и генерала.

Таким был один из прадедов маленького Пушкина.

Няня Арина Родионовна

Хорошо разговаривать на иностранных языках, но еще важнее знать родной. Однако первые слова маленького Пушкина были французскими. А всё потому, что его родители и гости разговаривали друг с другом по-французски. Так было принято в те годы во многих образованных дворянских семьях. Ещё хорошо, что у Пушкина была няня Арина Родионовна и бабушка Марья Алексеевна.

Сначала Арина Родионовна нянчила старшую сестру Ольгу, которая родилась на год раньше. Но однажды, когда маленькому Пушкину было только несколько месяцев, он заплакал так, что никто не мог его остановить – ни мама, ни бабушка, ни приставленная к нему женщина. Тогда и позвали Арину Родионовну. И стоило ей прикоснуться к плачущему младенцу, как он сразу замолчал, потом улыбнулся, зевнул, а еще через мгновение спокойно заснул. Тут-то все и поняли, что лучше, чем она, няни быть не может. Поэтому Арина Родионовна вынянчила обоих детей. По вечерам она пела им колыбельные песни, днём играла в ладушки, а еще знала множество забавных историй, считалок, сказок. И скоро маленький Пушкин тоже повторял их наизусть. А спустя десятилетия вспомнил и

сам написал сказки, которые с тех пор знает каждый русский ребёнок.

Няня выросла в имении Ганнибалов под Петербургом и считалась их крепостной крестьянкой. Но в то время, когда родился Пушкин, Арина Родионовна уже не была крепостной. Бабушка Марья Алексеевна дала ей вольную, однако няня так и жила в их семье до конца жизни. Сейчас в деревне Кобрино под Петербургом есть избушка, которая стала музеем. Её называют домиком няни Арины Родионовны.

Бабушка Марья Алексеевна

Марья Алексеевна происходила из знаменитого рода Ржевских. Её дедушка был любимцем самого императора Петра Великого, и бабушка часто рассказывала про него внуку. В молодые годы она вышла замуж за младшего сына Абрама Петровича Ганнибала, но тот оказался никудышным мужем и постоянно над ней издевался. А потом отобрал маленькую дочку, а её, свою жену, выгнал из дома. Тогда за нее вступился другой сын Ганнибала, Иван Абрамыч, знаменитый герой, в честь которого императрица Екатерина II повелела поставить два памятника. Императрица пожалела молодую Марью Алексеевну, распорядилась вернуть дочь, а ещё императрица закрепила за ней деревню под Петербургом. Дочка выросла в Надежду Осиповну Ганнибал и стала мамой маленького Пушкина.

Потом у бабушки появилось новое имение – под Москвой в селе Захарове. Сейчас в это село легко приехать – оно совсем рядом с подмосковным городком Звенигородом. В имении кроме помещичьего дома был большой парк, пруд, по которому плавали на лодках, и деревня, где жили крестьяне. По вечерам оттуда доносилось пение крестьянских девушек. И маленькому Пушкину очень нравилось это пение слушать.

А сама бабушка Марья Алексеевна так красиво говорила по-русски, что многие удивлялись.

Стихи на березах

Родители были уверены, что по вечерам после ухода отцовских гостей сын немедленно засыпает. А на самом деле Пушкин ещё долго, лежа в постели, вспоминал взрослые разговоры, шутки, а также стихи, которые читали гости. И складывал собственные строки. Эти строки волновали душу, он их повторял раз за разом, и ему так хотелось немедленно записать их на бумагу! Только писать он еще не умел. И Пушкин часто мечтал о том, чтобы скорей пришли учителя и научили его писать! Засыпая, он много раз представлял одно и то же – вот он узнает, как пишутся буквы, и сразу запишет все стихи, которые успел сочинить. Наконец родители взяли ему французского гувернера. Он-то первый и обнаружил у маленького Пушкина тетрадь со стихами и пьесами. Но, скорей всего, это была уже не первая тетрадь. Поэтому никто точно не знает, когда Пушкин начал сочинять стихи. Ученые-литературоведы даже спорят, на каком языке эти стихи звучали – на русском или французском. Многие считают, что великий русский поэт первые стихи сочинял на французском.

В XX веке некоторые его детские стихи перевели с французского на русский и напечатали. А кое-какие строки можно было читать до конца XIX века на березах, которые росли в бабушкином имении. Потому что маленький Пушкин исписал своими стихами в бабушкином парке много берез.

Родители

Любому человеку нужна родительская любовь, и особенно – маленькому ребенку. Без любви он может заболеть и даже погибнуть. Но маленькому Пушкину этой любви не хватало. Его родителям почти всегда было некогда. Маму в обществе считали красавицей, папа – любил веселые беседы, дружеские застолья, и поэтому они с удовольствием ездили на званые

вечера и балы. Это потом родители стали гордиться его славой. А в семье они больше обращали внимания на старшую сестрёнку Ольгу и младшего брата Льва. И маленькому Пушкину казалось, что он растёт нелюбимым сыном.

К счастью, у отца было много книг на французском языке. И скоро родительское внимание стало ему не очень-то и нужным. Потому что главными его друзьями сделались книги. За несколько лет он перечитал всю библиотеку!

В Петербург

Когда Александру Сергеевичу исполнилось 12 лет, по велению императора Александра I для детей из уважаемых дворянских семейств открылся Лицей. Это событие считали тогда в России очень важным. Первый Лицей основал в Древней Греции великий философ Аристотель. Ученики и учителя прогуливались в том Лицее по аллеям красивого парка, присаживались на скамейки и свободно беседовали друг с другом на серьёзные научные темы.

С тех пор прошло больше двух тысяч лет. И теперь Лицей создавался в России. Император Александр хотел, чтобы из лицеистов получились высокообразованные люди, которые своими делами возвысили бы государство.

У Пушкина был дядя, тоже Пушкин. Его звали Василий Львович. Он считался известным поэтом. Он-то как раз очень любил своего племянника. Дядя жил то в Петербурге, то в Москве, у него было много знакомых при царском дворе, и они помогли записать племянника в это новое учебное заведение. Дядя перевез Пушкина в Петербург и поселил в своей квартире на Мойке. Вступительный экзамен принимал сам министр народного просвещения. Министр остался очень доволен познаниями Александра Пушкина, особенно его французским. Потом дядя возил племянника на примерку белья, мундира, ботфорт и сапог, треуговой шляпы.

19 октября 1811 года для Пушкина открылась новая жизнь. Лицейстов одели в мундиры и выстроили в большом зале, где перед ними произнес речь сам государь, а потом после обеда началось учение.

Учёба в лицее

Лицей поместили недалеко от Петербурга, в Царском Селе, и все шесть лет учёбы лицеистам было запрещено покидать это место, а родственников допускали к ним только по праздникам. Царь отдал для Лицея огромный флигель своего дворца. Все четыре этажа этого флигеля перестроили так, чтобы здесь, никуда не выезжая, могли жить, учиться и отдыхать пятьдесят юношей. На первом этаже были квартиры гувернеров, педагогов и служащих, на втором – столовая, больница с аптекой и актовый зал, на третьем – лицеисты учились и отдыхали: здесь были три класса – два для дневных занятий и один – для самостоятельных, вечером. Еще были: физический кабинет, комната для газет и журналов, библиотека, а на четвертом этаже дортуары – пятьдесят спальных комнат для лицеистов. В каждой комнате поставили железную кровать, комод, конторку с чернильницей, подсвечником и щипцами. Там были также зеркало, стул, туалетный столик. Комнаты отделялись перегородками, которые не доходили до потолка. Поэтому, укладываясь спать, лицеисты могли часами разговаривать с соседями.

Однако они быстро засыпали, потому что уже в 6 утра их будили звонком. Все одевались и собирались в зал на молитву, которую читали по очереди. С 7 утра до 9 шли занятия в классе. В 9 утра лицеистов ждал чай с булочками. Потом они прогуливались до 10. А с 10 до 12 продолжались занятия. С 12 до 13 дня была вторая прогулка. В 13 подавали обед, а с 14 до 15 занимались чистописанием или рисованием. С 15 до 17 лицеисты снова занимались в классе. В 17 лицеисты пили чай с чем-нибудь

вкусным. До 18 они в третий раз прогуливались в парке, а потом собирались в классе, чтобы повторять уроки.

По средам и субботам их учили танцам и фехтованию. Каждую субботу – устраивали баню. В половине девятого – раздавался звонок на ужин. А после ужина до десяти вечера отдыхали. И, наконец, в десять вечера снова шли на молитву, а потом расходились по комнатам и засыпали.

Лицейская дружба

Очень скоро каждый из лицеистов заблистал каким-нибудь даром. Один мгновенно вычислял на доске сложные примеры, другой – мог отлично фехтовать, третий свободно разговаривал на европейских языках, четвертый лучше всех играл в мяч, а Пушкин – знал лучше всех французских писателей и сочинял талантливые стихи.

Через год началось нашествие войск Наполеона на Россию. Его армии продвигались к Москве и грозили захватить Петербург. И тогда вся страна поднялась на защиту отечества. Мужчины из дворянских семейств отправлялись добровольцами на войну. Крестьяне, захватив вилы и топоры, собирались в партизанские отряды и подстерегали врагов на лесных дорогах.

Лицеисты тоже мечтали попасть на войну, но их не брали. А мимо окон один за другим уходили на смертный бой гвардейские полки. В этих полках шли их отцы, старшие братья, родственники. Прямо во время уроков лицеисты выбегали на улицу вместе с учителями, чтобы проводить воинов и, быть может, в последний раз обнять родных и знакомых. А усатые гренадёры осеяли их крестным знаменем.

Общая беда быстро подружила лицеистов. Но у каждого человека есть еще особенно близкие друзья. У Пушкина такими друзьями стали Иван Пущин, Антон Дельвиг и Вильгельм Кюхельбекер. Иван Пущин был соседом Пушкина, а к тому же – добрым и умным человеком, и они долгими вечерами раз-

говаривали через перегородку. А Дельвиг и Кюхельбекер писали стихи. Они часто собирались вместе и читали стихи друг другу. И Пушкин посвятил своим друзьям много стихотворений. Их можно прочесть в различных сборниках. А дружба, которая началась в детские годы, прошла через всю их жизнь.

Жуковский

Тяжёлая война закончилась полной победой, русские войска с триумфом возвращались из Парижа домой. Во время отечественной войны прославился поэт Василий Андреевич Жуковский. Никогда не служивший в армии, он, как многие, записался добровольцем, и главнокомандующий Кутузов назначил его писателем при своем штабе. В самые трудные дни для России Жуковский написал много воззваний к русскому народу, листовок, но самое главное – он сочинил стихотворение «Певец во стане русских воинов». Это стихотворение мгновенно стало известным и любимым. Его переписывали для себя и носили у груди многие русские офицеры, оно разошлось по городам страны. После войны Жуковского пригласили в царскую семью, преподавать русский язык великим князьям, а спустя несколько лет он стал воспитателем наследника – будущего царя Александра II Освободителя. В Петербурге Жуковский узнал о талантливом юном поэте, который учился в Лицее. Юношу звали Александр Пушкин. Несколько его стихотворений уже напечатали московские взрослые журналы. Многие стихи ходили в списках.

Однажды утром Жуковский сел в коляску и отправился в Царское Село, чтобы встретиться с Пушкиным. Дорога занимала немало времени. Узнав, что в Лицей приехал сам Жуковский, педагоги освободили Пушкина от урока. И вдвоем – два поэта: знаменитый и юный – долго прогуливались по аллеям парка. Столько стихов сразу Пушкин не читал никогда в жизни. Возможно, он прочитал Жуковскому полное собрание

своих сочинений. Жуковский вернулся в Петербург потрясённый. И на утро написал другу и поэту – князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Я сделал ещё приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти нашему будущему гиганту, который нас всех перерастёт».

А, спустя несколько лет, когда Пушкин, уже выйдя из Лицея, создал первую большую поэму «Руслан и Людмила», Жуковский подарил ему свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

Старик Державин

Если Жуковский был в те годы самым любимым поэтом, то поэтом самым главным считали Гаврилу Романовича Державина. Он прославился ещё в 1782 году своей одой «Фелица», в которой воспел императрицу Екатерину II. А когда Державин написал оду «Бог», то стал первым русским поэтом, знаменитым в Европе. Эту оду перевели на все европейские языки и даже издали в Японии. В одной только Германии ее переводили 6 раз, а во Франции – 15. Военную службу Державин начал простым солдатом, а потом кем только не был – и губернатором, и сенатором, и министром. Кабинеты и должности его часто менялись, но одно оставалось постоянным – он любил поэзию. И когда 8 января 1815 года в Лицее устроили публичный экзамен, он стал самым почётным гостем.

Александр Пушкину было 15 лет. Он очень волновался, узнав, что его будет экзаменовать сам Державин. Но, когда его вызвали, и он громко начал читать собственное стихотворение, которое называлось «Воспоминания в Царском Селе». Его волнение, как у настоящего артиста, сразу переросло в воодушевление. Друзья-лицейсты эти стихи уже знали, но теперь, затаив дыхание, они как будто впервые вслушивались в знакомые строки. А когда юный поэт умолк, старик Державин

соскочил со своего места и бросился его целовать, а потом, обняв, перекрестил, благословляя на служение музам. Друзья в эти мгновения благоговейно замерли, а когда пришли в себя и тоже захотели обнять своего товарища, Пушкина уже не было – от волнения он убежал и спрятался.

Гадалка Кирхгоф

Казалось бы, совсем недавно дядя Сергей Львович Пушкин привез любимого племянника на приёмный экзамен к министру народного просвещения. С тех пор прошли шесть лет, и племянник превратился в юношу, стихи которого с удовольствием читал, переписывал и передавал дальше весь образованный Петербург. 9 июня 1916 года лицейстов последний раз собрали в актовом зале. Царь произнёс перед ними торжественную речь. Выпускные экзамены были уже сданы, вещи собраны, и они разъезжались по своим семьям. Через несколько дней их ждало назначение на государственную службу.

Пушкин мечтал о министерстве иностранных дел. Но только туда было очень трудно попасть. Он поселился в Петербурге, и тут же с ним случилось загадочное происшествие.

На улице он встретил знакомого по Царскому Селу капитана лейб-гвардии Измайловского полка.

– Иду к знаменитой гадалке Кирхгоф, – сообщил капитан. – Хотите, заглянем вместе.

Гадалка попросила Пушкина протянуть ладонь и долго разглядывала на ней линии.

– У вас удивительная судьба, молодой человек, – сказала она наконец. – Вас ждёт очень большая слава. Кстати, сегодня вечером вы получите важное сообщение. Завтра вам доставят солидную сумму денег. Но самое главное – вы проживёте долго, если только вас не убьёт из-за женщины человек с белыми волосами. Теперь давайте вашу ладонь, – обратилась она к капитану.

И капитан, весело улыбаясь, протянул руку.

Гадалка нахмурилась, а потом печально проговорила:

– Вам тоже угрожает насильственная смерть, но боюсь, что это случится очень скоро.

– Выбросьте это из головы, – сказал весело капитан, когда они вышли на улицу, – глупая ведьма готова болтать что угодно, лишь бы вытянуть деньги.

Пушкин тоже был рад засмеяться. Ни важных сообщений, ни денег он не ждал ниоткуда. Однако предсказания гадалки стали сбываться с поразительной скоростью. Через несколько часов он был на балу, а когда все расходились, к нему подошел чиновник из министерства иностранных дел.

– Рад поздравить вас с назначением по нашему министерству. Сегодня ваши бумаги подписаны.

Для Пушкина это было очень важное сообщение.

Утром, едва он проснулся, к нему явился знакомый, который был должен солидную сумму денег.

– Знаете, Пушкин, я уезжаю за границу, и решил расплатиться с долгами.

А еще через час к нему постучал плачущий солдат, денщик того самого капитана, вместе с которым они вчера заходили к гадалке.

– Барина ночью убили! – с трудом прерывая рыдания, выговорил денщик.

Так быстро сбылись вчерашние предсказания. Правда, остались еще два – про славу и человека с белой головой.

Солнце русской поэзии

Александр Сергеевич Пушкин погиб, защищая честь своей жены, которая была одной из самых красивых женщин в Петербурге. Стрелял в него человек «с белой головой» – блондин, приехавший из Франции, по фамилии Дантес. Так сбылось еще одно предсказание.

Десятого февраля (если считать по новому стилю) 1837 года в третьем часу дня Россия лишилась великого поэта. Его неожиданная смерть взволновала не только отечество, но и Европу. Главные газеты Германии и Франции несколько дней после его кончины рассказывали о жизни Пушкина, о его стихах. Вспоминали предсказания...

Но, конечно, он стал гениальным поэтом вовсе не потому, что ему однажды об этом сказала гадалка. Просто он таким родился. И другого такого поэта на Руси прежде не было! Никогда.

Прежние поэты в стихах величали все больше царей и цариц, а также их родственников. И лишь учителя Пушкина – Николай Михайлович Карамзин и Василий Андреевич Жуковский – первыми стали писать для простых русских людей. Об их переживаниях. Тем языком, на каком эти люди говорили. Но оба талантливых писателя сами признали, что ученик быстро их обогнал. Ему исполнилось двадцать с небольшим лет, а его читала уже вся Россия. Стихи Пушкина посылали любимой девушке и близкому другу. Его поэмами зачитывались дети, знатные дамы и обыкновенные старики.

Александр Сергеевич Пушкин показал миру, как богат и благозвучен наш родной русский язык. Строки Пушкина и сегодня звучат как прекрасная, волшебная музыка, но одновременно они полны глубокого смысла, и каждый читатель открывает в его поэзии то, чему радуется или печалится его собственная читательская душа. С Александра Сергеевича Пушкина началась великая русская литература. Поэтому современники называли его «Солнцем русской поэзии».

Анна ИГНАТОВА

Санкт-Петербург

Анна Игнатова живёт в Санкт-Петербурге. Её повести про современных школьников, а также книги стихов пользуются большим успехом у юных читателей. У неё много и других талантов: она занимается велосипедным спортом, спасает заблудившихся людей в лесу, а ещё – лепит удивительные скульптуры из пластилина. Её «пластилиновая корова» была эмблемой на Международной книжной выставке в Таллине, книжные издательства постоянно просят её иллюстрировать книги для детей своими произведениями из пластилина. А когда-то после окончания Педагогического университета она была просто учительницей русского языка.

Вышла из дома старушка...

Вышла из дома старушка
За хлебом и сладкой ватрушкой.
В вязаной кофте, с зонтом
В ближайший пошла гастроном.
Всего-то – проспект перейти,
Да лужа лежит на пути.

Большая, глубокая лужа,
Речки нисколько не уже.

Старушка подумала: «Ой!
Может, вернуться домой?»
А хлеба купить на обед?..
Старушка решила: «Ну нет!»

Направо она повернула
И лужу почти обогнула.

Гордится собою старушка!
Но тут пронеслась легковушка...
По луже промчалась она,
За ней накатила волна.

Старушка шарахнулась: «Ой!»
И снова пошла стороной.

Лужу почти обогнула...
Но тут небосвод затянуло –
Обрушился ливень стеной!

Старушка подумала: «Ой...»
И зонтик из сумки достала.
А лужа тем временем стала
Вполне полноводной рекой.
Не лучше ль вернуться домой?
И чаю попить без ватрушки?
Но нет! Не сдаются старушки!

В зонтике, будто бы в лодке,
Старушка сидит посередке,
Сейчас приплывёт к магазину!
Но зонт попадает в стремнину,
Стремнина впадает в канал!
Ну и дела! Кто бы знал!

Старушка подумала: «Ладно.
Вернусь по каналу обратно.
Скоро увижу причал...»
А ветер заметно крепчал.
Кофта надулась, как парус.
Сверкнул на манжетах стеклярус!
Глаза от испуга закрыв,
Выходит старушка в залив!

Чуть с сухогрузом не сшиблась –
Галсом немного ошиблась...

«Однако... – вздыхает старушка. –
Случилась со мной заварушка!
Мчусь по простору морскому
И, кажется, не к гастроному...»

Штормом слегка опечалена,
Промчалась она мимо Таллина.
Прикинув на глаз навигацию,
Прошла Нидерланды и Францию...

Тут штиль начался, как назло!
Пираты ей дали весло.
Лихой боевой адмирал
Ей руль подарил и штурвал...
И даже один папуас
Ей дал ананас и компас.

Старушка гребёт, поспешая:
«Какая же лужа большая!
Ишь, разлилась по планете!»

А между тем в Интернете
Следят за круизом старушки.
В зонтике плыть – не игрушки!
Камчатка, Мадрид и Бейрут
Её отмечают маршрут.

(Конюхов нервно вздыхает –
Он с лодкой своей отдыхает).

Зонт оснащён, как фрегат!
Вот показался Кронштадт.

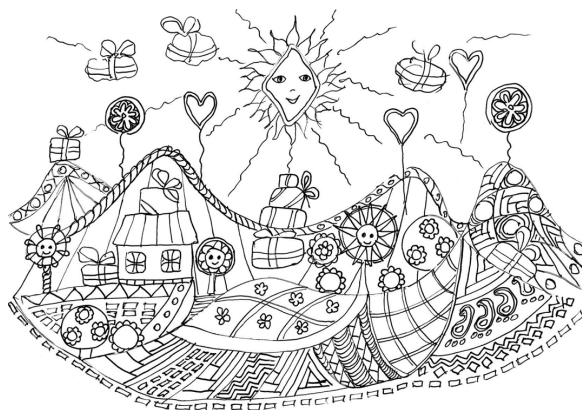
Батюшки, надо же, дома!
Её у дверей гастронома
Встречают фанаты и пресса
И представитель собеса.

Вернулась старушка обратно!
Ей тут же вручают бесплатно
Хлеба десяток буханок,
Целую связку баранок,
Конфет шоколадных корзинку
За мощный пиар магазину.

Всё это забрав и ватрушку,
Домой воротилась старушка...
Кофту повесила в шкаф,
В чайник добавила трав:
Мяту, малину, чабрец.
Можно теперь наконец
Чаю спокойно попить...

Сахар забыла купить!

Вышла из дома старушка...

Елена АЛБУЛ

Москва

Елена Албул живет в Москве. По профессии она музыкант и часто выступает на концертах.

Её родной инструмент – скрипка. А ещё с раннего детства она сочиняет стихи. И сборники её стихов награждены несколькими всероссийскими премиями.

В невидимой стране

Гудит в моей машине
Невидимый мотор.
Ведёт мою машину
Невидимый шофёр.
За папиным диваном
Невидимые страны,
Но как до них добраться?
Мешает мне ковёр.

В ковре колёса вязнут
И поднимают пыль –
И в ворсе непролазном
Застрял автомобиль.

Мотор ревёт натужно –
Включаем задний ход.
Назад поехать нужно,
Чтоб двигаться вперёд!

И вот я очутился
В невидимой стране.
Невидимые жители
Навстречу вышли мне.

И вынесли на блюде
Невидимый пирог,
И с ними очень весело
Я пообедать смог.

Потом играть мы стали
В невидимый футбол...
Вдруг слышу мамин голос:
«Немедленно за стол!
Бросай свою машинку –
Обед успел остыть!»
А я уже обедал.
Ну как ей объяснить?!

Про осу и тирамису́

Из модной кондитерской лавки несу
В нарядной коробочке ТИРАМИСУ.
Смешное название вслух повторяю,
Свободной рукой отгоняя осу.

А рядом не просто летает оса –
Ей, видно, понравилась ТИРАМИСА.
За запахом сладким из яркой коробки
Готова лететь хоть четыре часа!

Совсем не хочу я делиться с осой
Такой замечательной ТИРАМИСОЙ.
Скорее бегу от неё я вприпрыжку,
Но вдруг спотыкаюсь и падаю!.. Ой!

Вкуснейший десерт на асфальте лежит.
Оса надо мною сердито кружит.
К чему-то внимание моё привлекает
И по-итальянски мне что-то жужжит.

Внимательно слушаю лёжа осу.
Она повторяет мне: «ТИРА МИ СУ!»
И, чтоб объяснить, что к чему, попонятней,
Устроиться хочет на самом носу.

Оса говорит: «Почему-то у всех
Название это встречает лишь смех.
А по-итальянски оно означает
Простые слова: ПОДНИМИ МЕНЯ ВВЕРХ!»

Себя поднимая и ТИРАМИСУ,
Хочу за урок угостить я осу.
А как доберусь, наконец-то, до дома,
Так новыми знаниями всех потрясу!

Теперь совершенно нетрудно понять
(И правило это всегда применять!),
Что, как ЖАЛЮЗИ, ПИАНИНО и КОФЕ,
По-русски нельзя это слово склонять!

Анастасия ОРЛОВА

Ярославль

Анастасия Орлова живет в городе Ярославле. Она начала писать стихи ещё маленькой девочкой. С девяти лет эти стихи уже стали печатать настоящие журналы. Сейчас она в основном пишет для самых маленьких детей. И эти ее книги постоянно получают премии на литературных конкурсах.

Я рисую человека

Я рисую человека:
Руки, ноги, голова...
В голове цветные мысли
И округлые слова.
А в груди у человека
Расцветает не спеша,
Как ромашка полевая,
Белоснежная душа!

Мы едем на море

Мы едем на море,
Мы едем на море,
Мы с морем любимым
Увидимся вскоре.
И море волною
Навстречу рванётся,
Да как заискрится!
Да как засмеётся!
Я брошусь в объятия
Зелёной волне!
Ах, море, ты тоже
Скучало по мне!

Один день из жизни мальчишкиной варежки

Весь день на морозе рука меня грела,
И я укрывала её,

как умела.

Потом подружилась с хорошей перчаткой,
За пальчик её подержала украдкой.

Я крепко пожала четыре руки.

Я трогала снег!

Я играла в снежки!

А как снегоходом я лихо рулила!

Хоть снегом залипла и чуть не простыла,

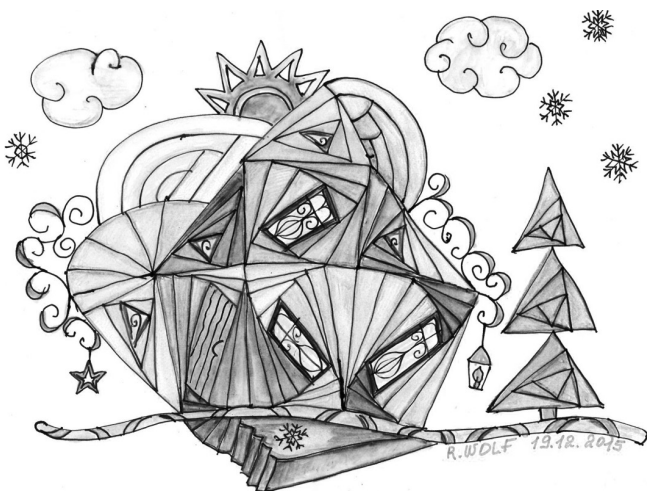
Хорош был денёк!

Обниму батарею,

Все старые ниточки за ночь прогрею.

На вязаном сердце тепло и легко,

И, кажется, так до весны далеко!

Талина СКУТТЕ
Вуипперталь

Если кто-то отстал

Случилось отстать от семейства утёнку,
Бежит-ковыляет за нею вдогонку.
Заметила мама потерю Тимошки,
Устроила деткам привал у дорожки.
Они загалдели:
– Кря-кря и кря-кря!
Прервала поход наш ты, мамочка, зря!
Им утка в ответ:
– Никогда и нигде
Нельзя никого оставлять нам в беде...
А вот и Тимошка
Бежит, спотыкается –
На слабеньких ножках
Догнать нас пытается!

Зайцы-кролики

Рано утром на лужайке
Танцевали «польку» зайки,
А их братья – кролики
Раздобыли ролики,
Носятся по луку,
Шумят на всю округу.

Родительское чудо

У двугорбого верблюда
Сыночек родился – просто чудо:
Пушистенный, глазаственный
И, в папочку, – горбастенный.

Считалочка

Шла улитка по делам
По равнинам и горам.
Ей доверили пакет.
– А в пакете что?
– Секрет!
Шла день первый,
День второй,
Третий,
Пятый и шестой.
Наконец конец пути.
Но пакет ей не найти.
Он утерян в день какой?
Третий, пятый иль шестой?

Ещё считалочка

Бар-ра-ку-да,
Бар-ра-куда!
Ты
Куда
Плывёшь,
Откуда?
И откуда
и куда?

Где
Твой
Дом,
Вода,
Еда?

Хвастливый петушок

1.

– Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Перейду вброд эту реку.
– Ручеёчек, а не реку.
– Да, а всё же – ку-ка-ре-ку!!!

2.

Ку-ка-ре-ку! Ко-ко-ко!
Я взлетаю высоко!
Не домашняя я птица!
Я теперь – орёл на спице!
Мощны крылья!
Зорко око!
Только очень одиноко...

Весёлый дождь

Дождь сегодня не простой,
А мальчишка озорной.
Он ничуть не плачет,
Мячиком по пыли скачет.
И играет в догонялки,
Прятки, даже в щекоталки.
Вот залез ко мне в подмышки,
И, как младший мой братишка,
Потихонечку щекочет.
Я смеюсь! И он хохочет!

Не потому ли?

Крошка-жучок в униформе
Парадной,
Такой красивый, такой
Нарядный...
С тлѣй расправляешься
Быстро и ловко.
Не потому ли ты
Божья коровка?

Я играю

Я сижу здесь
Не без дела –
Кошкой стать
Я захотела.
Здесь я мышку
Стерегу.
Но об этом –
ни «гу-гу»!

Валентина ПЕТРУСЕНКО
Село Демидов Киевской области

Накануне Рождества

Пауки и паучата,
Сноровистые ребята,
Украшали ёлочку –
Каждую иголочку
Тонкой, нежной паутиной,
Будто ярким серпантином,
В ожиданье торжества
Накануне Рождества.

Незванный гость

Мышка в норку забежала,
Таракана увидала.
Глазками захлопала,
Лапками затопала:

– Ах ты, старый дедуган,
Рыжий мерзкий таракан!
Убирайся по добру,
Полезай в свою нору.

И давай его гонять,
И пинать, и выметать –
И метлой, и кочергой.
Еле он удрал домой.

Кузнечик

Поиграй мне на свирели,
Дуй сильнее в дуду.
Гоп, кузнечик, веселее,
А я прыгать буду.

Старичок

Весёлый старик из Гонконга
Плясать научил поросёнка,
И кошку немножко
Играть на гармошке.
Такой вот старик из Гонконга.

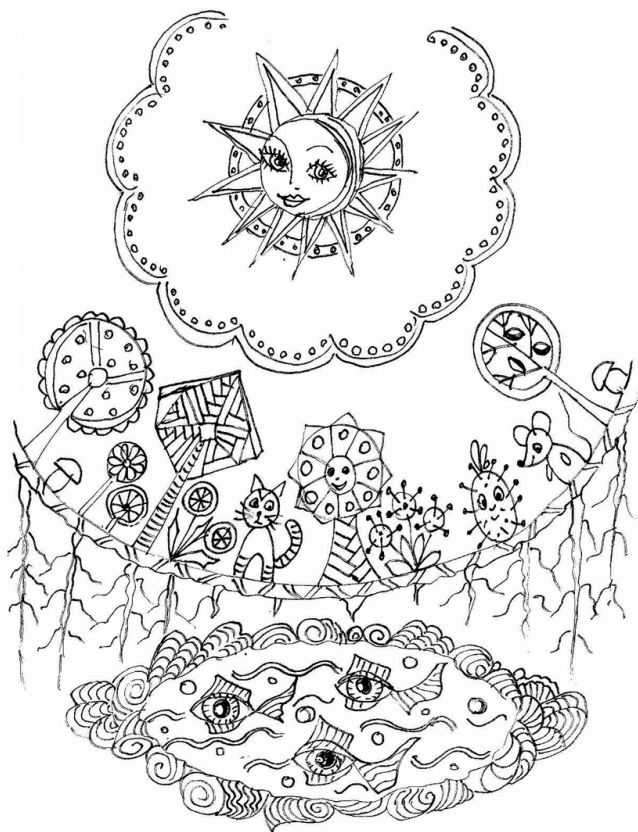
Эх, прокачу!

– Что ты, Тишенька, молчишь,
Целый день не ешь, не спишь?
– Луноход я мастерю.
Я бабуле говорю:
«Как шурупчик докручу,
Так тебя и прокачу».

Весёлая полянка

Возле леса на полянке
В пляс пустились две поганки.
А за ними рыжик
Прыгает, как чижик.
Старичок-боровичок
Поднатужился – прыг-скок...

Эй, лисичка, поспеши,
Побыстрей и ты пляши!
Зазеваешься немножко,
Попадёшь ко мне в лукошко.
А с лукошка – в супчик.
Берегись, голубчик!

Димма ХОПЫТКОВА
Екатеринбург

Рябинушка

Солнце красным мячиком
Спряталось в рябинушке.
С красками в карманчике
Подошла Иринушка.

Алой зорькой вызрела
Гроздь витиеватая –
И застыла брызгами
На листочке ватмана.

Вот уже и зимушка
Куролесит белая.
Снегири рябинушку
Расклевали спелую.

Над столом Иринушки
Осень не кончается –
И горит рябинушка,
Только не качается.

В парке

Мы вдвоём с подружкой Машей
Шли в панамках в парке нашем.
Ветер свистнул по аллее –
И панамки улетели.

И висят теперь на ёлке,
Зацепившись за иголки.
Нам их с Машей не достать,
В них синички будут спать.

Цветочек

На столе стоял горшочек,
В нём цвёл аленький цветочек.
Я на цыпочки привстала
И его поцеловала...

На полу лежит горшочек.
Рядом аленький цветочек.
Маме правду я сказала:
«Я его поцеловала».

Рыбак

Стою я с удочкой в руке.
Бегут барашки по реке.
В траве поёт сверчок.
Стою я с самого утра,
Поймать хочу я осетра
Сегодня на крючок!

Но только вот у нас живёт
Мой ненасытный рыжий кот,
Он мне как будто брат.
Поймаю лучше я кита
И вдоволь накормлю кота –
Он будет очень рад!

Рената ВОЛЬФ
Дуйсбург

Колыбельная для медвежонка

Медвежонка звали Тяпа,
Он сосал в берлоге лапу.
Мама спать ему велела
И такую песню пела:

– Наступают холода,
Мишки спят зимой всегда,
Ты один у нас не спишь,
Закрывай глаза, малыш.

Бродят по лесу метели,
Теребят за лапы ели,
Старый дедушка Мороз
Щиплет всех зверей за нос.

Зайка спрятался в сугробе,
Белка – в домик на сосне...

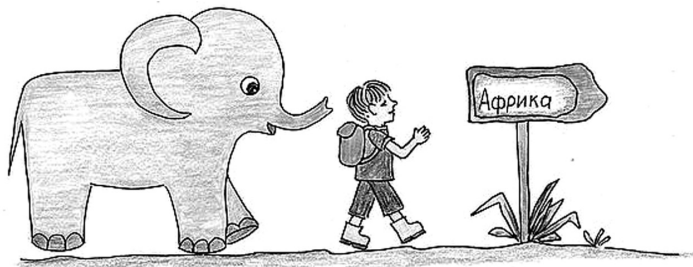
Медвежонок спит в берлоге,
Улыбается во сне.

Сон и слон

Снится Мише странный сон –
Заблудился в поле слон,
И дудит он: – Ду-ду-ду,
Как домой я попаду?
Ду-ду-ду и ду-ду-ду,
Пропаду я, пропаду!

Путь домой найти не может.
Кто бедняжке поможет?
Вон в траве сидит лягушка...
Не лягушка, а подушка.
Под кустами чьи-то лапки...
Оказалось, это тапки.
Там за деревом волчок...
Не волчок – половичок!

Пробудился мальчик Миша,
Проворчал он:
– Ну-ка, тише.
Полезай ко мне в кровать
И ложись скорее спать.
Мы ещё поспим немного
И отправимся в дорогу,
И до Африки вдвоём
Обязательно дойдём.

Осенняя мышь

Ветер ветки обнимает
И листочки обрывает.
Кто под деревом шуршит?
Это мышь домой спешит.
У нее в уютной норке
В кладовой запасов горки.
Ей метели не страшны –
Хватит зёрен до весны.

Мудрый совет

От дождей вода в кадushке,
А в кадushке две лягушки,
Две поющие подружки
С нудной песенкой «Ква-ква»...

Смолкли? Скачут по дорожке?
Поскорей жуки и мошки,
Уносите крылья-ножки,
А не то вас всех съедят!

А когда они устанут,
И ловить вас перестанут,
И в кадushке квакать станут –
Потерпите, пусть поют.

Анна ЛУКАШЕВА
Донецк

Балконный сад

Где-то природа, деревья и сад,
Груши и сливы на ветках висят.
А у меня вместо сада – балкон
И за окошками город-дракон...
Словно принцессу, меня сторожит,
Ну а тем временем лето бежит.

Мне бы на травку, на берег реки.
Яблок набрать бы в обе руки,
Хоть на денечек – порадовать взгляд...
А на балконе прищепки висят.
В сад свой балконный приду поутру,
Спелых прищепок ведро наберу.

Опять несла его рюкзак

Опять несла его рюкзак,
И защищала от собак,
И проводила до угла,
И слойку с маком отдала.

Смеются надо мной друзья,
И мама говорит: «Нельзя!
Должно быть все наоборот.
Пускай он твой рюкзак несет».

Ну что плохого – не пойму?
Хочу понравиться ему.
И отвечаю маме так:
«Кто любит, тот несет рюкзак!»

Кашебой

Я придумал кашемёт,
А Никита – кашелёт,
А Серега – кашеплыв,
А Илюха – кашевзрыв.
Только бабушка вошла,
Тряпки в руки нам дала,
И на кухне кашебой
Превратился в кашемой!

Дикий борщ

У мамы борщ домашний.
Пусть даже и вчерашний,
Он пахнет очень вкусно –
Томатно и капустно.

Другое дело – папа.
Когда начнет он стряпать
Без кулинарной книги,
То борщ выходит «дикий».

Ужасный он на вкус,
И я его боюсь!

Жадина

Для котят есть ирис:
Называется «Кис-кис».
Для козы есть козинаки,
Для пчелы – конфеты «Маки»,
для коровы есть «Му-му»...
Но я не дам их никому!

Размышления кота

Раз!
Мышь!
Лень и Я!
Это – РАЗМЫШЛЕНИЯ.

Елена МОРОЗОВА

Донецк

АНЕЧКА

Ангелочка купила утром. Он был не керамический – живой.

Товар из-под полы бойко шёл на птичьих рядах рынка. Говорили, что подворовывают в институте аномальных исследований.

Имя своё крохотное существо получило от свечения «нимб» над головой. Знающие люди говорили, что хлопот с ним никаких, а утешает.

Те же знающие люди советовали приготовить кроватку, комнату хорошо проветрить. И чтоб вид был из окна. Вид обязательно. На небо. Есть-пить им не нужно, а красиво чтоб было.

На рынке конспиративно прошлась туда-сюда вдоль клеток с попугайчиками. Наконец девица за прилавком кивнула мне.

– Триста пятьдесят за одного, – в её голосе не было сомнения насчёт моего визита.

– Дороговато, – промямлила я.

– Так больше же никаких расходов! А пользы – КПД сто процентов! Или берите канарейку. Поёт, как в раю!

Оглянулась на мгновенно притихших птиц, настороженно блестящих глазом.

Махнула неопределённо.

– Товар хороший! Не пожалеете! Вам девочку или мальчика? Девочки в платьицах. Мальчики в штанишках.

– Мне всё равно. Главное, чтоб утешал.

– Это они умеют! – гордо заявила продавец, и в её хриплом голосе отметились мягкие нотки. – Не пожалеете! Давайте триста – и он ваш!

Я отсчитала деньги. Девушка ловким движением опустила в мою сумку коробочку, перевязанную атласной лентой.

Бережно прижимая попку к груди, я вернулась домой.

Ангел не смотрел на меня. Его нежное личико было опущено, он сидел в упаковке, обхватив ножки. У меня ёкнуло сердце.

«Беленький, а крылышки, словно накрахмаленные!» – подумала я.

Подала палец, но ангел не шевельнулся. Тогда я осторожно пересадила его на убранную шелками кровать.

С этого дня, если туго приходилось, смотрела на ангела и утешалась. А он не смотрел на меня. Он смотрел вдаль. Меня это смущало. Я тоже пыталась посмотреть вдаль, но там ничего не было, кроме дали.

Однажды ко мне пришла в гости подруга с дочкой – девочкой пяти лет.

– Ма! Какая куколка! – завизжала та от порога.

Так я и знала! Уже тянется к ангелу. Сейчас задавит его или уронит.

Я подскочила:

– Нет, нет! Не трогай! Он хрупкий!

– Тёть Лен! Тёть Лен, я только дотронусь.

– Ладно. Но очень осторожно, – смиростивилась я, поймав жадный взгляд девочки.

Аня протянула короткий палец, и мой ангел вдруг ухватил его. Девочка вытаращила глаза, обомлела.

На эту сцену я поглядывала с интересом. Со мной он себя так не вёл никогда. Он вообще со мной себя никак не вёл.

– Тёть Лен! Тёть Лен, а можно я его поглажу?

– Погладь, – разрешила я, чувствуя, как ревность сжала сердце.

Аня не дыша, поджав пухлые губы, стала водить указательным пальцем по ангельской головке. Мой ангел повёл себя, словно котенок, которого чешешь за ушком. Он расправил крылышки, порозовел, только что не мурлыкал.

– Тёть Лен! Тёть Лен, ему нравится, да? – Аня повернулась ко мне, раскрасневшаяся от внутреннего напряжения.

– Возможно, – в моём голосе появилась сухость.

В том, что ангелу общение с ребенком доставляло удовольствие, я уже не сомневалась.

– Ма-а-а, я тако-о-го ангелочка хочу, – заняла в сторону подружки девочка.

– Сколько отдала? – деловито спросила мама Ани.

– Триста.

– Дорого!

– Ма! Ма-а-а! Не дорого! Не дорого!

– Ой, что бы ты понимала! – вздохнула подруга.

С уходом гостей ангел снова принял позу глядящего вдаль.

Разнервничалась. Даже разозлилась. Ах ты бестия! Делая уборку в комнате, излишне шумно передвигала вещи. А чего я, собственно, хотела? Купила смотреть и утешаться.

Но с этого дня ангел перестал меня утешать. Теперь я хотела большего. Теперь я хотела ответного чувства. Но мой ангел в полном безразличии ко мне валялся на шёлковой кровати. Или смотрел в ноябрьское небо через вытертое до блеска стекло, или сидел, обхватив ноги, уткнув подбородок в колени. Нимб над его головкой слабо мерцал.

Все это стало меня угнетать. Нервы накалялись. Отнести на рынок? Вернуть? А может, отпустить на волю? Я представила, как мой ангел сидит на сухой осенней ветке. Нежное на корявом, ломком, холодном. Поёжилась.

Нет, тогда уж дождусь лета. Когда тепло, солнечно. Нет, отпустить нельзя. А если его голуби склюют?

Шли дни. Ничего не менялось.

Аня радостно завизжала, увидев в моих руках коробочку.

– Тёть Лен! Тёть Лен! Это мне?! Мама! Ма-а-а!

Розовый ангел сидел на ладони девочки и ворковал.

Домой я шла, меняя на ходу маршрут. Мне, собственно, было всё равно как идти – просто домой не хотелось. Кроватку

я тоже отдала, а вот место на полочке осталось. Вид из окна, куда смотрел мой ангел, остался.

«Там любовь, ты все сделала правильно», – говорила я сама себе.

С этого дня я тоже стала смотреть вдаль, через окошко в запотевшем ноябрьском стекле, сквозь толщу серого неба, сквозь толщу чёрного неба, сквозь толщу сверкающего неба, туда, где обитают нежные утешающие ангелы.

 Семейный альбом

Светлана ХУРАЛЕХ
Донецк

КСЮША, 6 ЛЕТ

Ксюша и друзья

Ксюша каталась на самокате, упала и поранила ногу. Когда рёв утих, в окошко дома, где обрабатывали раны, постучали присутствовавшие при аварии друзья Тимур и Миша:

- Ксюша, как ты? – поинтересовались они.
- Всё под контролем, – последовал ответ, – но очень больно.

Ксюша медленно идёт по улице после общения с друзьями. Навстречу – бабушка:

- Ксюша, что ты такая грустная?
- Прогулка не удалась.

В гостях у Ксюши Тимур. Во время игры он спрашивает у Ксюшиной мамы: «А у вас яичница есть?» Естественно, яичница вскоре появилась. После ухода друга мама осторожно интересуется у Ксюши:

- Надеюсь, ты в гостях не просила кушать?
- Конечно, не просила – я просто сказала, что кушать хочется.

Пожаловалась маме, что во время тихого часа в детсаду мальчик, кровать которого напротив, забирается к ней под одеяло. Мама посоветовала ей попросить воспитательницу, чтобы мальчика переложили подальше от Ксюши. Когда Ксюша пришла домой, мама, естественно, поинтересовалась, что и как.

– Да, – сообщает Ксюша, – переложили. Но другой мальчик всё время ловит меня и целует...

– А ты запрети ему это делать, – советует мама.

– Ты что, мама?! Он же без этого жить не может!

Ксюша и родственники

Папа:

– Ксюша, я закрыл твою косметичку...

Ксюша:

– Не закрыл, а застегнул – закрыть можно дверь или... тему.

В семье появилась приемная дочь Анечка, сверстница Ксюши. Вечерами папа возится с ними, но по утрам, собираясь на работу, естественно, много внимания проснувшимся девочкам не уделяет.

– Папа ты нас покидаешь?

– Покидаю.

– Ура! Ура!

Папа озадачен, почему его уход так радует дочек? И лишь когда они повторяют вопрос и виснут на нём, понимает, что они хотели, чтобы он их не покинул, а покидал, в смысле, подбрасывал.

Аня, рассматривая старые Ксюхины рисунки:

– А это что за каляки-маляки?!

Ксюша (с чувством):

– Это не каляки-маляки! Это – символ моего детства...

Бабушка предлагает Ксюше отметить годовщину свадьбы её родителей и посвящает в идею поздравления. Ксюша сходу «переписала» по-своему весь сценарий.

Бабушка (робко):

– А давай мы хоть что-то напишем стихами?

Ксюша:

– Нет, бабушка, стихами не надо! А то будет, как у Пушкина!

В разговоре с Ксюшей бабушка бросает фразу о том, что, мол, не на кого ей в жизни опереться.

Ксюша:

– Я – твоё оперение!

Диалог с мамой.

– Ксюша, ты ручки мыла?

– Ой, блин, вот до чего рассеянность может довести.

В последнее время Ксюша часто употребляет в разговоре «вот блин...».

Бабушка замечает, что «вот блин...» – грубое выражение.

Ксюша тут же исправляется: «Вот блинчик...»

Приехал дедушка. От автобусной остановки идёт по направлению к дому. Ксюша с радостным смехом догоняет его:

– Дедушка, дедушка. Я тебя узнала по...

Хотела сказать «по лысине», но смутилась и деликатно уточнила:

– По причёске...

Ещё пример её деликатности. Едва дедушка вошёл в дом, Ксюша принесла игрушку, присланную им ей до этого:

– Дедушка, это моя самая любимая игрушка!

Дедушка повёл Ксюшу в парк и в воспитательных целях поставил её перед выбором: купить недорогую куклу и порезвиться на дорогом батуте или купить дорогую куклу в ущерб батуту. Ксюша после некоторой внутренней борьбы выбрала дорогую куклу, и уже отходя от киоска:

– Дедушка, а когда ты к нам снова приедешь, сводишь меня на батут?

Угадайте с трёх раз, что сделал дедушка?

– Ксюша, – говорит ей дедушка, – ты ведь знаешь...

– У меня нет знаний, – поправляет она дедушку, – я ведь ещё в школе не учусь.

В очередной раз задаёт вопрос, который её давно волнует:

– Дедушка, ну почему вы расстались с бабушкой?

– Дураки были.

Ксюша понимающе:

– А-а-а...

«СИМВОЛ МОЕГО ДЕТСТВА»

*Ксюшины рисунки**Папа*

